

Библиошкола приключений

Э. БЕРРОУЗ

Возвращение Тарзана

Библиотека приключений

Э. БЕРРОУЗ

Возвращение Тарзана

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Эдгар Берроуз

Возвращение в джунгли

I. Суд

С тех пор, как десять лет назад в Балтиморе судили детоубийцу Спайдера, город не видывал таких сенсационных судебных разбирательств.

Зал заседаний оказался не в состоянии вместить всех желающих, и на ступенях суда с утра толкались любопытные, мечтавшие хотя бы мельком увидеть подсудимого, о котором трубили все газеты.

Всеобщий интерес вызывало не только то, что этот высокий черноволосый юноша обвинялся во множестве преступлений: в нанесении тяжких телесных повреждений семи полицейским во время исполнения служебных обязанностей; в причинении огромного материального ущерба балтиморской церкви Святого Духа; в покушении на убийство бизнесмена Роберта Канлера; в ожесточенном сопротивлении при аресте... И даже не то, что подсудимый недавно на глазах у сотен жителей Балтимора спас во время пожара двух человек, проявив при этом чудеса самопожертвования и героизма. Нет, самую большую сенсацию вызвало странное умопомешательство обвиняемого, который в самом начале процесса вдруг во всеуслышанье объявил себя Тарзаном из племени обезьян, сыном гориллы Калы!

На все остальные вопросы молодой человек отвечал вполне разумно, но всякий раз, когда его спрашивали о постоянном месте жительства, роде занятий и полном имени, его ответы звучали как горячечный бред:

— Моя мать была гориллой из племени Керчака; она назвала меня Тарзаном. Отца своего я не знал. Я родился и вырос в африканских джунглях, там охотился и сражался с хищниками и чернокожими людоедами. Я — Тарзан из племени обезьян, другого имени у меня нет.

Лишь благодаря показаниям лейтенанта Джека Арно с подсудимого было снято обвинение в неуважении к суду, но с тех пор все балтиморские газеты называли Тарзана не иначе как «сын гориллы» или «выкормыш обезьяны». Блокноты журналистов, откомандированных для освещения процесса, чуть не дымились под

бешено строчащими карандашами, каждый день газеты выходили с новыми сенсационными заголовками, посвященными «делу сына гориллы», но тон этих статей был скорее взволнованно-прочувствованным, чем оскорбительным.

Публика проникалась все большим расположением к подсудимому, с полным самообладанием отражавшему яростные атаки обвинителя, а присутствовавшие в зале заседаний женщины то и дело вытирали глаза, сочувственно глядя на красивого загорелого юношу. Подумать только, он совсем крошкой лишился родителей, брошенных на безлюдное африканское побережье, и был вскормлен в диких джунглях огромной уродливой обезьяной! Бедняжка, что ему пришлось пережить!

Но несмотря на явную симпатию публики к обвиняемому — симпатию, подчас выражавшуюся очень шумно — нанятый Робертом Канлером знаменитый юрист делал все, чтобы надолго засадить приемьша Калы за решетку.

Процесс шел пять дней, и эти дни дорого стоили Джейн Портер.

Видя, как болезненно девушка воспринимает все, что касается человека-обезьяны, Уильям Клейтон снова начал терзаться ревностью, покинувшей его было с тех пор, как Джейн согласилась выйти за него замуж. Молодой человек старался бороться с этим недостойным чувством, вспоминая, сколь многим он обязан Тарзану — тщетно! Зеленоглазый бес ревности продолжал царапать острыми когтями его сердце.

Наконец англичанин понял, что от его болезни есть единственное лекарство — добиться, чтобы «сын гориллы» как можно скорее исчез из жизни Джейн Портер. Если Тарзан будет оправдан и уедет обратно в Африку, Джейн мало-помалу забудет о нем, и тогда все наладится...

И Уильям Клейтон пустил в ход все доступные ему средства, стараясь привести процесс к наиболее благоприятному для подсудимого исходу. Впридачу к одному защитнику Клейтон нанял еще двух; он убедил пострадавших от рук Тарзана полицейских забрать исковые заявления; он смягчил гнев священника церкви Святого Духа, пообещав святому отцу щедрое пожертвование на церковные нужды — после чего тот выступил на суде с прочувствованной речью в защиту «бедного невежественного дитя из

джунглей»... Сам Клейтон на протяжении пяти дней процесса неоднократно выступал в качестве свидетеля, поражая воображение публики рассказами о том, как Тарзан спасал в африканских джунглях жизнь ему, Уильяму Сесилию Клейтону, а также всем остальным членам злосчастной экспедиции профессора Портера...

Все это вместе взятое вкупе со свидетельскими показаниями Джейн Портер, Джека Арно, профессора Архимеда Кв. Портера и мистера Самюэля Филандера не могло не принести нужных результатов. Несмотря на отчаянные усилия обвинителя суд к концу пятого дня заседания вынес самое мягкое решение, на которое только мог рассчитывать подсудимый. Тарзана приговорили к крупному денежному штрафу — но он был свободен и мог уехать из города сразу по выплате назначенной судом суммы!

Джейн Портер выслушала приговор с таким огромным облегчением, как будто ей самой возвращали жизнь и свободу. Она ничуть не сомневалась, что для Тарзана лишение свободы было бы равноценно лишению жизни.

Едва судья огласил решение и в зале разразилась радостная овация, Джейн Портер бросилась на шею сидящему рядом Клейтону.

— Он свободен, Уильям! Свободен!

— Я же говорил, что все будет в порядке, Джейн, — сдержанно откликнулся Клейтон.

— Просто не знаю, как вас благодарить! Господи, если бы не ваши усилия...

— Дорогая, я не сделал и четверти того, что должен был сделать для человека, много раз спасавшего нас от смерти...

Клейтон замолчал, не договорив, и крепко сжал губы. Если бы Джейн повнимательней присмотрелась к своему жениху, она поняла бы, что творится в его душе — но девушка не замечала никого, кроме медленно пробирающегося к выходу Тарзана. Человек-обезьяна не отвечал на сыплющиеся отовсюду поздравления, не обращал внимания на расспросы вьющихся вокруг журналистов и ни разу даже не попробовал отыскать взглядом Джейн Портер!

Отбросив всякое самолюбие, Джейн поспешила вдогонку за «сыном гориллы», но хотя Клейтон помогал (или делал вид, что

помогает) пробиться ей сквозь толпу, они очутились на ступенях суда уже тогда, когда Тарзан сел в автомобиль Джека Арно.

Девушка беспомощно проводила взглядом медленно отъезжающую машину.

— Уильям, мы должны его догнать!

— Зачем? — сухо поинтересовался Клейтон, отстраняя журналиста, сунувшегося к нему с каким-то вопросом. — Если бы Тарзан хотел выслушать наши поздравления, он бы подождал. Похоже, «дитя из джунглей» сейчас не очень-то расположено к разговорам... Пойдемте, Джейн, я отвезу вас домой, вам нужно наконец отдохнуть!

— Нет, нет! — умоляюще-требовательно воскликнула Джейн, садясь в машину, дверцу которой распахнул перед ней Клейтон. — Уильям, я не могу уехать, не повидавшись с ним, поймите!

Клейтон что-то тихо пробормотал и повел автомобиль сквозь толпу, направляясь в сторону отеля «Минерва».

По дороге к отелю, где снимали номер Тарзан и Арно, Джейн напрасно пыталась справиться с охватившим ее лихорадочным волнением.

Она понимала, что ведет себя крайне неразумно.

Она дала слово Уильяму Клейтону выйти за него замуж, она во всеуслышанье призналась в любви к нему — и вот теперь заставляет жениха везти ее к человеку, который все эти дни демонстративно не обращал на нее внимания!

О чем она скажет Тарзану, когда с ним встретится? Захочет ли человек-обезьяна вообще ее видеть? Если он все еще в нее влюблен (а Джейн очень надеялась, что это так), он наверняка не захочет даже слышать жалкий лепет о дружбе взамен любви...

Чем ближе они подъезжали к отелю, тем большее смятение охватывало Джейн Портер. Она то решалась сказать Тарзану всю правду, признавшись, что безумно любит его — то с ужасом отбрасывала эту мысль. Нет, она не могла допустить, чтобы «сын гориллы» и Уильям Клейтон сошлись из-за нее в кровопролитном бою! Уильям ни что не уступит ее человеку-обезьяне, и тогда... Нет, ей не хотелось даже думать, что тогда может случиться!

— Отель «Минерва», — объявил Клейтон тоном заправского таксиста, припарковываясь рядом с автомобилем Арно.

Джейн сжалась в комочек на заднем сиденье.

— Уильям... — прошептала она. — Может быть, вы сперва один поднимаетесь к мистеру Тарзану? Наверное, будет неудобно, если я явлюсь к нему вот так, без приглашения... Скажите, пожалуйста, что я хочу поздравить его с окончанием процесса, и... И... Если он захочет меня видеть...

— Конечно, Джейн, не беспокойтесь, — мягко отозвался англичанин. — А заодно я попробую обсудить с ним одно пустяковое дело.

— Какое? — почти испуганно спросила Джейн.

— Я бы хотел заплатить за него назначенную судом сумму. Для меня это — суцая безделица, тогда как для нашего лесного друга наверняка — полное разорение...

Девушка взглянула на своего жениха если не с любовью, то с такой теплотой и благодарностью, что, поднимаясь в номер Тарзана, молодой человек чувствовал себя почти счастливым.

II. Прозрение

Скоро все будет позади!

Он заплатит за Тарзана штраф, даст ему столько денег, сколько потребуется, чтобы добраться до Африки — и «сын гориллы» превратится в тускнеющее воспоминание наряду с другими кошмарами из его, Клейтона, африканских приключений...

Уильям постучал, не получил ответа и вошел в номер. Он уже хотел окликнуть человека-обезьяну, как вдруг громкий голос из следующей комнаты невольно заставил его прислушаться. А секунду спустя смысл донесшихся до него слов дошел до сознания Уильяма Сесилия Клейтона, лорда Грейстока — и он замер, как громом пораженный.

— Тарзан, подумай, ведь не поздно еще заявить о том, что ты — настоящий лорд Грейсток, а не Уильям Клейтон! — сердито говорил друг Тарзана лейтенант Арно. — Ты и так уже уступил этому человеку девушку, которую любишь — так зачем превращать самопожертвование в полное самоотречение, отказываясь от титула и богатств, принадлежащих тебе по праву?

Тарзан молчал, и через некоторое время, растянувшееся на целое столетие для затаившего дыхание Клейтона, снова раздался голос Арно:

— Если мы предъявим суду дневник Джона Клейтона старшего вместе с заключением экспертов по отпечаткам пальцев, ты станешь лордом Грейстоком, обладателем титула и огромного состояния — и тебе уже не придется ломать голову, чем оплатить штраф!

— Но это не поможет мне получить Джейн, — ответил негромкий равнодушный голос, в котором Клейтон с трудом узнал голос Тарзана.

— Не поможет, — согласился Арно. — Зато это поможет тебе выполнить данное мисс Портер обещание привезти из Африки золото ее отца...

Арно, ходивший взад-вперед по комнате, направился к двери, и Уильям Клейтон усилием воли сбросил охватившее его оцепенение.

Чтобы его не застали за подслушиванием, надо было объявить о себе — и молодой англичанин громко окликнул Тарзана, сделав вид,

что только что вошел в номер.

Все-таки ему не удалось полностью овладеть собой, потому что распахнувший дверь лейтенант Арно, пожимая гостю руку, окинул его удивленным взглядом.

Тарзан не выказал никакого удивления.

Стойко державшийся во время суда, сейчас он выглядел таким потерянным и опустошенным, что Клейтон невольно почувствовал жалость к прежнему неустрашимому лесному богатырю. Все движения Тарзана были вялыми и замедленными, и когда Уильям взял могучую руку, недавно чуть было не раздробившую плечо Роберту Канлеру, эта рука даже не попыталась ответить на пожатие.

Но, услышав предложение Клейтона оплатить наложенный на него штраф, Тарзан поднял голову, и в его синих глазах сверкнул прежний огонек.

— Я заплачу сам, — холодно проговорил человек-обезьяна.

— Но мне было бы совсем не трудно оказать вам эту маленькую дружескую услугу! Вы же знаете, я не стеснен в средствах, тогда как...

— Нет. Благодарю вас! — голос «сына гориллы» слегка изменился, и Клейтон поспешно кивнул:

— Хорошо, старина, как скажете! Да, и еще кое-что... Джейн Портер просила передать вам ее поздравления по поводу окончания процесса. Она...

Уильям был храбр, но вздрогнул и замолчал при виде опасно сощурившихся глаз человека-обезьяны и темно-багрового шрама, вдруг ярко проступившего на его лбу.

Однако голос Тарзана был по-прежнему негромким и ровным, когда он проговорил:

— Передайте мисс Портер, что я в ближайшее время отправлюсь в Африку за кладом ее отца. Ваша невеста может считать, что испанское золото уже лежит в полной целостности и сохранности в гостиной профессора Портера.

Клейтон несколько раз откашлялся, кивнул, облизнул губы — и наконец решился:

— Но... Средства, потребные на такую экспедицию... Может, вы все-таки позволите мне?..

— Мы добудем деньги, не беспокойтесь, — Джек Арно быстро шагнул между Тарзаном и Уильямом и стал оттеснять последнего к

двери. — Всего хорошего, мистер Клейтон, передайте мои наилучшие пожелания мисс Портер!

Мгновение спустя Уильям Клейтон очутился в коридоре — и содрогнулся, услышав в номере за своей спиной глухой рык «сына гориллы». Англичанин почти побежал к лестнице, мысленно благословляя Арно за то, что тот вовремя выставил его за дверь, за пределы досягаемости рук лесного человека!

Подумать только, что существо, в приступе звериной ярости издающее такие ужасные звуки — его двоюродный брат, настоящий лорд Грейсток...

Уильям вдруг заново и до конца осознал смысл ужасного открытия, которое только что сделал в номере Тарзана — и замер на середине лестницы.

Приемыш обезьяны, сын гориллы, дикий человек из джунглей не только украл у него любовь Джейн Портер. Тарзану принадлежали поместья, богатства и титул, которые он, Уильям Сесиль Клейтон, унаследовал после смерти своего дяди, лорда Грейстока. До сих пор считалось, что лорд умер бездетным, но как только английский суд узнает, что у лорда Грейстока есть сын — то, каким бы дикарем этот сын не был, он немедленно получит все, чем владел при жизни его отец!

Клейтон мысленно вернулся к своим африканским приключениям и удивился, как он раньше не заподозрил истины. Как он сразу не понял, что Тарзан из племени обезьян — это выросший в джунглях ребенок лорда Джона и леди Элис? Господи, только слепец мог не заметить поразительного сходства лесного человека с изображениями лорда Грейстока на семейных портретах!

А может быть, он, Уильям, не видел ничего, потому что не желал видеть?

Но теперь, когда он знает истину — что ему делать теперь?

Разумеется, на такой вопрос у порядочного человека мог быть только один ответ. И в обрушившемся на него несчастье Клейтон все-таки нашел одно утешение: пусть он лишится титула, поместий и богатств, зато никто не сможет отнять у него Джейн Портер!

И Уильям Сесиль Клейтон, еще пятнадцать минут назад считавший себя лордом Грейстоком, вышел из отеля и направился к автомобилю, в котором ждала его невеста.

— Что он сказал, Уильям? — жадно спросила Джейн, когда молодой человек открыл дверцу и сел за руль. — Он...

Клейтон медленно покачал головой.

— Я передал все, что вы просили. Но Тарзан никого не хочет видеть.

Девушка быстро опустила голову, чтобы Клейтон не успел заметить слезы, сверкнувшие в ее глазах.

Но он все видел — и снова дикий бес ревности рванул отравленными когтями его сердце.

— Тарзан просил передать...

— Да?! Что?!

— Чтобы вы не беспокоились насчет золота профессора Портера — он отправится за ним при первой же возможности.

— И это все?

— Да. Если не считать того, что он наотрез отказался от денег, которые я ему предложил.

Джейн закрыла лицо руками.

— Уильям, пожалуйста, отвезите меня домой, — тихим измученным голосом попросила она. — Я и вправду очень устала!

Молодой человек кивнул и включил зажигание.

«Я расскажу ей обо всем завтра, — подумал он. — Бедняжке и так слишком много пришлось вынести за эту неделю, чтобы обрушивать на нее новые переживания! Я расскажу все, как только она придет в себя...»

III. Решение

Арно долго ждал, пока Тарзан перестанет бушевать.

За это время Джеку пришлось трижды объясняться с коридорными и постояльцами отеля, встревоженными странными звуками, доносящимися из номера на втором этаже.

Когда в дальней комнате наконец все стихло, лейтенант выждал столько времени, сколько потребовалось, чтобы выкурить сигару, бросил окурочок в пепельницу, постучал и вошел.

В общем, все было не так уж плохо.

Почти вся гостиничная мебель уцелела, только от небольшого шкафчика остались одни щепки, а все стулья, два стола и диван оказались перевернутыми.

Тарзан сидел на полу в углу, совершенно вымотанный своим приступом бессильной ярости.

Джек поставил один из стульев на ножки и уселся.

— Я тут кое-что подсчитал, — сказал он, разворачивая покрытую цифрами бумажную салфетку. — И оказалось, что после уплаты штрафа, назначенного судом, у тебя останется меньше сотни долларов. Если к этому прибавить остатки моего жалованья, то получится сумма, которой едва хватит на путешествие до Европы в один конец. Каким же образом ты собираешься добраться до Африки и привезти оттуда золото профессора Портера?

Человек-обезьяна глядел перед собой, ничем не показывая, что слышит обращенные к нему слова.

— Может, ты все-таки позволишь Клейтону оплатить эту экспедицию?

Арно прекрасно знал, какую реакцию вызовут у его друга эти слова, и был весьма доволен результатом.

Равнодушное оцепенение разом слетело с человека-обезьяны, он вскинул голову, и в его глазах полыхнул прежний синий огонь.

— Мне ничего не нужно от Уильяма Клейтона! — прорычал Тарзан.

— Ясно.

Арно покачался на стуле, в задумчивости покусывая губу.

— Пожалуй, я могу раздобыть нужную сумму, — наконец проговорил он, — но для этого придется съездить в Париж.

— Зачем?

— Один тамошний приятель должен мне много денег, — нехотя объяснил Джек. — Теперь пришло время напомнить ему о долге.

Тарзан встал, встряхнулся, как проснувшийся лев, подошел к другу и дотронулся до его плеча.

— Я верну тебе все, как только смогу, — пообещал он. — Я найду способ заработать!

Арно задумчиво поглядел на него.

— Хорошо, но тогда подсчитай заодно, сколько я тебе должен, Тарзан?

— Должен мне? За что?

— За то, что ты вырвал меня из рук каннибалов Мбонги. За то, что выхаживал потом, кормил, поил и защищал. За то, что спас от львицы. За то, что помог вернуться в цивилизованный мир. За то, что, рискуя жизнью, стащил меня с горящей крыши. За то, что...

— Довольно, — прервал Тарзан. — Я понял.

— Ты всегда все схватывал на лету! — похвалил Джек Арно. — Ладно, не будем больше считать, кто из нас кому должен. Сегодня я закажу два билета до Гавра, а там... Надеюсь, Париж — самый цивилизованный из всех цивилизованных городов на свете — развеет твою хандру!

— Нет, — проворчал человек-обезьяна. — Я больше не жду ничего хорошего от цивилизованного мира. Теперь мне ясно, что быть культурным человеком — это значит делать то, что тебе не нравится, вести себя так, как ты не хочешь, и каждый день притворяться не тем, кто ты есть на самом деле. Спасибо, я сыт всем этим по горло!

— Поэтому ты и ответил на суде, что твоей матерью была горилла Кала?

— Да! — Тарзан с вызовом взглянул на Арно.

— Но ты мог бы просто сказать, что не помнишь своих родителей. Это даже не было бы ложью, но избавило бы тебя от многих хлопот, а меня — от необходимости лгать под присягой...

— Вот так и рассуждают все культурные люди! — горько улыбнулся Тарзан. — Да, вы всегда умеете найти лазейку в правилах, по которым живете! Но такие уловки не для меня. Я всю жизнь считал

матерью вскормившую меня обезьяну — так почему я должен делать вид, что забыл ее? Нет, я никогда ее не забуду! Я всю жизнь буду помнить, как она сражалась за меня с хищниками джунглей и с собственными сородичами, как согревала меня по ночам, утешала в младенчестве, опекала, кормила, лечила. И я помню, что впервые заплакал человеческими слезами над ее бездыханным трупом, пронзенным копьем Кулонги! Тебе, Джек, Кала показалась бы просто отвратительным диким зверем, но для меня она была самым красивым существом на свете! И я всегда буду горд назвать себя сыном Калы из племени Керчака.

Тарзан стиснул зубы и, помолчав, добавил:

— А что по этому поводу напишут газеты — мне наплевать. Да, вас, культурных людей, можно только пожалеть! Вы слишком многое отдали взамен того, чтобы получить право называться цивилизованными.

— А ты стал оратором, друг мой, — помолчав, серьезно сказал Джек Арно. — Пять дней, проведенных в суде, научили тебя красноречию, и теперь ты вполне смог бы сам выступать в качестве адвоката. Что же касается цивилизованных людей... Ты даже не представляешь, как ты прав, Тарзан!

IV. На пароходе

— Magnifique! — воскликнула графиня де Куд.

— Что такое? — удивился граф, взглянув на молодую жену. — Что вас так восхитило?

— О, пустяки, дорогой, — порозовев, ответила графиня. — Эти блики, играющие на волнах... Я никогда не устану любоваться океанским пейзажем!

Мужчина пожал плечами, демонстрируя полное равнодушие к бликам и волнам.

— Океанские пейзажи интересны только в первые дни плавания, Ольга, — проворчал он. — Пойду-ка я лучше поищу партнеров для игры в карты — это занятие куда увлекательней, чем созерцание скучной соленой воды за бортом...

Графиня де Куд улыбнулась мужу, но, когда он ушел, снова исподтишка взглянула на высокого молодого человека, лениво развалившегося в шезлонге неподалеку. Именно этот черноволосый юноша, напоминавший отдыхающего льва, и привлек внимание Ольги де Куд, а вовсе не игра солнечного света на волнах.

— Magnifique! — снова шепнула она.

Графине Ольге де Куд было всего двадцать лет. Ее мужу — за сорок.

Молодая женщина очень старалась быть хорошей женой, но поскольку вышла замуж не по велению сердца, а подчинившись решению отца — сурового русского барона — ей было трудно вжиться в роль любящей супруги. И нет ничего удивительного в том, что она невольно засмотрелась на поразительно красивого, атлетически сложенного молодого чужестранца...

Но графиня де Куд не помышляла даже о самом невинном флирте и рассматривала юношу с тем чистым удовольствием, какое получила бы от созерцания прекрасной статуи или картины.

И все же, когда молодой человек поднялся и пошел прочь, Ольга подозвала проходившего мимо лакея.

— Кто этот господин? — застенчиво спросила она, указывая на удаляющегося юношу.

— Он записан под именем господина Тарзана из Африки, сударыня.

— Весьма обширное владение, — улыбнулась молодая графиня.

Она провожала взглядом незнакомца до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

Тарзан бесцельно бродил по огромному кораблю, не зная, чем заняться. Он направился было в курительную комнату, где сейчас мог находиться Арно, но остановился, не дойдя нескольких шагов до двери.

У входа в салон тихо беседовали двое смуглых темноволосых мужчин, и чутье подсказало человеку-обезьяне, что их разговор таит в себе угрозу. Нюх на опасность ничуть не изменил Тарзану с тех пор, как он покинул родные джунгли, и выкормыш Калы бесшумно подошел ближе, чтобы подслушать, о чем шепчутся два подозрительных типа. Но они говорили на каком-то неизвестном ему языке.

Тарзан устало усмехнулся, вспомнив, как он был когда-то потрясен, узнав, что наряду с английским в мире белых существует еще добрых два десятка языков! Каким наивным дикарем он был всего десять месяцев назад, — дикарем, жадно пытающимся стать цивилизованным человеком! Тогда ему казалось, что впереди его ждет огромная, сверкающая, полная радости, любви и новых открытий жизнь...

Но цивилизованный мир не принес ему ничего, кроме разочарования и боли. И теперь Тарзаном все больше овладевало усталое равнодушие, порой убивающее антропоидов из племени его матери вернее болезни или жестоких ран.

Тарзан отказался учиться французскому языку, он не желал знакомиться с пассажирами корабля, он не хотел играть в «лошадиный бильярд» и читать книги из корабельной библиотеки. Он мечтал только об одном — навсегда вернуться в дикие джунгли, где нет никого, кроме зверей и чернокожих каннибалов! Но перед этим он должен выполнить обещание, данное Джейн Портер, и вернуть сокровище, которое по неведению украл у ее отца.

Погруженный в невеселые мысли, Тарзан задумчиво стоял в дверях курительной, как вдруг его взгляд скользнул по зеркалу, висевшему напротив. Человек-обезьяна уже достаточно поднаторел в карточной

игре, чтобы его внимание не привлекла странная сцена: один из игроков поднялся из-за стола, вежливо раскланялся и, проходя мимо другого, ловко опустил тому несколько карт в карман сюртука. После чего отошел в угол и лениво развалился в кресле, попыхивая сигаретой.

«Так-так!» — подумал Тарзан, узнав в этом типе одного из двух подозрительных чернявых субъектов.

Второй темноволосый субчик между тем продолжал игру, и теперь человек-обезьяна не спускал с него глаз. Тарзан был почти уверен, что здесь затевается какое-то мерзкое дело, но, не зная точно, что задумали два иностранца, не решался пока ничего предпринять. Воспитанник гориллы до сих пор не мог преодолеть робости в общении с незнакомыми людьми и терпеть не мог попадать в глупые ситуации. Если бы рядом был Арно, Тарзан посоветовался бы с ним, но Джека в салоне не было, и человек-обезьяна продолжал молча наблюдать за ходом событий, следя за подозрительными личностями так, как следил бы за крадущейся к водопою львицей...

Вскоре наступила развязка.

Человек, которому в карман сунули карты, выиграл крупную ставку у недавно присоединившегося партнера, и тогда чернявый тип в углу встал и кивнул своему сообщнику. В мгновение ока тот вскочил на ноги и взвизгнул:

— Если бы я знал, что этот господин — профессиональный шулер, я не дал бы вовлечь себя в игру!

Тотчас же все остальные игроки тоже оказались на ногах.

— Что вы себе позволяете, мсье? — срывающимся от негодования голосом воскликнул тот, кому подложили карты. — Знаете ли вы, что перед вами граф де Куд?

— Я знаю, что передо мной человек, только что передернувший в карты!

Разъяренный французский аристократ перегнулся через стол и ладонью ударил клеветника по губам; он повторил бы удар, но его оттащили.

— Тут явное недоразумение! — вскричал один из игроков. — Мсье, ваши обвинения просто нелепы!

— Если окажется, что я ошибся, я охотно принесу графу свои извинения, — с гадкой улыбочкой заявил обвинитель. — Но пусть он

сначала объяснит, зачем он только что сунул в карман три карты!

— Вы пьяны, мсье! — с презрением бросил граф. — Но, чтобы раз и навсегда покончить с этим диким недоразумением, я разрешаю любому из присутствующих джентльменов обыскать меня.

— Что вы, что вы! Никто не сомневается в вашей порядочности! — наперебой зазвучали протестующие голоса.

— Однако вы бы в ней усомнились, если бы заглянули в правый карман этого человека, — с еще более наглой улыбкой бросил чернявый тип.

Граф де Куд, пожав плечами, сунул руку в свой правый карман...

И все присутствующие вскрикнули в один голос, когда он извлек оттуда три карты.

Француз, побледнев как мертвец, ошарашено уставился на лжесвидетелей своего позора, а потом обвел всех взглядом, полным безмерного ужаса. Темно-багровая краска стала медленно заливать его лицо.

Во всех устремленных на него взглядах читалось сострадание и презрение — теперь никто не сомневался, что человек, занимающий высокий пост во французском военном министерстве, унизился до шулерства.

Графу стало ясно, что он стал жертвой заговора, и у него вырвались слова, которых не понял пристально наблюдавший за всем происходящим человек-обезьяна. Зато Тарзан ясно понял все остальное и, оттолкнувшись от косяка, мягкой звериной поступью двинулся к человеку, только что покинувшему кресло в углу.

Он перехватил его возле двери и взял за руку выше локтя.

— Pardon? — недовольно пробормотал этот субъект, чье лицо обезображивали оспинки, видные даже сквозь редкую черную бородку.

Человек-обезьяна крепче сжал его руку, молча потащил к столу, и впервые в жизни Николай Роков ощутил, что имеет дело с мускулами, не уступающим в силе его собственным.

Он пытался вырваться, ругался, извивался, но черноволосый юноша выволок его на середину комнаты и бросил к столу.

— Джентльмены, позвольте кое-что прояснить, — сказал Тарзан, свирепым взглядом удерживая Рокова от попыток к бегству. — Вот этот господин, которому я только что помешал покинуть комнату,

положил три карты в карман графа де Куд. Я видел эту сцену в зеркале, а перед игрой наблюдал, как негодяй сговаривался с человеком, только что обвинившим графа в шулерстве.

Все кругом возбужденно зашумели.

— Бог ты мой! Николай! — воскликнул граф де Куд, взглянув на типа, который потирал руку, полураздавленную стальными пальцами Тарзана. — Я должен был догадаться, что это твоя проделка! А вас, господин Павлов, — повернулся он к своему обвинителю, — я не узнал сразу только потому, что вы сбрили бороду. Но с бородой или без бороды — вы все такой же негодяй, каким были раньше!

Шум усилился; теперь все спешили принести извинения графу, чуть было не пострадавшему от ужасной клеветы.

— Надо передать обоих мерзавцев капитану! — крикнул один из игроков. — Пусть их посадят под замок до Гавра, а там...

— Нет, — вдруг решительно произнес граф. — Это личное дело, и с меня довольно того, что моя репутация восстановлена. Я очень прошу вас, господа, навсегда предать забвению этот постыдный инцидент!

Все удивленно посмотрели на него.

— Что ж, вы пострадали от этих мерзавцев, вам и решать, что с ними делать, — разочарованно пожал плечами один из игроков. — Хотя, по справедливости, таких животных даже не стоит отдавать под суд, их надо просто выкидывать за борт!

Провожаемые смехом, презрительными и возмущенными выкриками, двое заговорщиков поспешно скрылись.

Тарзан тоже хотел уйти, но вырваться от графа де Куд оказалось не так-то просто! Преисполненный благодарности француз обрушил на своего «спасителя» многословные заверения в вечной признательности и дружбе, а потом потащил человека-обезьяну на верхнюю палубу — представить жене.

Молодая красивая женщина взволнованно выслушала рассказ мужа о происшествии в курительной и засыпала его и Тарзана десятками сумбурных вопросов. Только в десятый раз клятвенно пообещав супругам обязательно навестить их в Париже, Тарзан наконец-то получил свободу.

Растревоженный гораздо больше огромными серыми глазами графини де Куд, чем столкновением с двумя мерзавцами, приемши

Калы минут десять бродил по кораблю и только потом спустился в каюту. Там он увидел Джека Арно, сидящего в глубокой задумчивости над листком бумаги.

— Может, объяснишь мне, что это значит? — спросил Арно, передавая другу записку. — Это только что сунули нам под дверь. И уже первая строчка настолько меня заинтриговала, что я набрался наглости и прочитал до конца адресованное тебе послание!

Тарзан взял листок и прочел вслух:

— «Господин Тарзан! Думаю, вы не отдавали себе отчета, в какую неприятную историю ввязываетесь, иначе не обошлись бы со мной подобным оскорбительным образом. Я читал в балтиморских газетах о „процессе сына гориллы“ и готов поверить, что такой невежественный дикий человек, как вы, не понимал всех возможных последствий своего поступка. Ввиду вышеизложенного я готов принять ваши извинения, если они будут изложены на чистом английском языке без примеси обезьяньего лопотания. Иначе во время нашей следующей встречи вы будете с умилением вспоминать столкновения с самыми опасными хищниками ваших родных джунглей.

С совершеннейшим уважением — Николай Роков».

— Куда ты? — привстав, осведомился Арно.

— Хочу показать этому негодяю, что лучше ему дразнить Нуму или Шиту, чем угрожать «сыну гориллы», — со зловещей усмешкой ответил человек-обезьяна.

— погоди! Может, сначала все-таки объяснишь, что за столкновение у тебя вышло с Николаем Роковым?

Выслушав рассказ Тарзана, Джек Арно помрачнел.

— Мне все это не нравится, — пробормотал он. — Конечно, в открытом бою ты два счета расправился бы с дюжиной мерзавцев вроде Рокова, но такие люди редко сражаются, как Нума или Шита, чаще они стремятся ужалить исподтишка, как Хиста... Пойдем-ка поищем твоего нового знакомого — я хочу понять, чего от него можно ожидать.

Тарзан нехотя кивнул.

Он привык сражаться в одиночку, но признавал, что Арно лучше него разбирается в хитросплетениях людских отношений. К тому же упоминание о Хисте воскресило в его памяти тот случай, когда Арно спас его после укуса змеи. Что ж, если речь и впрямь идет о змее в

человеческом обличье, можно положиться на опыт Джека, но... Никто не будет равен ему, Тарзану, если дело дойдет до боя!

Арно и Тарзан обошли весь корабль в поисках русского и вдруг увидели его в укромном закутке на носу рядом с женщиной под вуалью. Роков прижимал женщину спиной к борту и что-то угрожающе ей говорил... А потом вдруг грубо схватил свою собеседницу за кисть и начал выкручивать ей руку, перегнув спиной через релинг. Женщина испуганно вскрикнула, но русский быстро зажал ей рот свободной ладонью...

И тут стальные пальцы сдавили его шею, оторвали от жертвы, вздернули вверх — и негодяй повис, болтая ногами, над бушующей далеко внизу океанской пучиной. Ветер быстро свежел, по воде ходили волны, обшитые белой пеной.

Настал черед Рокова попытаться вскрикнуть, но стисткивающие его горло пальцы задавили вопль.

— Вы, кажется, мечтали о встрече со мной? — холодно спросил Тарзан, глядя в вытаращенные глаза мерзавца. — Ваша мечта сбылась. Интересно, вы и сейчас считаете себя опасней тех хищников, с которыми я сталкивался в джунглях?

Болтаясь над водой, Роков обеими руками держался за сдавливающую его шею мощную загорелую руку; из горла русского вырывалось еле слышное хрипение.

И вдруг за негодяя вступилась женщина, откинувшая с лица вуаль.

— Умоляю вас, господин Тарзан, отпустите его! — воскликнула она.

К своему огромному удивлению Тарзан узнал графиню де Куд.

— Отпустить? — он задумчиво посмотрел на свою добычу.

Джек тем временем успел закурить сигарету.

— Отпустить-то, конечно, придется, — проговорил он. — Но стоит подумать, где именно — там, где он сейчас, или над палубой?

Роков захрипел сильнее и метнул на Арно полный ненависти взгляд.

— Пожалуйста, не надо! — снова взмолилась женщина.

Тарзан улыбнулся и швырнул Рокова на палубу с такой силой, что тот покатился кувырком, ударившись затылком о штриборт.

— Тысяча... чертей... — держась за горло, просипел русский. — Скотина, ты за это заплатишься!

И, быстро перекатившись на бок, он выхватил из кармана револьвер.

Графиня в ужасе завизжала, но Арно, не вынимая сигареты изо рта, сделал шаг вперед и метким пинком выбил револьвер из руки Рокова.

— Лучше бы я все-таки бросил его в океан, — пробормотал Тарзан.

Джек поднял оружие и швырнул его в волны, на которые с таким сожалением смотрел человек-обезьяна.

— Вы... оба... еще попомните меня! — с трудом поднимаясь на ноги, прошипел русский. — Особенно это касается тебя, выкормыш обезьяны! Вскоре ты узнаешь, что за человек Николай Роков, и запомнишь это на всю жизнь!

И негодяй скрылся так быстро, что никто даже не заметил, в какую щель он нырнул.

Но сейчас у друзей были заботы поважнее, чем отслеживание Рокова: графиня де Куд в полубморке опустилась на палубу.

V. В ожидании свадьбы

В доме старого профессора Портера уже много дней царила бестолковая суматоха: Джейн Портер готовилась к поездке в Англию вместе со своим женихом Уильямом Сесилем Клейтоном.

Уже неделю девушка проводила в приготовлениях к плаванию, которое должно было стать прелюдией к ее свадебному путешествию. Но профессор Портер никак не мог взять в толк, почему его дочь чаще плачет, чем смеется, вспоминая о своей скорой свадьбе? И почему она поспешно переводит разговор на другое, стоит завести речь о том, какая прекрасная у нее будет жизнь в старинном поместье лорда Грейстока? И почему чернокожая служанка Эсмеральда всякий раз начинает лить слезы и обиженно дуться при каждом визите жениха своей госпожи, к которому прежде относилась с большим уважением? И почему Элоиза Стронг смотрит на Джейн с таким сочувствием, словно ее подругу ждет не брак с красивым богатым молодым человеком, а невесть какая беда?

Эти вопросы время от времени смущали покой старичка-профессора, нарушая привычный четкий ритм его научной работы... Но так как профессору Портеру не удалось найти позитивного ответа ни на один из вышеупомянутых вопросов, он решил отложить исследование душевного состояния своей дочери на потом — и с головой погрузился в изучение новой монографии по санскриту.

Эта работа так захватила его, что старый ученый перепутал день, назначенный для отъезда Джейн, и прощальная суматоха застала его врасплох.

Профессор Портер внезапно с огромным удивлением обнаружил, что автомобиль Клейтона уже стоит у дома, что все чемоданы вынесены из прихожей, что дочь раз за разом обнимает его и целует, со слезами наказывая Эсмеральде получше присматривать за хозяином!

Все это вместе взятое так поразило старого джентльмена, что он почувствовал, как кто-то грубо и бесцеремонно вырывает землю у него из-под ног. Обнимая дочь, ученый вдруг осознал, что он впервые в жизни расстается с Джейн надолго, очень надолго... И вдруг зарыдал так громко, что удивил даже заливающуюся слезами Эсмеральду!

Машина Джейн давно уже скрылась за поворотом, когда профессор Портер наконец взял себя в руки и, цыкнув на всхлипывающую служанку, выразил удивление, что вместе с его дочерью и мистером Клейтоном в автомобиле сидели Элоиза Стронг и ее старая компаньонка мисс Дэн.

— Ох, масса Портер, да неужто вы не знаете? — воскликнула негритянка. — Мисси Джейн уговорила мисси Элоизу поехать вместе с ней в этот ужасный Старый Свет! Без мисси Элоизы — сказала моя крошечка — ей ни в жизнь не вынести эту проклятушую свадьбу с масса Клейтоном!

— Эсмеральда, тебе должно быть стыдно характеризовать такими словами самое счастливое событие в жизни твоей госпожи! — строго одернул служанку профессор Портер.

— Может, для кого это событие и счастливое, — вытирая мокрые щеки, возразила Эсмеральда, — да только не для моей бедняжки! Ей-то из-за этой свадьбы давно уже свет не мил, что Старый, что Новый!

Решительно приказав Эсмеральде выбросить из головы подобные глупости, профессор вернулся в кабинет и засел за монографию по санскриту.

Он надеялся, что работа вернет ему утраченное душевное равновесие, но, увы, истинно научный склад ума, которым всегда так гордился старый джентльмен, на этот раз изменил ему. После многократных тщетных попыток вникнуть в смысл прочитанного профессор наконец со вздохом отложил книгу и предался растерянным размышлениям о своей дочери.

Конечно, Эсмеральда болтает ерунду! Как Джейн может быть несчастной, выходя замуж за такого умного, богатого и доброго джентльмена, как молодой Клейтон? В том, что Уильям Клейтон любит его дочь, профессор не сомневался — он постиг глубину его чувств еще во время поисков Джейн, похищенной в Африке огромной страшной гориллой. И сама Джейн всегда с особой теплотой отзывалась о юном Клейтоне... Конечно, они будут счастливы, непременно!

Но почему-то, сидя над недочитанной монографией и глядя поверх очков неведомо куда, старый ученый то и дело тяжело вздыхал.

— Спасибо, что ты согласилась поехать со мной, Элоиза, — сказала Джейн, оставшись наедине с подругой в роскошной каюте корабля, готового отплыть в Англию. — Прости, что я так эгоистично распорядилась твоим временем, но... Без твоей поддержки мне вряд ли удастся вынести то, что вскоре меня ожидает.

— Ну что ты, я была ужасно рада поехать с тобой, дорогая! — ответила мисс Стронг, приглаживая перед зеркалом волосы. — Я ни за что не бросила бы тебя одну! К тому же мне очень хочется пожить в настоящем старинном английском поместье. Может, мы даже сможем поохотиться на лис, как заправские английские аристократки? — легкомысленно добавила она и рассмеялась.

— Я уверена, что мистер Клейтон организует для тебя это развлечение, — вымученно улыбнулась мисс Портер. — Охота на лис... Да, вот истинное занятие для истинных джентельменов. Но хотелось бы мне знать, многие ли из светских друзей моего жениха могут справиться один на один со львом или с огромной свирепой гориллой?

Мисс Стронг отвернулась от зеркала, под села к подруге и нежно ее обняла.

— Неужели ты никогда не сможешь забыть его, дорогая?

Джейн покачала головой.

— А если очень-очень постараться?

— Я много раз старалась... — прошептала Джейн. — Но я не могу! Я знаю, нам не суждено быть вместе — и все-таки больше всего на свете мне хотелось бы знать, чем он сейчас занимается? О чем думает? С кем говорит? Вспоминает ли он меня хоть немного? Скучает ли по мне? А может быть...

— Что, подружка?

— А может, в этот миг он как раз не сводит глаз с другой женщины?

VI. Снова на корабле

Тарзан не сводил глаз с бледного лица молодой женщины, в рот которой Арно только что влил несколько капель вина.

Это простейшее тонизирующее средство оказало на графиню де Куд такое действие, что вскоре она открыла глаза, села и испуганно огляделась.

— Все в порядке, сударыня, — заверил Арно. — Вы у себя в каюте... А сейчас, я думаю, стоит позвать вашего мужа и известить капитана о нападении, которому вы подверглись. Пусть Николая Рокова возьмут под стражу, а в Гавре передадут властям!

Порозовевшие было щеки молодой женщины снова побелели, и графиня де Куд умоляюще прижала руку к груди.

— Пожалуйста, нет! Никому ничего не говорите...

— Почему?

Ольга де Куд опустила голову и промолчала.

— А если этот негодяй снова на вас нападет? — мрачно спросил Тарзан.

— Не нападет... Я уверена, он и сейчас не хотел ничего плохого... Мы просто немногого поспорили, и он погорячился...

— Мы были свидетелями его горячности, — отозвался Арно. — Со стороны это было похоже не на дружеский спор, а скорее на попытку убийства.

— Все равно, я никак не могу допустить, чтобы его арестовали!

— Почему? — еще угрюмее спросил Тарзан.

Женщина отвела взгляд. Ее губы дрожали.

— Незадолго до этого ваш муж тоже отказался отправить Рокова под арест, хотя русский сделал все, чтобы опозорить графа, — напомнил Тарзан. — Какую власть имеет над вами этот человек?

Графиня де Куд молча перебирала бахрому своей шали.

— Хорошо, — сказал человек-обезьяна и встал. — Если вы не хотите дать делу законный ход, я буду действовать по своему усмотрению.

— Что? Как? — поднимая на него глаза, испуганно выдохнула графиня.

— Если у меня возникнет хотя бы тень подозрения, что Роков вам угрожает, я в тот же миг вышвырну мерзавца борт!

— Он так и сделает, мадам, поверьте, — вставил Арно. — Может, вам лучше все-таки объясниться?

Юная графиня некоторое время переводила широко открытые глаза с угрожающе-мрачного Тарзана на внешне безмятежного Джека Арно — и наконец со стоном закрыла лицо руками.

— Хорошо, я все расскажу... — пролепетала она. — Дело в том... Господи, дай мне сил! Дело в том, что человек, который пытался меня убить — мой родной брат!

Тарзан и Арно переглянулись, Джек с трудом удержался от того, чтобы присвистнуть.

Человек-обезьяна снова сел.

— Да, мсье, — продолжала графиня де Куд, — Николай с детства был испорченным мальчишкой, и чем старше он становился, тем невыносимее делался его характер. Его выгнали из армии, лишив чина капитана — я не хочу вспоминать о скандале, послужившем причиной этого. Отцу удалось устроить брата в министерство внутренних дел, но Николай катился от преступления к преступлению, и только дьявольская хитрость всякий раз помогала ему избегать каторги. Увы, я лучше кого бы то ни было знаю характер Николая Рокова, и я боюсь, что вам обоим еще не раз придется пожалеть о встрече с этим человеком!..

— Почему он вас преследует? — не очень вежливо перебил даму Тарзан.

— Все очень просто... Но как же трудно мне в этом признаться! Дело в том, что мой брат Николай Роков и его товарищ Павлов — русские шпионы. А мой муж, граф де Куд, имеет доступ к самым важным делам военного министерства; у него на руках часто бывают бумаги, за которые русское правительство заплатило бы целое состояние...

Тарзан взглядом попросил Арно дать ему в ближайшее время соответствующие пояснения. Человек-обезьяна не имел ни малейшего представления о шпионаже и шантаже, и объяснения Ольги де Куд были ему во многом непонятны. Но он интуитивно ухватил самую суть и слушал, не перебивая.

— В настоящее время муж работает с какими-то сверхважными бумагами, и Николай делает все, чтобы раздобыть их копии. Интрига со мнимым шулерством была затеяна для того, чтобы путем шантажа добиться от мужа повинения. Если бы выяснилось, что граф де Куд плурует в карты, карьера мужа была бы кончена; больше того — он подвергся бы общественному ostracismу. Николай рассчитывал получить проклятые бумаги в обмен на признание, что карты были нарочно подложены в карман графа...

Тарзан слушал тихий прерывающийся голос, испытывая все большее отвращение к «цивилизованному» миру.

— Но вы, господин Тарзан, помешали плану Николая, и тогда брат попытался убедить меня выкрасть нужные документы из сейфа мужа...

Тарзан не смог больше молчать.

— И вы не хотите, чтобы Николай Роков получил по заслугам? — недоумевающе спросил он.

— Кровь — не вода... — еле слышно прошептала молодая графиня. — Все-таки он мой брат, и если бы он попал в тюрьму, позор лег бы на всю нашу семью...

— Я этого не понимаю, — откровенно признался человек-обезьяна.

— А я не понимаю другого, — подал голос Арно. — Почему вы не хотите рассказать обо всем мужу?

Ольга де Куд покраснела так, что на нее стало жалко смотреть; потом решительно тряхнула головой.

— Хорошо, раз уж я начала признаваться, я признаюсь во всем! Я выросла в пансионе при монастыре, и когда мне было шестнадцать лет, встретила там с человеком, которого приняла за джентльмена. Я ничего не знала о мужчинах, столь же мало о любви — и вообразила, что влюблена. Он уговорил меня бежать, чтобы обвенчаться; я поддалась на уговоры. Через три часа после побега на железнодорожной станции к нам подошли два жандарма и арестовали моего спутника: он оказался дезертиром, скрывавшимся от армейского и уголовного суда. Меня отправили обратно в монастырь, и тамошняя администрация замяла дело. Даже родители ничего не узнали. Но Николай впоследствии встретился с тем человеком, узнал от него историю моего побега и...

— И?

— И теперь шантажирует меня, угрожая рассказать графу о моей «интрижке» с уголовником, если я не выполню всех его требований.

Тарзан посмотрел на Арно; Джек возвел глаза к потолку.

— Мадам, если вы не откажетесь принять совет постороннего человека — расскажите обо всем мужу, — сказал Арно. — Граф де Куд хорошо знаком с Николаем Роковым, и, конечно, поверит вам, а не ему!

— Я не смею, — слабо ответила графиня. — Вы американец, сударь, а в Америке совсем по-другому смотрят на подобные вещи. Но во Франции, как и у нас в России, аристократ никогда не простит своей жене, если она бросит на его репутацию хотя бы призрачную тень...

— Тогда разрешите откланяться, — вдруг почти грубо сказал Тарзан и встал. — Если муж не доверяет вам, а вы не верите в доброту и понимание вашего мужа, решайте сами, как быть. Но клянусь — если я замечу, что Роков вам угрожает, я и впрямь утоплю его, как щенка!

— Спасибо за добрые намерения, мсье, но... Не дай вам бог когда-нибудь еще встать на пути моего брата!

Человек-обезьяна молча пожал плечами и вышел; Арно последовал за ним.

До самой каюты оба молчали, но там, повалившись на койку и уставившись в потолок, Тарзан сказал с бесконечной тоской:

— Как бы я хотел поскорей вырваться из этого цивилизованного мира и опять очутиться среди диких зверей, которые не пожирают друг друга из-за денег, из мести или просто потехи ради!

VII. Улица Моль

К большому разочарованию Тарзана, за все время путешествия Николай Роков и его дружок Павлов ни разу не потревожили его. Оба негодяя даже не пытались приблизиться к графине де Куд и вообще старались не попадаться на глаза никому из пассажиров.

Зато сама графиня и ее муж настойчиво искали общества Тарзана. Эти люди были так доброжелательны и милы, что в конце концов человек-обезьяна сумел преодолеть свою замкнутость и близко сошелся с обоими супругами.

Ольга де Куд ни словом не обмолвилась о том, что на следующий день после приключения на палубе брат подсунул под дверь ее каюты газету со статьей о балтиморском процессе, пестрящую портретами «сына гориллы». Стремясь опорочить Тарзана в глазах сестры, Николай добился обратного — молодая женщина почувствовала еще больший интерес к человеку с такой необыкновенной судьбой.

Когда корабль наконец причалил в гавани Гавра, супруги де Куд с огромным сожалением расстались с Тарзаном, на прощанье еще раз взяв с юноши обещание обязательно навестить их в Париже.

К большому удивлению Арно, его друг решил выполнить это обещание уже через день после того, как они явились в блистательный город Париж.

Друзья поселились у двоюродной бабушки Джека, донельзя обрадованной появлением внука. Одинокая мадам Арно категорически заявила, что и речи быть не может о том, чтобы Джек и его друг сняли номер в отеле. Никаких отелей, они будут жить у нее! — и старушка тут же дала распоряжение приготовить две самые лучшие комнаты, учинив веселую суматоху на всех двух этажах своего старинного полупустого дома.

Сначала Тарзан чувствовал себя скованно и неудобно в обществе маленькой седовласой женщины, которая казалась ему такой же хрупкой, как и ее старинная посуда. Он целовал руку мадам Арно еще осторожней, чем прикасался к ее чашкам и блюдам из прозрачного

фарфора; но старушка излучала такую доброту, что человек-обезьяна и сам не заметил, как его смущение бесследно исчезло.

Узнав, что мсье Тарзану вскоре предстоит визит в аристократическую семью, мадам Арно немедленно принялась наставлять юношу в великосветских манерах.

— Ах, на Джека я давно уже махнула рукой, — жаловалась старушка. — Его американские родственники вконец испортили его манеры! Но я надеюсь, что вы, мсье Тарзан, меня не разочаруете!

Мсье Тарзан делал все от него зависящее, чтобы не разочаровать мадам Арно.

За один день общения со старой леди человек-обезьяна узнал о светских манерах столько, сколько не узнал бы даже за двадцать посещений Пале-Рояля; и вскоре Джек заверил бабушку, что новый ученик ее не подвел: Тарзан очаровал всех гостей на большом приеме в особняке графа де Куд.

Помимо воли Тарзан оказался околдован легкомысленным обаянием Парижа.

Днем он бродил по картинным галереям, а вечерами новые друзья водили его в те заведения, где жизнь начинает бурлить лишь с заходом солнца. Пару раз Арно сходил с Тарзаном в оперу и в мюзик-холл, но, убедившись, что человек-обезьяна чувствует себя вполне уверенно во всех здешних непривычных для него местах, да к тому же у него всегда достаточно спутников, Джек перестал его сопровождать.

У приемыша Калы и впрямь был теперь скорее избыток, чем недостаток приятелей: пикантные подробности «дела сына гориллы» недавно взбудоражили весь Париж, и Тарзан стал самой знаменитой личностью и самым желанным гостем на всех светских приемах.

Внимание мужчин и восхищение женщин льстило самолюбию человека-обезьяны, и он оказался полностью захвачен новыми возможностями той цивилизованной жизни, которую еще недавно так ругал.

Только иногда, наблюдая за кружащимися в танце изящно одетыми мужчинами и женщинами, Тарзан грустно усмехался, вспоминая неистовую обезьянью пляску Дум-Дум в ночь полной луны в самом сердце диких африканских джунглей...

Но от подобных мыслей его быстро отвлекла молодая графиня де Куд. Стоило Тарзану загрустить, как она тут же старалась занять его оживленным разговором; и вскоре «сын гориллы» начал чувствовать такую потребность в обществе прелестной юной женщины, что почти каждый день навещал гостеприимный особняк графа де Куд. Он начал учиться французскому языку и удивлял Ольгу своими поразительными успехами.

Дни мелькали за днями, вечера — за вечерами; Тарзана кружил вихрь парижских развлечений, помогая приемьшу Калы забыть о прошлом и не думать о будущем.

Однажды вечером веселая компания, в центре которой был Тарзан, разошлась по домам раньше обычного.

Как правило, человек-обезьяна возвращался домой только под утро, бесшумно влезая в окно на втором этаже, чтобы не разбудить мадам Арно — но сейчас едва-едва пробило полночь, когда он побрел к дому по узкой улице Моль.

Здесь было безлюдно и тихо; ущербная луна освещала брусчатую мостовую и темные окна невзрачных старых домов.

Вдруг Тарзану почудилось движение впереди — там, где тьма, отбрасываемая мезонином, была особенно густа. В тот же миг в насвистывавшем веселую песенку гуляке проснулась настороженность дикого зверя. Тарзан замер, внимательно вглядываясь в темноту; потом медленно двинулся вперед.

Вскоре он увидел трех человек, притаившихся в тени мезонина, и почти сразу сзади раздались торопливые шаги. «Сын гориллы» понял, что его окружают и что ему придется драться.

Если бы скрадывавшие Тарзана люди могли увидеть улыбку, появившуюся на лице их жертвы в этот момент! Наверняка полученная убийцами щедрая плата показалась бы им ничтожной и они бросились бы кто куда.

Человек-обезьяна двинулся к затаившемуся врагу, едва сдерживая нетерпение. Вот чего ему так не хватало все эти дни в Париже, вот что не могло сравниться ни с вихрем кардабалета, ни с будоражащей кровь музыкой в «Гранд-Опера»!

Самый великий боец западноафриканских джунглей истосковался по битвам с равным ему противником и по тому наслаждению, какое

эти битвы дают. И когда трое притаившихся впереди людей внезапно вышли из засады, человек-обезьяна сделал то, чего никак не ожидали от него бандиты. Вместо того, чтобы кинуться назад и налететь на ножи тех, кто поджидал его за углом ближайшего дома, Тарзан прыгнул вперед и напал сам.

Спустя три секунды один из негодяев бездыханным валялся на мостовой, второй со стонами прижимал к животу сломанную руку, а третий, стоя на коленях перед швырнувшим его на мостовую чудовищем, истошными воплями призывал на помощь. Помощь немедленно прибыла — и Тарзан из племени обезьян оказался в кругу людей, вооруженных палками и ножами.

Приемыш Калы испустил зловещий рык и показал все, на что он способен.

Куда девался безупречный джентльмен, полчаса назад любовавшийся выступлением испанской танцовщицы! На тесной улице Моль бесновался дикий зверь, рычащий от жажды крови, монстр, в руках которого нанятые Николаем Роковым матерые убийцы чувствовали себя слабыми мышками в лапах дикого кота!

Меньше минуты бандиты пытались сопротивляться бешеному натиску Тарзана... А потом с пронзительными воплями бросились наутек.

Тарзан догнал одного из убегающих врагов и, повалив, прижал ногой к брусчатке. Бандит по прозвищу Живодер тонко заверещал, но его визг заглушил ужасный, душераздирающий, невыразимый крик. Запрокинув голову к ущербной луне, тускло горящей над ночным Парижем, человек-обезьяна торжествовал свою победу!

Живодер икнул и потерял сознание.

Тем временем шум битвы и страшный клич Тарзана заставил осветиться все окна на улице Моль, и к месту происшествия уже спешила полиция.

Сын Калы снял ногу с поверженного врага, окинул взглядом усеянное неподвижными телами поле боя... И услышал свистки и крики полицейских, с двух сторон вбегающих на улицу Моль.

Только сейчас Тарзан очнулся и понял, что он натворил. То, что произошло в Балтиморе, крепко-накрепко запечатлело в сознании «сына гориллы»: законы белых людей еще более неумолимы, чем законы джунглей! За убийство в цивилизованном мире сажают в

тюрьму, и лучше уж встретиться в бою с целым прайдом голодных львов, чем оказать сопротивление полиции!

Бесстрашно встретивший нападение дюжины вооруженных бандитов, при виде стражей закона человек-обезьяна впал в панику.

Он метнулся назад, чтобы ускользнуть — но и в другом конце улицы увидел бегущих к нему полицейских.

Нет!! Он не даст запереть себя за решетку!!!

И приемыш гориллы в мгновение ока взлетел на фонарный столб, откуда перепрыгнул на крышу ближайшего дома. Промчавшись по шатающейся под ногами черепице, Тарзан перескочил через узкое пространство, отделяющее дом от соседнего — и исчез в путанице крыш старого парижского квартала.

Джека Арно разбудил страшный вопль, который ему не раз доводилось слышать в африканских джунглях.

Какое-то время юноша пытался сообразить, приснился ему этот крик или прозвучал наяву; потом вскочил и подбежал к распахнутому окну.

За окном мирно спал Париж, и Джек уже хотел посмеяться над шуточкой, которую сыграло с ним воображение... Как вдруг увидел тень, стремительно передвигающуюся по соседним крышам. Вот эта тень перепрыгнула на крышу дома мадам Арно, скользнула по фонарному столбу — и взлохмаченный, тяжело дышащий Тарзан, перемахнув через подоконник, упал на пол под окном.

Арно быстро опустил шторы, зажег лампу и повернулся к другу.

— Ты не ранен?

— Я не дам себя запереть! — дрожа и скаля зубы, проговорил Тарзан. — Они не посадят меня за решетку! Я не дам себя запереть!

— Тшш, тише, не то мадам Арно проснется! Успокойся, никто тебя не запрет... — Джек тряхнул Тарзана за плечи, и паника, прогнавшая человека-обезьяну по крышам целого парижского квартала, исчезла так же быстро, как исчезла только что темнота при свете зажженной лампы.

Тарзан встал, и Джек, пододвинув ему стул, потребовал:

— Выкладывай, что случилось!

Когда человек-обезьяна закончил свой рассказ о происшествии на улице Моль, Арно задумчиво взъерошил светлые волосы.

— Вряд ли тебе грозят серьезные неприятности, даже если ты убил или искалечил кого-нибудь из этих подлецов, — проговорил он. — Бояться должны скорее те субъекты, которых сейчас подбирает полиция на улице Моль. Меня тревожит другое...

— Что?

— Похоже, нападение было хорошо организовано. Вряд ли это обычная засада с целью отобрать у позднего прохожего кошелек. Нет, боюсь, этих молодцов нанял тот, кто имеет на тебя большой зуб.

— Роков? — быстро спросил Тарзан, который уже полностью овладел собой.

— А почему бы и нет? Графиня де Куд хорошо обрисовала нам характер своего милого братца — судя по всему, он не погнушается ничем, от шантажа до убийства!

— Я тоже об этом подумал. И если бы я знал, где сейчас находится это животное... — человек-обезьяна зловеще раздул ноздри.

— Да, ты бы его убил — и угодил за решетку, — проворчал Джек. — Нет, у нас есть дела поважнее, чем выслеживание русских шпионов. Ты не забыл, зачем мы явились в Париж? Так вот, я получил наконец деньги, и один мой приятель согласился зафрахтовать небольшое судно, подобрать экипаж и взять на себя обязанности капитана. Вчера он прислал телеграмму, что все готово — шхуна ждет нас в Гавре. И если ты сумеешь оторваться от своих великосветских развлечений, завтра мы сможем выехать из Парижа...

— Хоть сегодня! Но когда же ты все успел?..

— Может быть, ты не поверишь, но мы живем здесь уже три недели, — с легким сарказмом отозвался Арно. — По-моему, в особняке графа де Куд время течет гораздо медленней, чем в остальном Париже!

VIII. Дуэль

Простившись ранним утром с прослезившейся мадам Арно, подарившей внуку в качестве маленького прощального сувенира автомобиль, Тарзан и Джек направились в западную часть города, чтобы добраться до Гавра через Мант.

Тарзан ничуть не жалел, что покидает Париж, а если о чем и грустил, то лишь о разлуке с Ольгой де Куд.

Человек-обезьяна не мог не поддаться обаянию этой милой женщины, и ему не раз казалось, что в глазах графини при виде него вспыхивает ответный свет и что Ольга питает к нему не только дружеские чувства. Юноша не был полностью в этом уверен, так же как не мог до конца разобраться в своих собственных чувствах к ней... Но впервые со времени знакомства с Джейн Портер Тарзан ощущал, как его сердце начинает биться чаще при виде красивого женского личика и изящной фигурки.

Что ж, он больше никогда не увидит Ольгу и, наверное, так будет лучше для них обоих... Но, по крайней мере, он должен с ней проститься!

Арно флегматично выслушал просьбу свернуть к дому графа де Куд, остановил автомобиль рядом со старинным особняком и сказал, что подождет Тарзана в машине.

Визит Тарзана почему-то наделал переполоху среди слуг; тем не менее о нем немедленно доложили, и вскоре человек-обезьяна впервые вошел в личные комнаты Ольги де Куд.

В этот ранний час графиня была одета по-домашнему и встретила нежданного гостя скорее испуганным, чем обрадованным взглядом.

— Боже мой, что случилось, мсье Тарзан?

— Ничего. Я зашел попрощаться.

— Прощаться?

— Да, я уезжаю из Парижа.

— Так срочно?

— Да.

Ольга быстро встала, нервно стягивая на груди концы шали.

— Скажите, ваш внезапный отъезд как-то связан с тем, что произошло вчера на улице Моль?

Тарзан отступил на шаг, подозрительно глядя на нее.

— Откуда вы знаете?

— Об этом трубят все утренние газеты. Нет, вас пока никто не подозревает, но... Господи, я думаю, вам и вправду лучше уехать!

— Я уезжаю вовсе не из-за этого! — гордо возразил Тарзан. — Ваш брат и его приятель — слишком мелкие хищники, чтобы я обращал на них внимание! Я покидаю Париж по срочному делу, а вовсе не из-за смешных преследований Николая Рокова...

Ольга закрыла лицо руками.

— Я сразу подумала, что в этом замешан Николай... Если бы вы знали, мсье Тарзан, как я боюсь этого человека! Он отравил мою жизнь, он превратился в мой навязчивый кошмар, но... Но все-таки он мой брат!

Молодая женщина подняла полные слез глаза на единственного мужчину, которому она могла поверить свои печали и который теперь ее покидал. Во взгляде и в позе юной графини было столько незащитной доверчивости, что, повинувшись безотчетному порыву, приемщик Калы взял ее маленькую теплую ручку и прижал к своей груди. А потом — так же, как он когда-то сделал с насмерть перепуганной Джейн, — человек-обезьяна обнял Ольгу де Куд за плечи и погладил по голове.

Словно электрическая искра пробежала между ними.

Еще никогда они не были друг к другу так близко; женщина напряглась, пытаясь высвободиться из обнимающих ее сильных рук... Но, взглянув в глаза Тарзану, вдруг сама порывисто обвила руками его шею.

А что Тарзан? Забыв обо всем на свете, он ближе привлек к себе трепещущую графиню и начал осыпать поцелуями ее горячие губы.

Ни человек-обезьяна, ни Ольга де Куд не услышали тихого скрипа открывающейся двери и не увидели графа де Куд, на цыпочках вошедшего в спальню жены с тяжелой палкой в руках.

Только за миг до того, как граф замахнулся, чтобы нанести удар, Ольга распахнула глаза, увидела мужа и в ужасе закричала.

Палка со страшной силой обрушилась на спину Тарзана.

Человек-обезьяна мгновенно обернулся, закрылся рукой — новый удар пришелся ему по локтю, еще один — по плечу, и каждый из этих ударов возвращал человека-обезьяну к первобытному состоянию.

Со сдавленным звериным рыком «сын гориллы» вырвал палку из рук француза и переломил ее, как тонкую спичку. Жаркая ярость бросилась Тарзану в голову; на лбу его выступил багровый шрам.

Граф де Куд, лишившись палки, кинулся на противника с кулаками, но Тарзан схватил его одной рукой за горло, другой — за плечо и встряхнул, как фокстерьер встряхивает пойманного крысенка.

Ольга де Куд в ужасе метнулась к чудовищу, которое убивало ее мужа, и попыталась оторвать от графа огромные лапы.

— Не смейте! Не смейте! — кричала она. — Отпустите, вы убьете его!

Тарзан разжал руки.

— Он первым на меня напал, — пробормотал человек-обезьяна, глядя на корчащегося у его ног хозяина дома.

— Это я убью тебя, мерзавец... — прохрипел граф, с трудом поднимаясь на ноги. — Подумать только, в кои-то веки Роков оказался прав! А я, слепец, еще отказывался ему верить!

— Что тебе сказал Николай?.. — воскликнула бледная как смерть графиня, но муж взглянул на нее с таким выражением, что она замолчала и отшатнулась.

— Ты лишилась права задавать мне вопросы, Ольга! Неважно, что сказал твой брат — я сам видел достаточно, чтобы понять, что напрасно верил тебе и принимал в своем доме это лесное чудовище!

Тарзан опасно сузил глаза, но обезумевшему от злобы и ревности аристократу напрочь изменил инстинкт самосохранения. Француз выпрямился во весь рост, выпятил грудь (а заодно и живот) и яростно отчеканил:

— Сударь, если в вас осталась хоть капля порядочности, вы не откажетесь дать мне удовлетворение!

— Удовлетворение? Какое?

— Я желаю драться с вами! — взвизгнул граф де Куд. — Теперь вам ясно, выкормыш шимпанзе?!

— Драться со мной? — медленно повторил Тарзан, переводя взгляд с француза на обломки палки, валяющиеся на полу. — Вы это серьезно?

На сей раз графу стало не по себе; вспомнив о чудовищных лапах, в которых он только что побывал, де Куд попятился и поспешно пояснил:

— Разумеется, речь идет не о кулачной драке, а о дуэли! Выбор оружия за вами, мсье, но хочу сразу предупредить — я одинаково хорошо владею и шпагой, и пистолетом!

— В самом деле? А как насчет копья? — осведомился Тарзан, начиная улыбаться.

Все происходящее было до того нелепо, что его гнев полностью прошел, и, если бы не ужас в глазах Ольги де Куд, он бы, пожалуй, рассмеялся.

— Мы говорим о серьезных вещах, сударь! — еще выше задрал голову француз.

— Что же может быть серьезнее копий в шесть футов длиной? Хорошо, если копья вам не по душе, что вы скажете о луке и отравленных стрелах?

— Господин Тарзан! — казалось, граф де Куд вот-вот задохнется от злости. — Вы будете драться или нет?

— Если вы так настаиваете — пожалуйста. Но поскольку предложенное мной оружие вас не устраивает, я готов положиться на ваш выбор, — Тарзан был очень доволен тем, как удачно процитировал один из прочитанных им на корабле романов.

— Отлично! Я выбираю пистолеты. Мой секундант обсудит с вашим время и место дуэли.

— Нет. Мне некогда тратить время на такие пустяки. Вы выбрали оружие, я выбираю время. Мы будем драться немедленно! Что же до места — мне оно безразлично.

Часом позже к безлюдной лужайке возле дороги, ведущей в Мант, подъехали две машины.

Из одной вылез граф де Куд вместе со своим секундантом — лощеным типом по имени господин Флобер — а за ними — отчаянно зевающий доктор. Из другой вышли Тарзан и бледный встревоженный Арно.

Всю дорогу Джек убеждал друга отказаться от дуэли или хотя бы выбрать шпаги, а не пистолеты.

— Тогда будет меньше шансов, что рана окажется смертельной; уязвленное самолюбие ревнивых мужей почти всегда излечивает первая же нанесенная противнику царапина. Но если вы будете стреляться, он наверняка тебя убьет!

— А если мы будем драться на шпагах, наверняка я его убью, — проворчал Тарзан. — Стоит мне увидеть противника вблизи и почуять запах крови... Я могу с собой не совладать.

— Неужели жизнь этого надутого индюка тебе дороже своей собственной?

— Нет, но я не хочу причинять горе Ольге де Куд.

— И ради душевного равновесия графини ты намерен дать себя пристрелить?!

Человек-обезьяна удивленно посмотрел на своего друга: он никогда еще не видел Джека таким взвинченным.

— Не думаю, что он меня убьет. Но если это все-таки случится, ты ведь сумеешь отыскать обезьяний амфитеатр, где я спрятал золото профессора Портера?

— И не надейся!

— Тогда я нарисую тебе карту...

И Тарзан занимался этим весь остаток пути, не обращая внимания на ругань Джека.

— ...Что ж, господа, хотя все это несколько неожиданно, я уверен, мы сумеем отлично все организовать, — потирая руки, заявил господин Флобер. — Итак, вот мои предложения: граф де Куд и господин Тарзан встанут на лужайке спинами друг к другу. По моему сигналу они пойдут вперед, держа пистолеты в опущенной руке. Когда оба сделают по десять шагов, господин Арно даст новый сигнал, и тогда противники повернутся и начнут стрелять до тех пор, пока один из них не упадет или пока каждый не выпустит по три пули. Вас устраивают такие условия?

— Да, — сказал Тарзан.

— Нет! — заявил Джек. — Я не желаю давать сигнал к началу хладнокровного убийства.

— Мсье Арно, это поединок, а не убийство, — укоризненно поправил господин Флобер.

— Называйте это, как хотите, но мне ясно, что здесь затевается убийство!

— Странно, что при таких взглядах на дуэли вы согласились принять участие в этой, ммм... процедуре.

— Пусть господин Флобер подаст оба сигнала, — предложил Тарзан. — И давайте покончим с этим поскорее!

Секундант графа де Куд, недовольный, сбитый с толку, оскорбленный в лучших чувствах, нехотя согласился с таким нарушением дуэльного кодекса.

Противники взяли пистолеты и в сопровождении секундантов разошлись в разные концы лужайки.

— Когда этот хлыщ даст второй сигнал, стреляй немедленно, понял? — быстро сказал Джек.

— Да.

— И, ради бога, стань вполоборота, тогда будет меньше шансов, что он в тебя попадет...

— Не волнуйся.

— А что мне волноваться? Ты нарисовал мне карту клада, и если тебя пристрелят, я смогу прикарманить золото профессора Портера. Все просто замечательно! Лучше не бывает! Жизнь прекрасна!

— Вы готовы, господа? — крикнул господин Флобер.

— Да! — громко ответил Тарзан.

— Нет, — сквозь зубы проговорил Арно.

— Один! Два! Три! — громко начал секундант графа де Куд отсчет шагов.

Арно и господин Флобер отступили с линии огня.

— Четыре! Пять! Шесть! Семь!

Судя по виду Арно, будь у него сейчас пистолет, он сам бы с удовольствием пристрелил графа де Куд.

— Восемь! Девять!

Джек стиснул зубы.

— Десять... Стреляйте!

Грянул выстрел, и Арно, впившийся взглядом в Тарзана, увидел, как тот слегка вздрогнул.

Граф де Куд явно остался невредимым и тут же выстрелил снова.

На этот раз Тарзан даже не пошевелился; между тем француз был опытным стрелком и был уверен, что оба раза не промахнулся. Но

небрежная поза человека-обезьяны поколебала уверенность графа.

Де Куд стоял, зажав в руке пистолет с последним патроном, и напряженно ждал, когда же его противник рухнет. Но Тарзан и не думал падать; напротив, он начал насвистывать веселую песенку.

Внезапно граф понял, на что рассчитывает его враг: выкормыш гориллы сознательно рискует, выжидая, пока он, де Куд, не израсходует все свои патроны, а потом спокойно и хладнокровно пристрелит его. Коварный, дьявольский замысел, вполне достойный хищника из диких джунглей! И только дикарь может стоять так спокойно с двумя пулями в теле, бестрепетно поджидая третью!

У де Куды затряслись руки, но он снова поднял пистолет и прицелился, сознавая, что от этого выстрела зависит его жизнь. Он целился долго и тщательно, а Тарзан продолжал насвистывать легкомысленную шансонетку.

— Ну, чего вы ждете? — не выдержав, крикнул Джек Арно. — Давайте, убейте человека, которому недавно клялись в вечной дружбе! Доставьте радость Николаю Рокову! И чтоб вам вместе с вашим шурином гореть в аду!

— Вы совершенно невыносимы, мсье Арно! — возмутился господин Флобер.

Граф наконец выстрелил — но его колотила такая дрожь, что на этот раз он явно промахнулся.

Тарзан перестал свистеть и пристально посмотрел на мужа Ольги де Куд.

Этого взгляда граф не вынес.

— Матерь божья! Да стреляйте же! — закричал он.

Тарзан покачал головой.

— Нет. Но если вы хотите продолжать, я могу отдать вам свой пистолет. Тогда вы сможете сделать еще три выстрела.

— Mon Dieu! — воскликнул граф. — Вы, должно быть, сошли с ума?

— Ничуть, но я заслужил наказание. Я виноват перед вами и вашей женой... Хотя могу заверить, что между мной и графиней де Куд не произошло ничего хуже того, чему вы сами были свидетелем. И вина в этом была целиком моя... Если вы согласитесь поверить слову «сына шимпанзе», я могу поклясться, что графиня де Куд — чистая женщина и очень любит своего мужа.

Граф де Куд уронил пистолет.

— Я ошибался в вас, сударь! — воскликнул он. — Вы благородный человек, и я благодарю бога, что не убил вас!

Импульсивный, как все французы, только что переживший ужас почти неизбежной смерти, граф бросился к Тарзану, обнял его и поцеловал.

Человек-обезьяна слегка поморщился от такого бурного проявления чувств и отстранил доктора, который подскочил с требованием дать осмотреть его раны.

— Какие раны? — пожал плечами Тарзан. — Граф де Куд промахнулся.

С этими словами он быстро сел в машину рядом с Арно, который проигнорировал протянутую руку господина Флобера и уверения в вечной дружбе графа де Куд.

— Куда попали пули? — спросил Арно, как только они отъехали.

— Одна — в левое плечо, другая — в грудь.

Джек выругался и прибавил скорость, в то же время стараясь объезжать все выбоины в дороге.

— Продержишься до Манта или вернемся в Париж?

— Зачем? — безмерно удивился Тарзан.

— Что значит — «зачем»? Черт возьми, нужно вытащить пули и перевязать твои раны...

— Обе пули прошли навылет; а перевязывать такие царапины просто смешно. Если бы ты видел, что сотворила со мной в детстве горная горилла Болгани, ты не назвал бы эту ерунду «ранами»!

— Ты когда-нибудь слышал о потере крови, о лихорадке, о заражении крови, наконец?

Человек-обезьяна поудобнее устроился на сиденьи.

— Нет. Но лучше расскажи-ка мне о другом. Всегда ли самцы людей устраивают из-за своих самок такие забавные игрушечные драки? Или когда-нибудь они дерутся по-настоящему?

IX. В Англии

Уильям Сесиль Клейтон сидел над письмом, которое он вот уже несколько дней писал Джейн, так и не продвинувшись дальше первых пяти строчек.

Молодой англичанин думал, что на бумаге ему будет легче признаться в том, что его невеста гостит не в поместье лорда Грейстока, а в поместье нищего самозванца. Но составить такое письмо оказалось еще труднее, чем высказать печальную истину вслух.

Нет, Клейтон не сомневался: известие о том, что у ее жениха нет ни титула, ни денег, не заставит Джейн разорвать помолвку. Она из тех женщин, которые остаются верными и в несчастье; в несчастье даже больше, чем в благополучии. Если Уильям признается в своем разорении, это, наоборот, может заставить Джейн Портер наконец-то назначить день свадьбы, которую она то и дело откладывает под любыми смехотворными предложениями... Все это так, но он не знал, как оправдать столь долгое утаивание истины от любимой девушки.

Господи, почему он сразу не рассказал ей обо всем? Почему не расставил все точки над «и» еще в отеле Балтимора? Правда, тогда он был бы сейчас нищим, зато Джейн была бы его женой!

А вот теперь бог знает, как ему выкарабкаться из ловушки, в которую загнало его минутное малодушие; и чем больше проходило времени, тем труднее становилось отважиться на позорное признание.

Уильям Сесиль Клейтон, граф Грейсток, зачеркнул последнюю фразу и начал снова.

«Наверное, вы никогда не простите меня, дорогая Джейн, но...»

— Дружище, да ты, никак, стал человеком пера! — воскликнул друг Клейтона лорд Теннингтон, широким шагом входя в библиотеку. — Могу поспорить, что все эти дни ты трудишься над поэмой, посвященной прекрасной Джейн Портер!

— Нет, это просто кое-какие подсчеты, — густо покраснев, Клейтон поспешил сунуть листок в карман. — А вот когда ты перейдешь от вздохов к делу и посвятишь пару строк прекрасной Элоизе Стронг?

Теннингтон поскуучнел и рухнул в кресло.

— Вот как раз об этом я и хотел с тобой поговорить...

— О чем? О стихосложении?

— Ах, Уильям, брось, я серьезно! Вот скажи — почему рядом с этой девушкой я всегда робею, как мальчишка? Я был бы рад посвятить Элоизе хоть сотню поэм... Если бы что-нибудь смыслил в поэзии — но я и в прозе-то не знаю, как рассказать ей о своих чувствах!

— Да, это и впрямь серьезно, — согласился Клейтон. — Ну, и чего же ты от меня хочешь?

— Сейчас объясню, — сразу оживившись, лорд Теннингтон выпрямился в кресле. — Мне пришла в голову одна великолепная мысль! Почему бы нам всем не прокатиться на моей яхте вокруг Африки? Во время путешествия мисс Стронг познакомится со мной поближе и поймет, что вовсе необязательно принимать все мои ухаживания за легкомысленную шутку...

— Подожди! Я не понял, что значит — «нам всем»?

— Всем — значит, всем: мне, мисс Стронг, тебе, мисс Портер и этой старой дуэнье, которая не спускает с Элоизы глаз... Брр, от взгляда мисс Дэн у меня мурашки бегут по коже! Но, может быть, в море она пообреет? Или, дай-то бог, ее одолеет морская болезнь, и тогда я наконец смогу побыть с Элоизой наедине!

— Джей, ты просто бредишь! Нет, я от всей души сочувствую твоим matrimониальным планам, но почему я и мисс Портер должны...

— Ах, в этом-то все и дело! Мисс Стронг ни за что не хочет отправляться в плавание без подруги, а Джейн...

— Только не говори, что ты уже обсуждал с моей невестой этот безумный план!

— И ничуть не безумный, просто отличный план: сперва мы пройдем Средиземным морем, потом — Красным, потом — Индийским океаном, потом обогнем восточный берег Африки... Знаешь, когда я набросал маршрут плавания Элоизе и Джейн, они обе загорелись моей идеей! Так что теперь дело только за тобой, дружище. Ты ведь не бросишь меня в беде?

— Ради бога, плыви куда хочешь, только без моей невесты и без меня! Мы с мисс Портер вдоволь налюбовались африканскими

берегами и не имеем ни малейшего желания повторить этот кошмар!

— А мисс Портер сказала, что с огромной радостью вновь побывает в тех местах, — невозмутимо сообщил молодой аристократ. — Так что пакуй чемоданы, старина, и подумай заранее, кого из слуг ты возьмешь с собой...

— Убирайся! — Клейтон замахнулся Теннингтона пресс-папье, но тот флегматично посоветовал:

— И отнесись к предстоящей прогулке, как к репетиции свадебного путешествия. Я, например, рассматриваю предстоящий вояж именно так!

Теннингтон улыбнулся и вышел прежде, чем его взбешенный приятель и в самом деле успел запустить в него пресс-папье.

Клейтон долго сидел неподвижно, пытаясь успокоиться, потом вытащил из кармана смятую бумажку, перечел написанные на ней строки, пододвинул к себе чистый лист и снова углубился в мучительное раздумье.

Х. В Африке

На волнах бухты напротив окаймленного тропическим лесом берега покачивалась небольшая яхта, на палубе которой, опершись о штриборт, стояли два человека.

— Извини за откровенность, Джек, но тебе не кажется, что у твоего друга не все в порядке с головой? — негромко проговорил невысокий крепкий мужчина с короткой бородкой.

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Я понимаю — после всего, что он пережил, трудно остаться полностью нормальным; но прыгать, как обезьяна, по вантам и реям во время шторма... Господи, даже моему боцману стало плохо от эдакого зрелища!

— Надо подбирать боцманов с более крепкими нервами, — невозмутимо откликнулся Джек Арно.

Дэнни Купер покрутил головой и с искренним интересом спросил:

— Ну зачем он это делает, скажи на милость?

— Ему так хочется, — ответил Арно.

— По-твоему, это достаточное объяснение?

— По-моему, да.

— Я рад, что хоть ты его понимаешь. А я никак не могу взять в толк, что он за человек! — буркнул капитан «Иволги». — Вот уже четвертые сутки бродит в джунглях один, почти голый, среди диких свирепых зверей... Ну скажи на милость — зачем ему понадобилось раздеваться, прежде чем лезть в чащу?! Даже одеяла не захотел с собой взять! Что там одеяла — ни спичек, ни ружья, ни револьвера! Неужели правда то, что писали о нем в газетах?

— А что писали в газетах?

— Будто сам не знаешь! Что этот выкормыш гориллы может голыми руками растерзать любого хищного зверя!

— Обычно, когда он дерется с хищниками, он пускает в ход нож.

— Нож? Что и говорить, превосходное оружие против льва или...

— А вот и он — легок на помине! — перебил Джек Арно.

— Что? Где? Брось, тебе померещилось...

Но тут Дэнни Купер и сам увидел мощную фигуру высокого человека, скользнувшего по песчаному берегу к воде. На плече человек-обезьяна были два связанных веревкой мешка.

Тарзан сбросил свою ношу на песок, махнул рукой, и капитан «Иволги» закричал, чтобы спустили шлюпку.

Когда лодка причалила к берегу, человек-обезьяна легко швырнул в нее два увесистых мешка.

— Здесь все? — вполголоса спросил Арно, кивнув на мешки, которые Купер с трудом запихивал под скамью.

— Да.

— Обязательно нужно было так швырять эту тяжесть? Чуть днище мне не проломили, — проворчал капитан. — Ну, чего вы ждете? Залезайте в шлюпку!

Тарзан покачал головой.

— Я остаюсь.

— А? Что значит — «остаюсь»?

— Я остаюсь в джунглях. Возвращайтесь в Балтимор без меня.

Арно шагнул к Тарзану, но человек-обезьяна быстро попятился.

— Дэнни, подожди меня, я сейчас! — крикнул Джек.

Он снова попытался подойти к приемышу Калы, и снова тот отступил на несколько шагов.

— Мистер Тарзан, не валяйте дурака! — раздраженно гаркнул капитан «Иволги». — Садитесь в лодку, или вам придется ночевать на берегу!

Человек-обезьяна пригнулся, готовый бежать или драться при первой же попытке покушения на его свободу.

Перед Джеком вновь стоял дикий лесной юноша, полный звериной настороженности и подозрительности. Таким Тарзан был до того, когда любовь к Джейн Портер и уроки Джека Арно превратили его в «джентльмена». Таким он стал опять, проведя четыре дня в джунглях. Весь лоск «культуры» и «цивилизации» сошел с него, как сходит старая шкура со змеи, и графиня де Куд не узнала бы сейчас звезду своих светских приемов в этом обнаженном богатыре с одной дикарской повязкой на бедрах.

— Тебе придется самому отвезти золото профессору Портеру, — сказал человек-обезьяна Джеку Арно.

— Я боялся, что ты так поступишь, — откликнулся тот. — Послушай, ты напрасно делаешь это. Скоро ты пожалеешь...

— Нет.

— Подумай еще раз, ты ведь не можешь...

— Я уже все решил.

— Но как ты будешь жить в джунглях среди диких зверей после всего, что ты увидел, узнал, пережил? Тарзан, то, что ты собираешься сделать — самоубийство!

— Нет. Иначе просто не может быть. Тот полицейский в Балтиморе был прав. Такому, как я, место в диких джунглях.

— Но...

— Из меня не получилось цивилизованного человека, но это не твоя вина, Джек. Ты был хорошим учителем. Прощай!

С этими словами человек-обезьяна тронул его за плечо, повернулся и исчез в джунглях прежде, чем Арно успел еще что-нибудь сказать.

— Постой! Подожди! — закричал Джек, бросаясь вверх по берегу. — Тарзан, вернись!

Но ему ответил только шум ночной чащи, бесследно поглотившей «сына гориллы».

XI. Возвращение домой

Тарзан летел по ветвям деревьев, свободный, как в былые времена — и такой же одинокий.

Счастье, боль, горе и радость сплелись в его душе в невероятный колючий клубок, и клубок этот терзал его до тех пор, пока человек-обезьяна не разразился долгим протяжным воплем, заставившим притихнуть всех лесных обитателей на много миль вокруг.

Тарзан, сын Калы, вернулся домой!

Слушайте все — к вам вернулся ваш господин, победитель горилл, львов и леопардов! Те, кто забыли этот голос, вспоминайте его поскорей, потому что самый могучий боец и охотник снова появился в здешних джунглях!!!

Человек-обезьяна с новым пронзительным кличем легко перекинулся с одного дерева на другое.

Он спешил убедиться, что по-прежнему силен и ловок, что его мускулы не ослабели за время жизни в цивилизованном мире.

Нет, он все так же могуч и быстр!

И его никто больше не запрет за решетку!!

И никто никогда не посмеет безнаказанно его ударить!!

И ему никогда уже не придется носить дурацкую одежду и вести бесцельные разговоры!!

И он никогда больше не будет ломать себе голову над непостижимыми вещами, которые нельзя ни съесть, ни выпить, ни потрогать рукой!!

Сын Калы перенесся через такую пропасть, через какую он вряд ли рискнул бы перепрыгнуть в былые времена, и взлетел на такую высоту, на какую обычно возносится лишь легкая Мана — мартышка.

Неистовым бешеным бегом по вершинам деревьев Тарзан праздновал свою свободу — и в то же время пытался оставить позади все мучительные воспоминания и мысли.

Отныне он забудет даже дорогу к хижине на берегу, откуда начал свой путь превращения из обезьяны в человека!!

И забудет навсегда Джейн Портер!!

И ее чахлого жениха Уильяма Сесилия Клейтона!!

И лейтенанта Джека Арно!!

И язык людей!!

Больше ему ничего не нужно, кроме свободы среди жестоких и прекрасных джунглей!!

Тарзан ухватился за ветку, в последний момент подвернувшуюся под руку, и, запрокинув лицо к луне, издал такой оглушительный вопль, что неподалеку откликнулись трубным гласом слоны, предупреждая неведомого хищника, что они готовы к отпору.

На рассвете, загнав себя до полусмерти долгим бегом по древесным вершинам, Тарзан наконец отыскал стаю горилл, в которой когда-то вырос.

На большой лужайке под первыми лучами солнца грелись огромные седые самцы, самки и разновозрастная молодежь. Несколько совсем маленьких детенышей держались за шерсть на груди матерей, смешно позевывая и крутя головками, точь-в-точь, как сонные человеческие дети.

Всего стая насчитывала около шестидесяти горилл; во многих из них покачивающийся на высокой ветке Тарзан узнавал тех, с которыми играл и дрался еще ребенком. Некоторые из самых старых обезьян были уже взрослыми в годы его детства, а из молодежи сыну Калы едва ли был известен каждый второй.

Человек-обезьяна стал быстро спускаться.

Когда он схватился за нижнюю ветку, полусонные глаза одной из самок заметили его.

С испуганным криком обезьяна указала сородичам на непрошенного гостя — и огромные самцы взвились на ноги с удивительной для их веса прытью.

Тарзан уже стоял на земле.

Оскалив зубы, вздыбив шерсть на загривках, гориллы-самцы медленно двинулись к нему, тогда как самки, прижимая к себе детенышей, поспешно кинулись к дальним деревьям, а молодежь сгрудилась за спинами стариков.

Впереди наступающих горилл оказался гигантский антропоид, чье ворчание постепенно переходило в утробный рев; к нему-то и обратился на языке обезьян приемыш Калы.

— Карнат, это я — Тарзан! — громко крикнул он. — Ты помнишь меня? Помнишь, как совсем маленькими детенышами мы вместе дразнили Нуму, бросая в него орехи с верхушки дерева?

Горилла остановилась, недоверчиво приглядываясь к странному существу, вдруг заговорившему на языке обезьян.

— А ты, Мгор, — Тарзан повернулся к другому самцу, — помнишь, как я убил могучего Керчака? Я — Тарзан, сын Калы, великий охотник!

Шерсть на загривках горилл мало-помалу улеглась, угрожающее ворчание смолкло.

Одна за другой обезьяны подходили ближе, внимательно разглядывая человека.

— Тарзан, сын Калы... — наконец пробормотал Карнат. — Но ведь он умер!

Тарзан рассмеялся.

— Нет, я не умер! Я жив и вернулся к народу, среди которого рос! Скажи, кто сейчас ваш вожак?

— Торг недавно погиб в схватке с Нумой, — после паузы ответил Мгор. — У нас нет вожака.

Карнат явно хотел возразить, но пока неповоротливый ум антропоида обдумывал ответ, Тарзан быстро и уверенно заявил:

— Теперь есть. Я, Тарзан, убивший не одного Нуму и не одну Сабор, снова буду вашим вожаком, как когда-то!

Карнат собрал лоб в морщины, что-то недовольно пробормотал, но, будучи по натуре покладистым и незлобивым, не полез в драку. Он наконец ясно вспомнил белокожего приемьша Калы — товарища своих детских игр, победителя Керчака и Тублата.

И другие обезьяны, убедившись, что Тарзан неопасен, заковыляли к нему; в конце концов осмелились подойти даже самки с детенышами.

Не было никаких взаимных приветствий, как это случилось бы при встрече давно не видевшихся людей. Большинство самцов вернулись досыпать на лиственные постели. Несколько подростков, которые так и не вспомнили Тарзана, подкрались поближе, на всякий случай ощерив клыки. Один из них угрожающе зарычал: от нового вожака слишком пахло человеком. Если бы Тарзан ответил таким же ворчанием, молодой самец живо убрался бы прочь, зато другим

обезьянам приемьш Калы мог бы показаться слишком слабым и неуверенным в себе.

И Тарзан выбросил руку, поймал нахала за плечо и бросил плашмя на траву. Горилла (которая несмотря на молодость весила вдвое больше человека), с оскорбленным ревом вскочила и кинулась в бой.

Но стальные пальцы человека-обезьяны впились в горло противника, и самец жалобно заскулил и отвел взгляд, показывая, что сдается.

Наглядный урок сразу обеспечил новому вожаку должное место в стае: молодые обезьяны больше не осмеливались докучать Тарзану, а старые самцы не оспаривали его прерогатив.

Только самки с маленькими детенышами еще некоторое время отгоняли Тарзана от своих младенцев, и тот, повинувшись обычаю, сам старался держаться от матерей подальше. Только в приступе ярости антропоид может случайно задеть самку или обидеть детеныша.

Но к вечеру все обезьяны совсем привыкли к Тарзану, и перед закатом сын Калы сказал Карнату:

— Завтра мы отправимся на поляну танца Дум-Дум. Луна растет. Скоро настанет хорошее время для танца.

Каким тяжеловесным, неуклюжим и примитивным показался Тарзану язык его матери, когда он выговаривал эти слова!

У него едва хватило терпения дожидаться, пока собеседник обдумает ответ и пробормочет:

— Мы давно не ходим на поляну танца Дум-Дум. Там — рядом — живут черные люди. Это опасно.

— Тарзан не боится черных людей! — заявил новый вожак горилл, ударяя себя кулаком в грудь. — Все черные люди боятся Тарзана! Завтра мы отправимся на поляну. Теперь каждую луну мы будем танцевать, как танцевали раньше.

Карнат что-то неопределенно проворчал и заковылял к облюбованному местечку под деревом.

Другие обезьяны тоже укладывались на траве и на постелях из листьев — по одному, по двое и целыми группами; и скоро сонное бормотание, храп и сопение зазвучали над поляной негромкой колыбельной песней, под которую столько лет засыпал Тарзан.

Человек-обезьяна, сидя на траве, смотрел на горилл, завершавших обычные приготовления ко сну. Некоторые полуночники шутя

боролись, бросали друг в друга листьями или что-то вполголоса лопотали.

На нового вожака никто не обращал внимания.

Тарзан запрокинул лицо к небу, где пыталась выпутаться из листьев равнодушная щербатая луна, и негромко тоскливо крикнул. Потом устало вздохнул, лег на бок, свернулся клубком и закрыл глаза.

Тарзан, сын Калы, вернулся к своему народу.

XII. Сомнения и решения

Лорд Теннингтон был недоволен погодой, ходом яхты, сегодняшним завтраком, легкой качкой и всем на свете.

Это недовольство, распространявшееся с каждым днем на все большее количество явлений и вещей, не покидало его с тех пор, как «Леди Алиса» сделала остановку в Гавре, где мисс Стронг при поддержке мисс Портер уговорили Теннингтона принять в качестве пассажира некоего мсье Тюрана.

Честно говоря, вначале этот бойкий француз с хорошо подвешенным языком понравился и самому хозяину яхты — Тюран мог поддержать любую беседу и обладал безукоризненными манерами. Правда, всех несколько удивила та готовность, с какой француз вызвался сопровождать новых знакомых не только в круизе по Средиземному морю, но и до самых берегов Африки. Как с очаровательной небрежностью пояснил мсье Тюран: «В ближайшее время мне совершенно нечего делать, а в таком великолепном обществе я готов отправиться хоть в кругосветное путешествие!»

Теннингтон закрипел зубами, вспоминая, что сам охотно предложил гостю оставаться на яхте сколь угодно долго.

И вот прошло всего-навсего две недели — а хозяин «Леди Алисы» уже от всей души желает мсье Тюрану свалиться за борт и избавиться наконец от своих докучливых ухаживаний Элоизу Стронг!

«Хотя, — с досадой подумал Джей Теннингтон, — сама мисс Стронг явно не считает эти ухаживания докучливыми. Она, похоже, с удовольствием слушает бесконечные рассуждения француза о мореплавании, музыке, разведении оранжерейных цветов, кошках, аквариумных рыбках, мавританской архитектуре, охоте на львов — и еще о тысяче других вещей, в которых Тюран разбирается лучше всех на свете! Больше того, вчера Элоиза сказала, что ей нравятся оспинки этого типа; они, видите ли, похожи на веснушки и даже ему к лицу! Подумать только, что я затеял эту дурацкую прогулку, чтобы побольше быть рядом с Элоизой! И почему Уильям не отговорил меня от безумной затеи с путешествием вокруг Африки? Уж лучше бы я и дальше терпел строгий надзор мисс Дэн, чем...»

— Мистер Теннингтон! — прощепетала Элоиза Стронг, поднимаясь на палубу в сопровождении француза. — Знаете, какие поразительные вещи рассказывает мсье Тюран? Оказывается, морская звезда умеет отбрасывать лучи, а потом отращивать их снова! Удивительно, не правда ли?

— Весьма удивительно, — ядовито отозвался Теннингтон. — В жизни не слышал ничего интересней! Жаль, люди не обладают такой способностью.

— Да? А почему бы вам этого хотелось? — осведомился француз.

— Потому что тогда можно было бы обрывать некоторым людям руки или ноги, не опасаясь преследования по суду. За что преследовать, если конечности вскоре опять отрастут?

Тюран показал в улыбке все зубы, но его темные глаза нехорошо блеснули.

— Я скорее завидую другой способности некоторых представителей животного мира, — спокойно ответил он, — а именно умению менять свою окраску. Вот, например, некоторые морские рыбы...

— Мсье Тюран, вы же обещали научить меня ловить рыбу! — перебила Элоиза Стронг. — Вы к нам присоединитесь, мистер Теннингтон?

— Нет. Развлекайтесь, дети мои, — буркнул хозяин «Леди Алисы», откинулся на спинку шезлонга и сердито надвинул шляпу на нос.

Джек Арно вылез из трюма с ящиком патронов и присоединил его к внушительной куче вещей на палубе.

— Дэнни, ты можешь оставить мне три ружья и пару охотничьих ножей?

Дэнни Купер, давно исчерпавший весь запас убеждений и ругательств, стоял, покуривая трубку, и мрачно наблюдал за свихнувшимся приятелем.

— Я могу оставить тебе хоть десяток ружей, — буркнул он. — Но на твоём месте я бы хорошенько подумал, прежде чем совершить такую растреклятую глупость!

— Ещё мне понадобится пара одеял...

— Что тебе точно нужно — это смирительная рубашка, — Купер выколол пепел из трубки. — Ей-богу, у меня большое искушение

посадить тебя под замок до самого Балтимора!

— Это будет нарушением гражданских прав свободнорожденного американца.

— Черт тебя побери! Может, наконец объяснишь, зачем тебе приспичило остаться в этих дьявольских джунглях, где ты однажды уже чуть не погиб? Чтобы составить компанию дикарю, которого воспитала горилла? Джек, эти джунгли для твоего приятеля — дом родной, но для нас с тобой — ад крошечный! Даже если ты сумеешь продержаться здесь пяток лет... Чего, конечно же, не случится... Ты все равно не научишься сигать по деревьям, как обезьяна!

— Я и не собираюсь это делать, упаси боже!

— Тогда какого растакого дьявола?!

— Дэнни, не сердись, что я свалил на твои плечи хлопоты, связанные с испанским золотом...

— Я хоть слово сказал о золоте? — прорычал капитан. — Насчет монет можешь не беспокоиться, мои матросы не позарятся на чужое добро, как позарились те ублюдки с «Арроу»! Через пару месяцев клад будет уже в доме профессора Портера — но все-таки объясни наконец, какая муха тебя укусила?! Мало того, что ты увяз в долгах, так еще собираешься поставить крест на своей карьере! Ты же понимаешь, что стоит тебе не явиться на крейсер к положенному сроку...

— Это не так уж важно.

— А?! Что?!.

— Да, — Джек облокотился на штриборт и посмотрел на громаду джунглей над побережьем. — Похоже, за целый год я ничему путному так и не научил Тарзана, зато сам кое-чему у него научился.

— Это чему же — разбивать кокосовые орехи?

— Нет. Тому, что важно, а что неважно. И поверь — чин лейтенанта, который я потеряю, стоит не больше, чем разбитый кокосовый орех.

— Тьфу! — сплюнул Купер. — Вот уж правду говорят — безумие заразительно! Думаешь, если ты ухитришься разыскать своего приятеля в этой чаще, он скажет тебе спасибо?..

Джек усмехнулся.

— Конечно, нет. Он никогда не говорит спасибо.

— Тогда какого растреклятого дьявола?!

Арно продолжал смотреть на джунгли.

— Я ему нужен, — негромко ответил он.

XIII. Танец Дум-Дум

Прошло уже пять дней с тех пор, как Тарзан вернулся в стаю горилл; но вернуться к прежней обезьяньей жизни оказалось куда труднее.

Еще никогда приемыш Калы не чувствовал себя в джунглях таким потерянным и одиноким.

Неповоротливый ум и примитивный язык сородичей вызывали у Тарзана дикие вспышки ярости, каких никогда не случалось у него прежде. Порой, доведенный до неистовства тем, что гориллы его не понимают, человек-обезьяна начинал бесноваться, как когда-то бесновался Керчак. Люди в таких случаях изливают злобу в словах, но Тарзан хотел навсегда забыть язык людей — а потому бросался в чащу, подальше от соплеменников, чтобы выплеснуть гнев в нечленораздельных криках и безумных прыжках по деревьям. Наконец приступ злобы проходил, и, мрачный и подавленный, Тарзан возвращался к обезьянам, которые занимались все теми же неторопливыми поисками корма или ленивыми спорами из-за места на солнцепеке.

На пятый день Тарзан привел свою стаю к заброшенному амфитеатру, где в дни его юности племя Керчака каждое полнолуние плясало танец Дум-Дум. С тех пор, как в джунглях появились чернокожие люди, гориллы покинули эти места, но теперь сын Калы горел нетерпением возродить старинный обычай.

Тарзан и сам не знал, почему он так хочет возобновить пляску Дум-Дум; может, он надеялся, что знакомый с детства праздник полнолуния вернет его к прежним беззаботным временам? Он не задумывался об этом. Он теперь вообще старался не думать.

Перебравшись по деревьям над непроходимыми зарослями колючего кустарника, подлеска и ползучих растений, гориллы очутились на дне неглубокого котлована — своей танцевальной площадке.

Еще недавно в центре этой широкой поляны было закопано золото профессора Портера, но, вырыв сундук, Тарзан тщательно заравнял

потом яму и прикрыл ее дерном, поэтому сейчас лужайка выглядела в точности, как во времена Керчака. Сундук давно уже гнил в джунглях, золотые монеты, надежно спрятанные в личном сейфе капитана яхты «Иволга», были сейчас на пути в Балтимор, и...

Тарзан взревел и изо всех сил ударил кулаком по стволу дерева, резкой болью изгнав из головы прокравшиеся туда непрошенные мысли.

Он отпихнул в сторону юного Горта и прорычал:

— Сегодня ночью будем плясать Дум-Дум!! Ждите, когда взойдет луна!!

Хотя капитан Дэнни Купер поднял паруса в полной уверенности, что его старинный приятель вконец свихнулся, Арно проявил не свойственную сумасшедшим предусмотрительность, готовясь к походу в африканские джунгли. И когда он наконец покинул хижину и вошел в чащу, у него было с собой все необходимое для существования в тропическом лесу.

Так он сначала полагал — однако не прошло и суток, как Джек убедился, что ни ружье, ни запас консервов, ни одеяло, ни спички, ни походный костюм не гарантируют человеку выживания в африканских дебрях.

Год назад, когда он двигался через этот лес в обратном направлении, к океану — еще не полностью оправившийся от ран, слабый и почти раздетый — он чувствовал себя куда уверенней, чем сейчас. Ведь тогда рядом с ним был Тарзан — а теперь Джек не имел ни малейшего представления, где находится человек-обезьяна и как отыскать его в бескрайних джунглях.

Единственное, чем располагал Арно — это картой, нарисованной Тарзаном перед дуэлью и указывавшей местоположение поляны танца Дум-Дум. И хотя Джек знал, что лесной амфитеатр давно заброшен большими обезьянами, все-таки он решил идти туда, полагая, что приемьш Калы по старой привычке может навестить знакомые места. К тому же лучше двигаться в определенном направлении, чем наугад блуждать по бесконечным дебрям!

Не зная звериных троп, Джек продирался сквозь густые заросли напрямик, но лианы и подлесок порой сплетались в такую непроходимую сеть, что ему приходилось сворачивать в сторону в

поисках обходных путей. Уже к концу второго дня его охотничья куртка не выдержала единоборства с колючками, и он был исцарапан так, словно дрался с леопардом; духота и жара тропического леса не раз заставляли его завидовать дикарской одежде Тарзана. Не зная, как отыскать воду, Арно утолял жажду лишь влагой, скапливающейся по утрам в чашах листьев «слонового уха», да мякотью немногих плодов, которые мог достать с земли. Он злился, что движется так медленно, и вслух издевался над своей прежней глупой уверенностью в том, что цивилизованный человек — царь природы.

Ночи приносили не меньше испытаний, чем дни. Опасаясь нападения хищников, Джек спал с заряженным ружьем в руках, то и дело просыпаясь от подозрительных шорохов в чаще. Такой сон с препятствиями утомлял не меньше, чем бодрствование, и наконец недосыпание до того измотало Арно, что третью ночь он попробовал провести в невысокой развилке огромного дерева. Однако чертова боязнь высоты не позволила Джеку расслабиться и задремать, и на рассвете он слез на землю вконец разбитым.

Однако несмотря на усталость, Арно продолжал упрямо двигаться к обезьяньему амфитеатру, миля за милей продираясь сквозь враждебный к незваному пришельцу лес. Он предпочитал не думать о том, что будет, если он не сумеет разыскать Тарзана в окрестностях поляны танца Дум-Дум. У него осталась последняя банка консервов да полпачки галет...

Но раз Тарзан ухитряется добывать в джунглях пищу, имея лишь примитивный лук, лассо да нож, неужели новейшее скорострельное ружье не обеспечит своего владельца дичью?

Тарзан, вожак горилл, отрезал от туши антилопы лучший кусок и дал знак своим подданным, что они могут воспользоваться остальной частью добычи.

Обезьяны не заставили повторять приглашение дважды — вскоре от антилопы остались лишь обглоданные начисто кости, и сытые довольные антропоиды улеглись отдыхать на постелях из листьев.

Их странный вождь беспокойно бродил по поляне, поглядывая на медленно выползающую из-за деревьев луну; наконец он начал стучать себя кулаком в грудь и издавать нетерпеливые крики.

Тогда взрослые самцы задвигались и словно нехотя поднялись. Почесываясь и бормоча, они потянулись к центру поляны, где лежал пустой ствол огромного дерева.

Самки и детеныши заняли места ближе к краю амфитеатра, а три старых, седых самца-гориллы подошли к деревянному «барабану».

Давно, очень давно — почти пять лет, целую обезьянью вечность! — этот барабан молчал, и первый удар ладонью был нанесен по нему не очень уверенно, вполсилы. Но пустотелое дерево охотно откликнулось низким гулом, и звук этот разбудил в душах горилл воспоминание о прежних неистовых праздниках в ночь полной луны.

Следующие удары обрушились на деревянный бок уже всерьез; а потом три антропоида вооружились палками и начали выбивать знакомый ритм, заставляя барабан гудеть все громче и громче.

Тем временем луна поднялась над верхушками самых высоких деревьев, озарив ярким светом лужайку, и Тарзан, предводитель горилл, вышел вперед, запрокинул голову и, ударяя себя кулаком в грудь, испустил такой страшный крик, словно вызывал на бой само небесное светило.

Его вопль отразился от краев котлована, метнулся над джунглями, и чаща отозвалась разноголосицей взволнованных криков. В дебрях залаяли шакалы, завопили разбуженные птицы, грозно затрубили слоны, заревели львы и пантеры.

Давным-давно джунгли не тревожил ночной разгул больших антропоидов, но вопль Тарзана заставил всех обитателей леса откликнуться на будоражащие звуки праздника Дум-Дум, как в былые времена.

Тарзан пошел по кругу, в центре которого колотили в барабан три гориллы; сперва он просто шел, раскачиваясь и согнувшись, а потом начал подпрыгивать — все выше и выше. За ним двинулся Карнат, старательно подражая движениям вожака. За Карнатом в круг вошли другие взрослые самцы, затем молодежь — и наконец почти вся стая присоединилась к странному скачущему танцу.

Быстрее, быстрее!

Выше, выше!

Грохочи, деревянный барабан!

Греми до тех пор, пока луна не свалится с неба, а Тарзан, сын Калы, не позабудет, что он когда-то был человеком!

Хо! Хо! Хо!

Раскачиваясь и подпрыгивая, кружась под неистовый грохот, Тарзан издавал истошные вопли, которые тут же подхватывали все обезьяны. И в голосе сына Калы было так же мало человеческого, как в голосах горилл.

Дикие крики опьяняли танцующих не меньше, чем барабанный бой, гориллы старались перецеголять друг друга в прыжках и кружении.

Быстрое ритмичное движение в кругу беснующихся соплеменников стремительно изгоняло из головы Тарзана последние мысли.

Вот о чем он мечтал — об исступлении, забвении, освобождении от всего и вся!

Гуди, барабан!

Дрожите, лесные твари, слушая голос самого могучего из обитателей джунглей!

Тарзан опять закричал, запрокинув голову, бросая вызов равнодушной луне.

Опьяненные танцем Дум-Дум, гориллы ревели так, что порой заглушали барабанный грохот, с их оскаленных клыков капала пена, луна мелькала неистовыми огоньками в их красных глазах.

Но самый неистовый огонь горел в синих глазах Тарзана.

Исступление!

Забвение!

Ярость!

Безумие, безумие танца Дум-Дум!

Тарзан, сын Калы, обхватил черноловолосую взлохмаченную голову и издал такой вопль, что даже гориллы отшатнулись от своего вожака.

XIV. Встреча

Ритмичный грохот, обрушившийся на джунгли, разбудил задремавшего Арно, и тот вскочил с бешено колотящимся сердцем, судорожно сжимая ружье. Все лесные обитатели как будто обезумели: повсюду раздавались рыки, щебет, взвизгивания и рев — и еще прежде, чем до Джека донесся крик Тарзана, юноша понял, что большие обезьяны снова начали танцевать Дум-Дум.

Арно закинул мешок за спину и быстро двинулся на звук деревянного барабана. Еще ни разу он не осмеливался пускаться в путь ночью, но сейчас в чаще все равно никто не спал. Безумие, выплескивающееся с поляны, где бесновались гориллы, охватило близлежащие джунгли, как лесной пожар, толкая всех тварей на неразумные смятенные поступки.

От ударов деревянного барабана стучала кровь в висках, мысли путались и обрывались; все, кто слышал звуки праздника полной луны — и человек, и дикие звери — оказались во власти одинакового возбуждения, которое охватывало их тем сильнее, чем ближе раздавался ритмичный гром. А Арно был от поляны так близко, что от стука обезьяньего барабана под ним подрагивала земля!

Из темных ветвей то и дело взвивались птицы; мартышки с диким верещанием прыгали по деревьям; сквозь заросли прорвалась семья кабанов, совсем рядом возмущенно затрубили слоны...

Вскоре Арно выбрался на прогалину и остановился, чтобы перевести дух и оглядеться. Благодаря луне здесь было светло, как днем, хотя тени деревьев были неясными и размытыми...

Вдруг с одной из таких пастельных теней слилась густо-черная клякса — и на прогалину скользнула гибкая кошка с горящими, как два багровых рубина, глазами. Сабор в упор посмотрела на человека, разинула пасть и с низким протяжным рыком хлестнула себя хвостом по бокам.

Взбудораженная шумом обезьяньего разгула, львица пробиралась по джунглям, готовая запустить когти и зубы в первую же добычу, которая ей подвернется. Она погналась было за антилопой, но та

оказалась слишком быстра и ускользнула, оставив клочья шерсти на колючих кустах. Львица разгневанно взревела — но тут другой притягательный запах возвестил о близости куда более легкой добычи. Сабор развернулась и быстро скользнула к окаймленной кустами к прогалине.

При виде львицы, возникшей в десяти шагах от него, Арно мгновенно вскинул ружье и выстрелил.

Однако движения хищницы были так стремительны, что пуля достала ее уже во время прыжка и вместо того, чтобы раздробить голову, попала в грудь, пройдя навывлет между ребрами.

Второй раз выстрелить Джек не успел: с ревом ярости и боли Сабор обрушилась на него и одним ударом лапы выбила ружье из рук. Чудовищные когти располосовали куртку на плече Арно, но каким-то чудом он сумел откатиться в сторону и вскочить. Юноша рванул за отлетевшим в сторону ружьем — и увидел, что от приклада остались одни щепки. Теперь его оружие годилось для обороны не больше, чем простая дубина.

Рыча и воя, львица рванулась к нему...

Следующими действиями Арно руководил уже не разум, а только инстинкт самосохранения. Джек подпрыгнул, вцепился в нависшую над его головой ветку и стал карабкаться вверх. Раньше он никогда бы не подумал, что сможет так быстро взобраться на дерево, но злобный рев львицы придал ему обезьянью сноровку, наверняка удостоившуюся бы похвалы Тарзана.

Добравшись до места, откуда начинался ровный гладкий ствол, Джек перевел дух, обернулся — и похолодел. Сабор никогда не была любительницей лазать по деревьям, но боль довела ее до такого остервенения, что львица поднималась по тесно растущим веткам, медленно и с трудом, но все-таки неумолимо подбираясь к ранившему ее человеку!

На мгновение ужас заставил Арно оцепенеть, а потом он сделал невероятную для него вещь. Он лег плашмя на ветку, горизонтально простирающуюся над подлеском и колючими кустами, и пополз по ней в сторону обезьяньего амфитеатра.

Это было полным безумием!

Но еще безумней будет львица, если последует за ним.

Джек полз до тех пор, пока ветка не начала угрожающе потрескивать и качаться под его тяжестью; остановился, медленно повернул голову — львица исчезла. Он оказался единственным сумасшедшим, рискнувшим нарушить незыблемую границу владений больших горилл.

Некоторое время Арно лежал, изо всех сил вцепившись в подрагивающую ветку, напрасно пытаясь обуздать удары своего сердца, стучащего в такт ударам обезьяньего барабана. Потом осторожно попытался двинуться назад — и замер, чуть не свалившись. На вторую попытку он уже не рискнул. А ритмичный гром звучал совсем близко...

И наконец любопытство и страх вкупе с безрассудством, наполняющим эту лунную ночь, толкнули Джека на новый безумный поступок: он протянул руку, крепко ухватился за основание ветки, почти вплотную подходившей к той, на которой он лежал, перебрался на соседнее дерево и пополз вперед.

Танец Дум-Дум достиг своего апогея, подойдя к наивысшей точке неистовства, которая превращает горилл в исступленных берсеркеров. Именно такие танцы помогают большим антропоидам сохранять в обычное время благодушное расположение духа — вдоволь набесновавшись в ночь полной луны, они потом реже бывают подвержены вспышкам гнева.

Огромные обезьяны роняли пену с клыков, вертелись и выли, являя собой воплощение первозданной злобы; но неистовее всех горилл кружился, прыгал и кричал человек, чье потное обнаженное тело блестело, как бронза, в свете луны.

Бывший лорд Грейсток был полностью захвачен исступлением танца Дум-Дум. Он кружился в стремительном водовороте с тремя грохочущими барабанами в центре, изо всех сил стараясь превзойти своих подданных в быстроте движений и высоте скачков... И даже не подозревал, что на его дикую пляску с простирающейся над краем поляны длинной ветки, затаив дыхание, смотрит Джек Арно.

Джек забыл о том, каких невероятных трудов ему стоило сюда добраться; забыл об исцарапанном когтями львицы плече; забыл о ненадежности ветки, на которой лежал. С трудом веря своим глазам, он глядел на Тарзана, лорда Грейстока, танцующего Дум-Дум в

хороводе огромных черных горилл, и пытался убедить себя, что этот воющий полузверь — его друг.

Господи, если бы Ольга де Куд или любой из светских парижских приятелей Тарзана могли увидеть, как он вертится и взлетает на три фута в воздух, исполняя танец, который никому из них не привиделся бы даже в бреду! Как на залитой лунным светом лужайке рядом с высоким обнаженным юношей беснуются дикие гориллы, повторяя все его стремительные движения!

Тарзан, не сбивая ритма неистовой пляски, запрокинул голову, вскинул руки — и из его глотки вырвался оглушительный, чудовищный вопль, к которому тут же присоединились все обезьяны.

Этот многоголосый крик чуть не разорвал голову Арно; захваченный врасплох, он быстро зажал уши... И, не удержавшись на ветке, рухнул на залитую лунным светом поляну.

Барабаны отбили еще три или четыре удара и смолкли.

Наступившая тишина была страшнее только что прозвучавшего вопля.

Впервые в обезьяньем амфитеатре появился чужак! И этот наглец осмелился сунуться сюда в разгар праздника полной луны!!!

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем гориллы осознали, что произошло. Потом большие самцы захлебнулись клокочущим рыком и, выпрямившись во весь рост, двинулись к существу на краю поляны.

Арно приземлился на четвереньки и сразу вскочил.

Минуту назад ему казалось, что на свете нет ничего страшнее, чем зрелище обезьяньего танца Дум-Дум.

Теперь он понял, как ошибался.

Обезумевшие от недавней пляски громадные черные гориллы, скаля покрытые пеной пасти и ударяя себя в грудь огромными кулаками, медленно приближались, словно воплощение самых древних кошмаров, вырвавшихся из подсознания человека. Но ужасней всего было то, что вместе с наступающими гориллами к Арно шел Тарзан — и в глазах его горел такой же дикий огонь, как и в глазах антропоидов, а зубы сверкали в таком же злобном оскале!

Арно сделал шаг назад и понял, что ноги не повинуются ему. Чудовища, каждое из которых могло с легкостью разорвать его

пополам, были уже совсем близко...

И тогда, с трудом стряхнув смертное оцепенение, Джек громко окликнул Тарзана.

С тем же успехом он мог бы окликать любую из горилл: человек-обезьяна как будто не слышал его!

— Тарзан, ты что, меня не узнаешь?!

Приемыш Калы зарычал низким утробным рыком и ударил себя кулаком в грудь. Тотчас все антропоиды повторили жест своего вожака — эти удары прозвучали громко, как стук деревянного барабана.

Вздыбив шерсть на загривках, громко рыча, матерые гориллы-самцы приготовились к атаке. Самки с детенышами и молодые обезьяны толпились за их спинами, готовые броситься на врага вслед за стариками.

Джек почувствовал, что сейчас потеряет сознание.

— Тарзан! — снова с отчаянием закричал он. — Очнись, ради всего святого! Это же я, Джек Арно!

Тарзан приостановился, в его глазах что-то знакомо блеснуло...

И тот же миг стоявший впереди всех громадный самец с серебрившейся в лунном свете седой шерстью кинулся на пришельца.

Никакой самый безумный храбрец не смог бы бестрепетно выдержать атаку взбешенной взрослой гориллы — и Джек, сдавленно вскрикнув, закрыл лицо предплечьем.

Он был уверен, что это конец.

Но с ревом атакующей гориллы слился знакомый боевой вопль человека-обезьяны, и Тарзан одним прыжком оказался между Карнатом и Арно.

Горилла с разгона налетела на человека, и Тарзан не удержался на ногах — все-таки в матером самце было втрое больше весу, чем в нем самом! Но приемаш Калы мгновенно вскочил и испустил новый бешеный крик, предупреждая горилл, что если они кинутся в бой, им придется биться со своим вожаком.

Тарзан почти не надеялся остановить распаленных танцем обезьян; он весь напрягнулся, готовый к драке. Конечно, у него не было никаких шансов выстоять против нападения сразу нескольких больших горилл, а тем более — против нападения всей стаи, однако ему и в голову не пришло отойти в сторону и отдать на растерзание Джека

Арно. Он сам сейчас скорее был гориллой, чем человеком, но все-таки готов был защищать друга до последней капли крови — так, как его самого когда-то защищала Кала.

К счастью, обезьяны хорошо знали, что лучше не перечить своему новому странному вожаку.

Шерсть на загривках горилл мало-помалу улеглась, длинные клыки спрятались за толстыми губами. Одна за другой обезьяны становились на четвереньки, и лишь строптивый Мгор, недовольный мирным исходом дела, с низким горловым рыком попытался кинуться на незнакомого человека. Но Тарзан прыгнул наперерез и отвести строптивцу такую оплеуху, что она сразу остудила боевой пыл гориллы.

Потом человек-обезьяна прокричал несколько коротких повелительных фраз... И, уставшие от долгого танца, сбитые с толку антропоиды поковыляли на другой конец поляны, то и дело останавливаясь и оглядываясь через плечо.

Убедившись, что никто из горилл больше не помышляет о драке, Тарзан наконец расслабился, напоследок коротко рывкнул обезьянам вслед и обернулся.

Некоторое время два человека молча смотрели друг на друга; один из них продолжал по-звериному скалить зубы, второй пытался что-то сказать, но не мог.

Арно сомневался, что после всего пережитого он вообще когда-нибудь сможет заговорить. На него стопудовой тяжестью вдруг навалилась многодневная усталость, и только сейчас он почувствовал, как течет по груди кровь из изодранного плеча. До сих пор у Джека не было времени перевязать эти царапины, которые он считал пустяковыми. Но вот теперь потеря крови дала о себе знать звоном в ушах и ватной слабостью в ногах.

— Прости, Тарзан... — пробормотал Джек, едва слыша собственный голос. — Но мне нужно сесть...

Он не сел, а скорее упал на закружившуюся под ним поляну. Тарзан опустился рядом на корточки; на его лице впервые появилось человеческое выражение, когда он коснулся окровавленной разодранной куртки на плече Арно.

— Это я дрался со львицей... — пояснил Джек. — Ей досталось больше, чем мне...

Он качнулся и лег на бок, и человек-обезьяна, придвинувшись ближе, осторожно отлепил окровавленные лохмотья от его плеча.

— Тарзан... Ничего, если я немного вздремну? Я мало спал в последние дни...

Некоторые любопытные гориллы начали приближаться к лежащему человеку, но Арно это больше не беспокоило. Маячащие неподалеку силуэты больших обезьян слились перед его глазами с силуэтом нагнувшегося над ним Тарзана, и он уснул так крепко, что даже не почувствовал, как человек-обезьяна начал зализывать его плечо.

XV. Крушение

Лорду Теннингтону не раз доводилось в сердцах бормотать, что даже шторм был бы желанным гостем, если бы во время бури смыло за борт мсье Тюрана. Только мсье Тюрана и никого больше!

Но хозяин яхты «Леди Алиса» даже в минуты самой большой запальчивости никогда не призывал на свое судно такие несчастья, какие обрушились на него возле африканского побережья. Если бы Джей Теннингтон был суеверным, он бы подумал, что «Леди Алису» кто-то сглазил — как иначе объяснить беды, посещавшие яхту буквально одна за другой?

Сперва двое матросов затеяли в кубрике поножовщину, и одного из них пришлось заковать в кандалы. Потом судно застиг такой шторм, что даже боцман начал читать отходную. На следующий день помощник капитана свалился ночью за борт и пошел ко дну раньше, чем ему успели оказать помощь. Яхта крейсировала на месте десять часов, но найти упавшего в море человека так и не удалось. И наконец котел в машинном отделении вышел из строя, так что пришлось на ходу производить необходимый ремонт, пока яхта под слабым юго-западным ветром медленно двигалась к берегам Африки.

Такое упорное невезение привело команду и пассажиров в мрачное подавленное состояние. Моряки пророчили еще худшие беды и в любом пустяке были склонны видеть зловещее предзнаменование.

Когда упорно ждешь беду, будь уверен — беда непременно явится!

И однажды ночью страшный толчок, от которого яхта содрогнулась от носа до кормы, сбросил с коек спящих гостей и команду. На несколько мгновений яхта оставалась под углом в сорок пять градусов, потом с жалобным стоном медленно выпрямилась.

Все немедленно выбежали на палубу; в туманной ночи зазвучали испуганные голоса женщин и крики мужчин.

— Мы натолкнулись на наносной остров, — коротко объяснил офицер, стоявший на вахте. — Было невозможно разглядеть его в тумане, пока мы не подошли вплотную.

На палубу выскочил перепуганный машинист.

— Заплата с котла сорвана! — крикнул он. — На носу так и хлещет вода — похоже, в обшивке дыра от самой ватерлинии!

Элоиза Стронг зарыдала, но лорд Теннингтон унял надвигающуюся панику властным рывком:

— Спокойно! Леди, нет никаких оснований для беспокойства. Лучше спуститесь в каюты и соберите самые необходимые вещи. Возможно, нам придется перейти в лодки. Джейн, Элоиза, мисс Дэн, поторопитесь! А вы, капитан Жерольд, готовьте шлюпки, да позаботьтесь о провизии и питьевой воде.

Уверенный голос хозяина оказал на пассажиров и команду магическое действие: все занялись спешными делами. Вскоре лодки уже качались на воде — и вовремя: было ясно, что конец «Леди Алисы» близок. Едва экипаж и пассажиры разместились в четырех шлюпках, как нос яхты начал быстро погружаться в воду.

А когда шлюпки отвалили от судна и Джейн Портер оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на яхту, раздался взрыв — не выдержали котлы. Под дождем деревянных обломков яхта, вставшая почти вертикально, носом вперед ушла под воду, и лишь быстро сужавшаяся воронка еще какое-то время отмечала место ее погружения.

Во всех четырех лодках люди молча смотрели на гибель «Леди Алисы». Вот и воронка сгладилась, только дымились на поверхности воды деревянные обломки...

И тогда в тишине прозвучал дрожащий голосок Элоизы Стронг:

— Мне так жалко, лорд Теннингтон!

— Не горюйте, мисс Стронг, — уверенно отозвался молодой англичанин. — Море спокойное, у нас вдоволь еды и питья — клянусь, бояться совершенно нечего!

— Я не о том! — покачала головой лучшая подруга Джейн Портер. — Мне жаль, что вы лишились вашей прекрасной яхты! Она была такой замечательной, и... И... Прогулка была просто чудесной, а я до сих пор не удосужилась вас за нее поблагодарить!

Лорд Теннингтон удивленно посмотрел на девушку, по его милости оказавшуюся посреди океана в уютной лодчонке — и понял, что Элоиза не шутит.

— Это я должен поблагодарить вас за... За все... — пробормотал он.

И вдруг засмеялся.

Этот весьма некстати прозвучавший смех заставил мисс Дэн возмущенно посмотреть на молодого человека, но подопечная старой девы присоединилась к веселью лорда Теннингтона.

— Над чем вы так смеетесь? — сквозь смех спросила Элоиза Стронг.

Джей Теннингтон только покачал головой. Он не хотел признаться, что причиной его веселья было внезапное осознание счастливого дара судьбы: мсье Тюран оказался в лодке вместе с Клейтоном и мисс Портер, а не с ним и Элоизой Стронг!

Если бы Джей знал, что мисс Стронг в душе тоже радуется этому обстоятельству, он ликовал бы еще больше.

Вскоре Элоиза задремала, положив голову на плечо Теннингтону, и молодой человек тоже уснул — куда более счастливым, чем засыпал на своем роскошном корабле.

Однако когда яркое тропическое солнце разбудило людей во всех четырех шлюпках, безмятежное спокойствие Элоизы Стронг сменилось ужасом: поднявшийся под утро ветер отогнал лодки далеко одну от другой.

Громкие крики и усердная гребля в конце концов помогли трем суденышкам маленькой эскадры воссоединиться, но шлюпка, в которой находились Джейн Портер, три матроса, Клейтон и Тюран, затерялась в бескрайней водяной пустыне.

XVI. Спасение

Тарзан двигался сквозь джунгли все быстрее и быстрее, и наконец Арно, отстававший уже на двадцать шагов, окликнул:

— Объясни наконец, куда ты так спешишь?

Человек-обезьяна нетерпеливо обернулся.

— К берегу, — коротко ответил он.

— Хорошо, но зачем так быстро? Океан никуда от нас не уйдет...

— Зато яхта может уйти. И тогда ты останешься здесь.

— Тарзан... Я не успел тебе сказать... Но «Иволга» отчалила еще пять дней назад и сейчас на пути в Америку...

Человек-обезьяна одним прыжком оказался рядом с Арно, и тот невольно попятился: верхняя губа Тарзана вздернулась, обнажая зубы, в глазах вспыхнули яростные огоньки — совсем, как прошлой ночью на поляне танца Дум-Дум.

— Насчет золота профессора Портера ты можешь не беспокоиться! — быстро заверил Джек. — Дэнни Купер доставит клад в полной целостности и сохранности, ему можно верить, он надежный парень...

Синий огонь в глазах Тарзана погас; человек-обезьяна опустил голову и устало сел на траву.

— Зачем... ты... пришел? — медленно, с усилием спросил он.

— Хотел познакомиться с твоей семьей, — Джек сел рядом. — Ты ведь знаком с моей бабушкой, так почему мне нельзя было познакомиться с твоими лесными родственниками?

Тарзан поднял на него усталые глаза, в которых колыхалась равнодушная муть. Уж лучше бы он снова рычал и скалил зубы!

— Ты же не бросил меня когда-то в джунглях, — тихо проговорил Арно. — Как же я мог бросить тебя?..

Тарзан коротко расхохотался, этот отрывистый смех был больше похож на хохот обезьяны.

— Джунгли — мой дом!

— Да, то же самое говорил Дэнни Купер. Но скажи откровенно — ты счастлив в этом доме?

Приемыш Калы отвернулся.

— Когда ты ел в последний раз? — после долгого молчания спросил он.

— Вчера утром. Послушай, здесь нет поблизости какого-нибудь источника? Было бы здорово умыться и попить...

Тарзан, обернувшись, в упор посмотрел на Арно.

— И ты хочешь, чтобы я вернулся в город? Чтобы превратился в такое же беспомощное существо, как ты и все другие цивилизованные люди?

Джек ничего не успел ответить на этот выпад: тонкий испуганный крик, внезапно пронзивший чащу, заставил его взвиться на ноги.

— Что за черт? Можно подумать, кричал ребенок, — пробормотал Арно...

Он вдруг обнаружил, что Тарзана рядом с ним больше нет.

Крик еще не успел отзвучать, как человек-обезьяна схватился за ближайшую ветку, взлетел на дерево и растворился в густой листве.

Тарзан мчался по вершинам деревьев, пока не достиг прогалины. Там, на широком пространстве слоновой тропы, он разглядел четырех воинов из поселка Мбонги. Разукрашенные татуировкой чернокожие каннибалы, вооруженные луками и копьями, пытались изловить какое-то существо, мечущееся между ними.

Спустившись ниже, Тарзан увидел, что существо это — маленький мальчик лет семи-восьми, изо всех сил старающийся ускользнуть от протянутых к нему отовсюду рук. Всю одежду ребенка составляла такая же короткая набедренная повязка, как у людоедов Мбонги, но его кожа была гораздо светлей, черные волосы были прямыми, а не курчавыми, и лицо ничуть не напоминало толстогубые лица людоедов с приплюснутыми носами.

Человек-обезьяна лишь мельком взглянул на затравленного малыша, который бросался туда-сюда в тщетных попытках улизнуть от хохочущих каннибалов. С высоты двадцати футов Тарзан хмуро уставился на луки в руках двух воинов. Малейшая царапина наконечников отравленных стрел приносила почти мгновенную смерть; значит, если он хочет помочь мальчишке, нужно сперва лишить стрелков их оружия... Но как?

Один из воинов Мбонги наконец-то схватил беглеца, однако торжествующий крик тут же превратился в крик боли, когда отчаянно

отбивающийся мальчик прокусил ему ладонь. Вывернувшись из рук каннибала, малыш бросился наутек, однако другие воины, насмехаясь над своим чувствительным товарищем, отрезали путь мальчугану и погнались обратно. Негр с прокушенной ладонью не на шутку рассвирепел. Не желая больше забавляться, он прыгнул вперед и ткнул ребенка копьем в ногу выше колена. Уж теперь-то строптивая добыча не убежит! Теперь можно будет спокойно притащить пленника в поселок Мбонги, чтобы подвергнуть обычным пыткам, а потом съесть!

Мальчик, вскрикнув, упал на тропу и пополз прочь от ранившего его людоеда. Но эти смешные попытки спастись только позабавили воина; он уже протянул руки, чтобы схватить беспомощную жертву...

Как вдруг, словно карающий гром, с неба обрушился самый страшный звук, который только мог коснуться слуха чернокожих каннибалов в здешних лесах — голос Могучего Лесного Духа!

Уже больше года грозное божество не пугало людей Мбонги своим ужасным криком — и вот теперь знакомый вопль снова прозвучал под сводами джунглей, заставив негров замереть от испуга.

Однако их жертву клич Тарзана испугал ничуть не меньше. Ребенок, дрожа, припал к земле, больше даже не пытаясь ползти. Он не сводил широко раскрытых глаз с зеленых ветвей, откуда донесся крик: неведомая опасность над головой на время заставила его позабыть про татуированную опасность рядом.

Тарзан проворно спустился ниже, чтобы схватить за шею дикаря, который застыл прямо под его деревом...

Но прежде, чем человек-обезьяна успел осуществить свое намерение, на место происхождения прибыл Джек Арно.

Он наконец одолел по земле тот путь, который его друг проделал по вершинам деревьев, и с разгону выскочил на тропу. Увидев перед собой чернокожих каннибалов, Джек не стал раздумывать: прыгнул к ближайшему дикарю и послал его на землю великолепным хуком справа. Тут же другой чернокожий прицелился в белого человека из лука, и Арно наверняка получил бы в грудь отравленную стрелу, если бы из листвы вдруг не высунулась загорелая мощная рука, подобно удаву ухватившая воина за шею. Теряя оружие и щит, негр с воплем исчез за зеленым пологом... Чтобы минуту спустя рухнуть обратно со сломанной шеей.

Это оказалось последней каплей для суеверных дикарей.

Могучий Дух простер над ними свою карающую руку! Лесное божество хочет их погубить!

И уцелевшие негры во все лопатки бросились удирать по тропе. Самый быстроногий из них едва успел добежать до поворота, как его постигла та же участь, что и товарища. Второй из беглецов перепрыгнул через свалившийся ему под ноги труп и припустил вдвое быстрее... Но свистнувшее из ветвей копье, поразив дикаря в спину, вышло на полфута из его груди.

Тарзан быстро спустился с дерева, выдернул копье из трупа, вернулся назад и хладнокровно пронзил сердце каннибала, которого послал в нокаут Арно.

После этого человек-обезьяна хотел издать свой обычный победный клич — но посмотрел на ребенка и удержался от крика. Мальчик и так был еле жив, а обезьяний вопль точно прикончил бы его.

Припав к земле, худенький смуглокожий малыш с ужасом глядел на Тарзана на Арно, не зная, спасители перед ним или новые враги.

— Все в порядке, приятель, — проговорил Джек, приближаясь к нему. — Тебе нечего нас бояться!

Ребенок задрожал всем телом и попытался отползти, волоча раненную ногу. Когда же над ним нагнулся огромный страшный человек, который только что подобно обезьяне прыгал по деревьям, и лизнул глубокую рану у него над коленом, мальчик с отчаянным криком замолотил кулачками по могучим плечам черноволосого гиганта.

— Тарзан, оставь! Он думает, что ты хочешь его съесть! — сказал Арно, скидывая с себя рубашку и отрывая длинную полосу ткани.

Присев рядом с полумертвым от ужаса ребенком, Джек наугад попробовал заговорить с ним на ломаном французском, распространенном среди многих племен бельгийского Конго. Он подбирал слова и так, и сяк... И наконец малыш то ли что-то понял, то ли на него просто подействовал ровный мягкий тон. Как бы там ни было, он почти перестал дрожать и позволил дотронуться до своего плеча.

Ласковое прикосновение оказало на человеческое дитя такое же успокаивающее действие, какое оказало бы на детеныша гориллы. Поняв, что ему не хотят причинить зла, измученный ребенок закрыл

лицо руками и зашелся плачем, больше похожим на звериный скулеж. Всхлипывая и вздрагивая от боли, он послушно позволил промыть свою рану из фляжки убитого негра и перевязать ее куском рубашки Арно.

— Что будем делать с этим бедолагой? — спросил Джек, допивая остатки воды.

— Мальчик не мог очутиться в джунглях совсем один, — отозвался Тарзан. — Спроси, откуда он... А я пока заберу у негров все, что может нам пригодиться.

— Да посмотри, не осталось ли у них еще воды!

Джек поднялся вслед за Тарзаном, и мальчуган, решив, что его хотят оставить в джунглях одного, с жалобным криком вцепился в ногу Арно.

Когда человек-обезьяна вернулся с луком, колчаном за плечами и с флягой из тыквы у пояса, дрожащий человеческий детеныш прижимался к Джеку, как маленькая перепуганная обезьянка.

Арно то знаками, то словами пытался выпросить, откуда тот взялся в этой чаще и где его дом — и наконец мальчик указал на северо-запад.

— Это почти в том направлении, где стоит поселок Мбонги, — задумчиво сказал Тарзан. — Спроси, он уверен?

Да, мальчик был уверен, что его дом именно там — и, хмуро покачав головой, лесной богатырь поднял ребенка на руки.

— Надеюсь, он не ошибся. Иначе у нас могут быть большие неприятности!

У Арно побежали по спине мурашки, когда он представил, насколько большими могут быть эти неприятности, если они попадут не туда, где живут соплеменники мальчика, а в деревню чернокожих каннибалов. Пытки, пережитые в поселке Мбонги, до сих пор снилось Джеку в кошмарных снах, но он поднял копье и без колебаний зашагал рядом с Тарзаном, несущим на руках раненого ребенка.

XVII. Лотерея смерти

Джейн Портер в изнеможении лежала в лодке, покачивающейся на покрытой легкой рябью синей воде. С таких же синих небес безжалостно палило солнце, усугубляя муки жажды находившихся в шлюпке людей. К страданиям от жажды и голода прибавлялось ощущение полной незащитности: казалось, огромная водяная пустыня простирается в бесконечность, а крошечная шлюпка — всего лишь песчинка, затерявшаяся посреди равнодушной бескрайней вселенной.

Потерпевшие кораблекрушение пассажиры «Леди Алисы» совсем потеряли надежду; матросы тоже давно не пытались грести и впали в равнодушное оцепенение.

— Джейн! — тихо окликнул Клейтон. — Вы не должны отчаиваться, слышите? То, что лодки разогнало в разные стороны, увеличивает наши шансы на спасение. Если хотя бы одна из шлюпок будет подобрана, тотчас начнут разыскивать и другие. Если бы мы остались вместе, у нас был бы только один шанс на спасение, а теперь их целых четыре!

Вместо Джейн отозвался один из матросов:

— Заткнись, умник! Будь у нас жратва и вода, стоило бы заниматься такими подсчетами, а сейчас... Мы все передохнем от голода и жажды, прежде чем на нас наткнется какой-нибудь корабль!

— Сам заткнись! — прохрипел другой матрос. — Хватит каркать, без тебя тошно!

Все припасы на лодке кончились еще вчера, и положение впрямь казалось безвыходным, но перебранка между матросами заставила Джейн открыть глаза и укоризненно сказать:

— Не надо браниться, прошу вас. То, что мы очутились в такой ситуации — само по себе скверно, зачем же увеличивать несчастья, занимаясь стычками и ссорами? Сейчас нужно еще строже соблюдать дисциплину, чем на настоящем большом судне...

Джейн понимала, как слабо и беспомощно звучит ее голос, как наивны ее слова. Каждый раз, когда в шлюпке вспыхивала свара, она надеялась, что Клейтон уймет мало-помалу теряющих человеческий

облик матросов... Но ее жених с самого начала занял позицию невмешательства. Поэтому, боясь, что дело дойдет до поножовщины, девушка раз за разом вмешивалась в чреватые дракой споры.

Что же касается мсье Тюрана — куда только подевался прежний безукоризненный француз! Голод, жажда и страх как будто помutilи его рассудок, и он сидел, забившись в дальний угол шлюпки, поблескивая из-под всклокоченных темных волос полубезумными глазами.

Через день после того, как были съедены последние крошки пищи и выпиты последние капли воды, ситуация стала критической.

Люди пытались облегчить муки жажды, глотая забортную воду, но от соленой воды им становилось еще хуже. Днем жара не позволяла сомкнуть глаз, но и ночью короткий беспокойный сон не приносил отдыха.

Моряки принялись жевать свои кожаные пояса, сапоги, кожаную обшивку шапок, хотя Клейтон предупреждал их, что этим они только усилят свои страдания. Так и случилось: слабые, больные желудки матросов не смогли справиться с кусками кожи, которыми они их набили. Первым умер в конвульсиях Томпкинс, и его тело несколько часов лежало на корме, издевательски скаля зубы еще живым людям.

Наконец Джейн Портер не выдержала.

— Почему вы не сбросите его за борт, Уильям? — прошептала она.

Клейтон поднялся и, шатаясь, направился к труп. Два оставшихся в живых матроса следили за ним со странным, зловещим огоньком в запавших глазах.

Англичанин тщетно старался перевалить тело через борт — у него не хватало сил.

— Может, поможете, мистер Вильсон? — окликнул он матроса, который лежал ближе других.

— А зачем его выбрасывать? — раздраженно проворчал тот.

— Как же иначе? — удивился Клейтон. — Представляете, во что превратит его тропическое солнце через несколько часов?

— Оставьте-ка труп в покое! — прохрипел Вильсон. — Мы доберемся до него раньше, чем солнце...

Слова матроса не сразу дошли до сознания Клейтона. А поняв, что имеет в виду моряк, Уильям в ужасе отшатнулся.

— Боже мой! — прошептал он. — Неужели вы собираетесь...

— Почему бы и нет? — пробурчал Вильсон. — Бедняга Донни умер, ему теперь все равно.

— Очнитесь, Тюран! — крикнул молодой лорд. — Надо выбросить труп за борт, иначе нам придется пережить кое-что похуже смерти!

Его крик как будто привел француза в чувство, и тот пришел на помощь Клейтону. Вильсон угрожающе зарычал, но не посмел вмешаться и только проводил жадным взглядом тело, перевалившееся через борт.

После этого Вильсон уставился на Клейтона, глядя на него так, как раньше глядел на умершего матроса. Англичанин с трудом мог выносить этот пристальный безумный взгляд; он старался не засыпать, но от слабости в любую минуту мог потерять сознание.

Наконец Клейтон не выдержал пытки бодрствования и, уронив голову на скамейку, уснул. Спустя какое-то время его разбудил раздавшийся совсем близко странный звук. Уильям открыл глаза и в ужасе увидел подползающего к нему Вильсона: из раскрытого рта безумца свисал распухший язык, глаза сверкали плотоядным блеском.

В этот миг проснулась Джейн Портер, увидела страшное зрелище и пронзительно закричала... Но ее крик лишь побудил матроса к немедленному действию: сумасшедший ринулся вперед, повалил Клейтона и, как хищный зверь, попытался вцепиться зубами в его горло. Но англичанину, при всей его слабости, удалось оттолкнуть безумца, а в следующий миг на помощь Уильяму устремились Джейн и матрос Снайдер.

Втроем им удалось справиться с Вильсоном. Несколько минут матрос лежал на дне лодки, болтая всякую чушь и хохоча — и вдруг со страшным криком вскочил на ноги и прыгнул в воду.

Никто не пытался его остановить.

Реакция после ужасного напряжения совсем обессилила оставшихся в живых. Снайдер опустился на колени и заплакал. Джейн Портер почти потеряла сознание, а Клейтон еще долго не мог пошевелиться и только судорожно глотал воздух пересохшим ртом.

Мсье Тюран не принимал участие в потасовке и как будто предавался размышлениям, опустив голову на руки.

Результаты своих размышлений он сообщил всем на следующее утро, впервые за долгое время раскрыв рот.

— Джентльмены, — проговорил он. — Если нас не подберут в ближайшие два дня, на что надежды мало, нам всем конец. Остается единственный выход: кто-то должен принести себя в жертву, чтобы остальные остались живы. Вы понимаете, о чем я говорю?

Джейн Портер, услышав этот спокойный рассудительный голос, с трудом поверила своим ушам. Ее не так ужаснуло нападение обезумевшего матроса, как это взвешенное предложение, исходившее от культурного, обладавшего утонченными манерами француза.

— Я понимаю, — после недолгого молчания ответил Клейтон. — Но я предпочитаю умереть, как человек.

— Вы не можете решать единогласно, — возразил Тюран. — Решать нужно большинством голосов. Так как жертвой станет один из мужчин, голосовать мы будем втроем.

— Тюран, опомнитесь! — воззвал Клейтон. — Вы же цивилизованный человек, как вы можете пасть так низко, чтобы...

— Именно потому, что я цивилизованный человек, я и предложил, чтобы жребий тянули только мужчины, — с дьявольской усмешкой отозвался Тюран. — Мисс Портер не угрожает опасность. Я надеюсь, она оценит мою галантность...

Джейн молча отвернулась. У нее больше не было сил, чтобы вмешаться в этот невероятный сатанинский спектакль.

— Вы галантны, как истинный француз, мсье Тюран! — с горечью проговорил Клейтон.

— Какой там к дьяволу француз! — взвизгнул Тюран, которому вдруг изменило самообладание. — Никакой я не лягушатник, а русский, и зовут меня Николай Роков, а не Поль Тюран!

— Почему же вы нас обманули? — без особого интереса спросил Клейтон.

— За каким чертом вам знать почему? У меня были на то причины! Только лучше бы уж я остался в Париже, где на меня и спустили всех собак, чем согласиться взойти на борт «Леди Алисы»! Надеюсь, проклятый Теннингтон, который затащил меня на свою прогнившую старую лохань, уже сдох от голода и жажды!

Клейтон пристально посмотрел на Тюрана, но так и не понял, бредит ли тот или говорит всерьез.

— Послушайте, как вас там — Тюран, Роков, Поль или Николай! Я не знаю, русский вы или француз, но я не собираюсь соглашаться на

ваш чудовищный замысел!

— А вашего согласия и не потребуется, если Снайдер согласится! — полностью овладев собой, заявил Роков-Тюран. — Ну, что скажете, мистер Снайдер?

— Как мы решим, кто будет первым? — прохрипел матрос, давая тем самым согласие на предложение Рокова.

Тот с сатанинской усмешкой взглянул на Клейтона:

— Ну что, англичанин? Ты в меньшинстве, так что будем действовать согласно моему «чудовищному» замыслу! А кто будет первым, решим жеребьевкой, — ответил он на вопрос моряка. — У меня есть несколько монет по одному франку; выберем какой-нибудь год, и тот, кто вытащит монету с этим годом, пожертвует собой, чтобы жили другие.

— Я не хочу принимать участие в этом маразме, — тихо заявил Клейтон.

— Или вы подчинитесь большинству, или станете первым без всякого жребия, — в голосе Тюрана прозвучала такая холодная злоба, что Клейтон вздрогнул. — Лучше приступим, не теряя времени, к жеребьевке.

Он вытащил из кармана монеты и стал их перебирать. Джейн Портер широко раскрытыми глазами следила за спокойными действиями русского, все еще не в силах поверить в реальность происходящего.

Роков-Тюран выбрал шесть монет и протянул их матросу и Клейтону.

— Смотрите, — сказал он. — Самая старая — 1875 года, пусть она и сыграет роль «черной метки».

Клейтон и Снайдер осмотрели каждую монету: ни на вид, ни на ощупь франки не отличались друг от друга ничем, кроме года выпуска. Если бы они знали богатый опыт мсье Тюрана по части шулерства — опыт, который настолько развил осязание русского, что тот умел отличать крапленые карты, едва касаясь их кончиками пальцев, — они никогда не согласились бы на подобный план. Нащупать вычеканенный на монете номер года было для Рокова детской игрой.

Русский положил монеты на дно шлюпки и накрыл их пиджаком.

— В каком порядке будем тянуть? — осведомился он, понимая, что вряд ли кто-нибудь захочет быть первым: всегда есть надежда, что

жребий вынет тот, кто тянет раньше. Сам же Николай, по вполне понятным причинам, предпочитал тянуть как раз первым.

И когда Снайдер выразил желание тянуть последним, Тюрэн-Роков, бравируя своей лихостью, заявил, что первым испытает судьбу. Его рука оставалась под пиджаком всего на мгновение, но проворные пальцы уже успели перебрать все монеты и отвергнуть роковую. Он вытащил руку и показал всем монету 1888 года.

Потом тянул Клейтон.

Джейн Портер нагнулась вперед, затаив дыхание, когда рука человека, за которого она должна была выйти замуж, скрылась под пиджаком. Вот Уильям вытянул монету, зажав ее в руке. Он не сразу решился взглянуть, но наконец разжал пальцы, «мсье Тюрэн» бросил взгляд на франк на его ладони и поздравил с успехом.

Джейн Портер, вся дрожа, откинулась на борт лодки. Ей было дурно, кружилась голова. Если и Снайдер не вытащит монеты 1875 года, ей придется заново пережить весь этот ужас. Почему Тюрэн выбрал шесть монет, а не три? Неужели он испытывает удовольствие от своей дьявольской «лотереи»? Нет, этого просто не может быть...

Матрос, трясясь, как в лихорадке, сунул руку под пиджак. Он проклинал себя за то, что предпочел тянуть последним: сейчас у него было три шанса против одного, тогда как у Тюрэна их было пять, а у Клейтона четыре.

Организатор жеребьевки терпеливо выжидал, не торопя матроса: он прекрасно знал, что сам в безопасности — безразлично, выпадет сейчас роковая монета или нет.

Вот матрос вытащил монету, взглянул на нее... И повалился без чувств на дно лодки. Но франк, выпавший из его разжавшейся руки, не был выпуска 1875 года, просто пережитое волнение заставило Снайдера потерять сознание.

Таким образом, процедуру пришлось продолжить.

Русский снова вынул монету, обещавшую ему жизнь. Джейн Портер закрыла глаза, когда рука Клейтона скрылась под пиджаком, а Снайдер нагнулся, готовясь впиться взглядом в маленький металлический кружок, который должен был решить его судьбу.

Вот Уильям Сесиль Клейтон, лорд Грейсток, вынул руку из-под пиджака и, крепко зажав в ней франк, взглянул на невесту. Он не

решался разомкнуть пальцы, а на лице Джейн сейчас был написан куда больший ужас, чем на его собственном.

— Живей! — взвизгнул Снайдер. — Боже! Дайте взглянуть...

Клейтон наконец разжал пальцы — и Снайдер первым увидел цифру, выбитую на франке. Раньше, чем кто-либо успел угадать его намерение, матрос вскочил, перешагнул через борт шлюпки и исчез навсегда в зеленой бездне... Ибо монета была не 1875 года.

Весь остаток дня еле живые люди пролежали в лодке, почти не шевелясь. Джейн надеялась, что смерть придет к ней раньше, чем Тюран опять затеет свою «лотерею смерти».

Но к закату Роков поднял голову и подполз к Клейтону.

— Надо еще раз потянуть жребий, пока мы не ослабели до того, что не в состоянии будем есть, — шепнул он.

У Клейтона уже не было собственной воли.

Русский проделал те же приготовления, что и в первый раз, и Клейтон с первого же захода вытащил монету 1875 года.

— Когда? — слабо спросил он.

Роков уже вытащил из кармана перочинный нож и слабыми пальцами пытался открыть его.

— Сейчас, — пробормотал он, жадно глядя на англичанина.

— Не подождете ли вы до темноты? — прошептал Клейтон. — Я не хочу, чтобы видела мисс Портер.

Казалось, Роков вот-вот бросится на него с ножом, но потом русский, как видно, понял, что в драке их шансы будут равны.

— Хорошо, — буркнул он. — До ночи недолго. Ждал много дней, подожду еще пару часов.

— Спасибо, — шепнул Клейтон. — Я побуду с Джейн, пока не пробьет мой час.

Дотащившись до девушки, англичанин увидел, что она без сознания. Уильям понимал, что Джейн умирает, и был рад, что ее страдания скоро кончатся и что она не узнает о страшной трагедии, которая скоро здесь разыграется.

Клейтон взял руку невесты и поднес к своим потрескавшимся и распухшим губам. Некоторое время он нежно гладил иссохшую птичью лапку, которая недавно была прекрасной белой ручкой балтиморской красавицы.

Он и не заметил, как солнце зашло — но вдруг вздрогнул, услышав голос из темноты. То звала его безжалостная судьба.

— Иду, мсье Тюран, — отозвался англичанин.

Он попытался подползти к Тюрану, но свалился посредине шлюпки.

— Придется вам подойти самому, — слабо позвал он. — У меня не хватает сил...

— Я так и знал! — прорычал русский. — Вы намерены надуть меня, отнять мой выигрыш!

Клейтон слышал, как тот ползет по дну лодки; потом раздался полный злобы стон.

— Не могу... Поздно... Вы обманули меня, собака-англичанин...

— Я сделал все, что мог, — прошептал Клейтон. — Если хотите есть, попытайтесь еще раз...

Неизвестно, сколько времени он лежал, прислушиваясь к тому, как Тюран пытается к нему подползти.

Уильям смотрел на ночное небо, а прерывистое дыхание русского и шорох его движения становились все ближе и ближе. И вот наконец кудахтающий смех раздался совсем рядом, что-то коснулось лица Клейтона...

И он потерял сознание.

XVIII. Среди людей

После часа ходьбы по звериным тропам Тарзан свернул к ручью: и мальчику, и Арно нужна была вода.

Джек пил так долго, как будто намеревался осушить весь ручей, напоследок смочил голову и шею и поднялся.

— Далеко отсюда до поселка Мбонги? — спросил он.

— Мы уже его обошли, — отозвался человек-обезьяна. — Не знаю, есть ли на северо-западе какое-нибудь селение, откуда может быть этот мальчуган. Год назад на много миль вокруг не было ни одной деревни, кроме поселка каннибалов.

— Но не мог же он пройти такое расстояние совсем один, — возразил Арно. — Хотя он такой худой, что, может быть, скитался по джунглям не один день...

Мальчик и впрямь был очень худ — кожа да кости. Напоив его из тыквенной фляги, прежде принадлежавшей одному из каннибалов, Тарзан поднялся и бросил:

— Я скоро приду.

— Куда ты?

— Принесу чего-нибудь поесть.

Кивнув, Джек присел рядом с ребенком, лежащим на его расстеленной куртке. Мальчик сильно ослабел, у него начинался жар.

Когда Тарзан вернулся с охапкой самых разных плодов, Джек жадно набросился на еду, но ребенок не проявил к пище никакого интереса. Только для того, чтобы не рассердить непослушанием своих спасителей, он проглотил несколько кусков банана; было видно, что его до сих пор мучает страх быть оставленным на произвол судьбы. Глаза мальчика тревожно следили за каждым движением Тарзана и Джека, и стоило им отойти на несколько шагов, как он приподнимался. Это давалось ему каждый раз все с большим трудом.

— Мы не можем рыскать с ним по лесу, — мрачно сказал человек-обезьяна, глядя на жалкое существо, которое судьба вверила его заботам. — Он слишком слаб.

— Что же ты предлагаешь?

— Схожу на разведку. А когда найду его селение, вернусь за вами.

Арно не стал спрашивать, что будет, если Тарзану не удастся отыскать деревню мальчика. Жизнь в джунглях постоянно преподносит одну сложную задачу за другой, и нет смысла ломать голову над решением следующей, пока предыдущая не решена.

— Удачи, дружище!

Человек-обезьяна взлетел на дерево, и Арно проводил его задумчивым взглядом. Его друг все еще разговаривал простыми короткими фразами и был неизменно хмур, но что-то подсказывало Джеку, что забота о больном ребенке постепенно вырывает Тарзана из омута безумия, в котором он так старался себя утопить.

Арно вернулся к малышу, который не сводил с него тревожно-вопросительного взгляда. Джек улыбнулся, погладил его по плечу, и мальчик впервые неуверенно попытался улыбнуться в ответ.

Убедившись, что его светловолосый защитник не собирается никуда исчезать, как только что исчез черноволосый, ребенок на всякий случай уцепился обеими руками за руку Арно и закрыл глаза... А Джек скрежетнул зубами, представив, что бы сейчас делали с этим малышом каннибалы, чья дьявольская изобретательность по части пыток была ему хорошо известна.

Может, вожак горилл прав, не желая возвращаться к людям? По крайней мере, его подданные никогда не мучают и не едят себе подобных!

Тарзан отсутствовал недолго и вскоре мягко спрыгнул с дерева в трех шагах от мальчика и Арно.

— Я нашел. Это недалеко, пойдем!

— Надеюсь, это и вправду недалеко, — пробормотал Джек, мрачно глядя на своего подопечного. — Иначе...

Человек-обезьяна нагнулся над ребенком и увидел, что тот почти без сознания. Тарзан поднял на руки горячее обмякшее тельце и быстро пошел сквозь лес.

Им не пришлось идти и двадцати минут, как заросли впереди поредели, и в просветах между деревьями показался высокий частокол, за которым виднелись остроконечные крыши хижин. Ворота палисада были закрыты, на площадках, возвышающихся над углами ограды, стояли часовые.

Арно нетерпеливо взглянул на Тарзана, не понимая, почему тот медлит на краю леса.

Но человек-обезьяна отлично знал, каких неприятностей можно ждать от черных людей.

— Оставим мальчика здесь, — предложил он. — Пусть родичи заберут его!

Арно посмотрел на ребенка, в беспомощности лежащего на могучих руках Тарзана.

— Ты хочешь просто бросить его на земле на краю джунглей?

— Если крикнуть, его сразу же подберут...

— Если ты крикнешь, жители поселка запрутся в домах до утра! — возразил Джек. — Хорошо, подожди здесь, я сам отнесу мальчика в поселок.

Тарзан молча сверкнул на него глазами, вышел из-под защиты деревьев и направился к палисаду. Арно двинулся следом, оставив копьё воткнутым в землю — он понимал, что в случае враждебного приема оружие не поможет, а скорей повредит.

Друзья не прошли и пары ярдов, как часовые на площадках громко закричали и вскинули луки.

Тарзан приостановился, потом снова медленно зашагал вперед, надеясь, что когда воины разглядят ребенка у него на руках, они не станут стрелять.

Было слышно, как за оградой поднялась шумная суматоха; вскоре ворота распахнулись, и из деревни выскочили два десятка воинов с натянутыми луками и копьями у плеча.

— Старое доброе африканское гостеприимство... — пробормотал Джек.

Он поднял вверх пустые ладони и громко обратился к воинам на конголезском диалекте, однако стрелы и копья по-прежнему были направлены пришельцам в лицо.

Тарзан медленно вытянул руки, предлагая сородичам забрать ребенка. Глядя на толпящихся перед ним людей, он понял, что мальчик и впрямь принадлежат к тому же племени, что и стройные смуглые воины, высypавшие из маленькой деревни. И еще человек-обезьяна понял, что если ребенок умрет, нелегко будет объяснить, кто стал причиной его смерти.

Самый высокий из воинов наконец опустил копье и направился к Тарзану. Подойдя ближе и посмотрев на малыша, он вдруг кинулся к нему и схватил на руки с громким криком:

— Набу! Набу!

На этот крик из толпы выбежала девушка-подросток, выхватила мальчугана из объятий мужчины и, плача и причитая, понесла в поселок.

— Что ж, мы сделали все, что могли, — сказал Арно. — А теперь разрешите откланяться...

Однако откланяться им не дали.

По знаку высокого человека, в котором нетрудно было угадать вождя, воины окружили Тарзана и Арно, отрезав им путь к джунглям.

Человек-обезьяна с легкостью сумел бы прорваться сквозь толпу, а потом в несколько прыжков достигнуть деревьев — и все-таки не стал бы это делать, даже если бы был один. Единственным оружием, способным напомнить сыну Калы о благоразумии, являлись отравленные стрелы, а сейчас на него смотрело не меньше дюжины таких стрел. Тарзан не имел ни малейшего желания погибнуть бесславной смертью, поэтому не стал стряхивать с себя руки темнокожих воинов, потащивших его и Арно в поселок.

Увидев, куда их ведут, Джек впервые утратил самообладание и попытался вырваться. Но его толкнули к столбу, очень похожему на тот, к которому он был привязан год назад в поселке каннибалов Мбонги, и вскоре сыромятный ремень, обхватив толстый ствол и притянув к нему запястья светловолосого пленника, лишил его возможности сопротивляться.

По другую сторону столба усадили Тарзана. Человек-обезьяна грозно зарычал, когда к нему приблизились с ручными кандалами, соединенными толстой цепью — эта штука напомнила ему наручники, которые надели на него полицейские в Балтиморе. Люди невольно отшатнулись от оскалившего зубы черноволосого богатыря, однако стрелки по-прежнему были наготове, и Тарзан смог излить свое негодование лишь в рычании. На его правом запястье закрепили массивный железный браслет, после чего, захлестнув цепь вокруг столба, заклепали второй такой же браслет на его левой руке...

И вот вожак горилл и Джек Арно оказались сидящими спиной друг к другу возле глубоко вкопанного у землю столба в полной власти

темнокожих обитателей деревни.

Окружившие их высокие мужчины в коротких саронгах, изящные женщины в длинных белых одеждах и почти голые ребятишки рассматривали пленников встревоженно и враждебно, однако не пытались издеваться над беспомощными людьми, как это делали людоеды Мбонги.

— Похоже, нас не собираются есть, — заметил Арно.

Его беспечный тон ничуть не обманул Тарзана.

Человек-обезьяна почти физически ощущал страх своего товарища и не мог осуждать его за это. Он был свидетелем того, что творили с Арно год назад чернокожие людоеды, и понимал, каково тому оказаться посреди воплотившегося наяву кошмара.

— Они не каннибалы, — спокойно отозвался Тарзан. — Но хотел бы я знать, кто они такие и откуда появились в этих джунглях?

— А я бы хотел знать, что они собираются с нами сделать, — пробормотал Джек.

— По-моему, они еще не решили. И если они ничего не придумают до ночи, тогда...

— Что — тогда?

— Тогда в темноте у нас появится шанс сбежать.

— Вместе со столбом? — поинтересовался Джек.

— Нет, думаю, столб придется оставить.

Несмотря на весь ужас ситуации, в которой они очутились, Арно засмеялся.

То, что приемыш Калы попробовал шутить, свидетельствовало о его быстром возвращении к человеческому состоянию. И Джек не стал указывать Тарзану на явную бессмысленность его попыток, когда тот начал дергать сковывавшую его руки толстую цепь. Порвать одно из трехдюймовых железных звеньев этой цепи казалось совершенно невозможным, однако люди в отличие от животных склонны заниматься заведомо безнадежными вещами...

Поэтому Арно тоже напряг все силы, пытаясь ослабить стягивающий его запястья ремень.

XIX. Выброшенные на берег

Клейтону снилось, что он пьет чистую, свежую, восхитительную воду. Вздрогнув, он раскрыл глаза и не сразу поверил в реальность происходящего.

Он насквозь промок от дождя, потоками хлещущего с потемневшего неба: над лодкой бушевал тропический ливень.

Сначала Клейтон просто широко раскрыл рот и, захлебываясь, глотал животворную влагу, не в состоянии думать ни о чем, кроме утоления терзавшей его страшной жажды. Но вскоре он настолько ожил, что оказался в состоянии приподняться и оглядеться.

В ногах у него лежал Тюран... Или Роков, если все пережитое не был бредом? — а на носу лодки жалким неподвижным клубочком свернулась Джейн Портер.

После бесконечных усилий Клейтону удалось подползти к девушке. С отчаянной надеждой он приподнял ее голову — может, жизнь еще теплится в этом исхудавшем теле? Уильям сорвал с себя мокрую насквозь рубашку и выжал воду на лицо Джейн.

Сначала девушка не подавала признаков жизни, но по мере того, как капли стекали между ее распухшими приоткрытыми губами, стало ясно, что она еще не перешла последнюю грань бытия. Несколько минут Джейн бессознательно глотала влагу, жадно лоя ее запекшимся ртом — так иссохшая почва пустыни впитывает долгожданный дождь; потом веки девушки слабо дрогнули.

С новым приливом надежды Клейтон принялся покрывать поцелуями ее худенькие ручки, окликая невесту по имени. И наконец девушка раскрыла глаза и долго смотрела на него, как бы не узнавая.

— Вода... — еле слышно шепнула она. — Мы... спасены?..

— Пошел дождь, — объяснил он. — По крайней мере, можно напиться... Джейн, как я счастлив, что вы живы!

Глаза девушки приняли осмысленное выражение; она попробовала приподняться.

— А мсье Тюран? Он... не убил вас, Уильям? Где... он?..

— Похоже, мертв, — ответил Клейтон, — но если он все-таки жив и дождь приведет его в чувство... — тут он остановился, сообразив,

что нельзя пугать и без того еле живую девушку.

Но Джейн догадалась, что ее жених хотел сказать, и испуганно оглянулась.

Некоторое время они молчали, глядя на безжизненно распростертого под дождем Тюрана.

— Надо взглянуть, нельзя ли привести его в чувство, — наконец через силу проговорил Клейтон.

— Нет, — шепнула девушка, вцепившись в его руку. — Ради бога, не надо! Если вы спасете его, он захочет вас убить! Не знаю, русский он или француз, Роков или Тюран, но он — чудовище, и если он умирает, пусть так и будет!

Клейтон заколебался.

Человечность требовала, чтобы он попытался оживить русского, но, с другой стороны, он не мог не осознать правоты Джейн...

От мучительных сомнений Уильяма избавил счастливый случай. Тучи уже разошлись, дождь кончился, горизонт посветлел, и Клейтон подняв глаза, вдруг вскочил с радостным криком:

— Земля, Джейн! Благодарение богу, земля!

Девушка быстро взглянула туда, куда указывал Уильям, и увидела на расстоянии каких-нибудь ста ярдов желтый песчаный берег, а над ним — роскошную зелень тропических джунглей.

Долгое время Джейн и Клейтон не сводили глаз с этого упоительного видения, а убедившись, что ветер довольно быстро гонит их лодку к земле, переглянулись.

— Пожалуй, все-таки стоит попытаться что-нибудь сделать для этого бедняги, — сказала Джейн. — Если, конечно, еще не поздно...

Русский пришел в себя и открыл глаза в тот момент, когда лодка ткнулась носом в пологий берег.

К счастью, благодаря пролившемуся над шлюпкой дождю у Клейтона оказалось достаточно сил, чтобы привязать швартовый конец к небольшому деревцу, росшему на берегу. После этого он побрел, шатаясь и время от времени падая, к окаймляющий берег чаще.

Прошлогоднее двухмесячное пребывание в Африке научило молодого англичанина отличать съедобные фрукты от несъедобных, и час спустя он вернулся на берег, неся несколько спелых плодов.

Дождевая вода недавно вернула потерпевшим кораблекрушение жизнь; принесенная же Клейтоном пища дала им достаточно сил,

чтобы передвигаться. Все трое добрали до дерева, к которому была привязана лодка, и упали в его тени, чтобы уснуть до вечера.

XX. Схватка в ночи

Тарзан нащупал среди звеньев цепи одно наиболее источенное ржавчиной и теперь упорно старался согнуть его своими стальными пальцами, в то же время внимательно наблюдая за всем происходящим в поселке. Эти наблюдения давали богатую пищу для размышлений.

В деревне было не более десятка хижин, сильно отличавшихся от тростниковых хижин в поселке Мбонги. Массивные бревенчатые стены и прочные двери этих домов скорее напоминали стены и дверь хижины, которую когда-то построил отец Тарзана, лорд Грейсток. Палисад, окружавший селение, мог бы остановить атаку стада взбесившихся слонов... И эта маленькая деревня появилось на свет совсем недавно: бревна стен еще не успели потемнеть, а на доме неподалеку несколько мужчин только кончали настилать крышу.

— Тарзан, — тихо проговорил Арно. — Кажется, ремень подается...

— Хорошо. Скоро стемнеет.

— А как у тебя дела?

Человек-обезьяна не ответил.

Арно вздохнул и снова принялся дергать ремень.

Действительно, вот-вот должно было стемнеть, однако Тарзан знал, что сумерки в джунглях длятся считанные минуты, а вскоре после захода солнца на безоблачном небе взойдет полная луна.

К пленникам приблизился вождь с золотыми браслетами на руках и ногах, с широкой золотой пекторалью на груди. Некоторое он хмуро глядел на Тарзана и Арно; потом что-то повелительно крикнул, указав рукой сперва на белых людей, а после — на дом, который достраивали воины.

— Похоже, он велит перевести нас в хижину, — прошептал Джек, глядя вслед удаляющемуся вождю. — Может, мы зря стараемся, Тарзан? Сейчас тебя все равно раскуют и развяжут мне руки, тогда и рискнем...

Тарзан не ответил, по-прежнему трудясь над цепью.

Хотя жители поселка не проявляли большой враждебности, все равно в этой деревне было нечто, вызывавшее у человека-обезьяны

растущее беспокойство.

И он знал, что именно: в маленьком селении все было пропитано страхом.

В каждом движении воинов, почти не выпускающих из рук оружие; в испуганных быстрых взглядах женщин, говорящих мало и негромко; в скованных движениях жавшихся к ногам взрослых детей — во всем этом сквозил огромный страх, сгущавшийся по мере того, как тьма подбиралась к поселку.

Еще не погас закат, как женщины заспешили к домам, окликая на удивление послушных детей, а вслед за ними в хижинах скрылись мужчины. Больше того: даже часовые покинули смотровые площадки и устремились к жилищам....

Но сначала они нагромодили у палисада несколько огромных кустов «кошачьего когтя», так что ворота полностью скрылись за возвышающейся перед ними колючей грудой.

— Черт! Мне это не нравится, — заметил Джек, который сидел лицом к ограде и имел больше возможности наблюдать за странными приготовлениями, чем Тарзан. — Надеюсь, они не собираются разжечь из всего этого костер, чтобы поставить на огонь котлы?

— Нет... Но дело все равно плохо, — сквозь зубы отозвался человек-обезьяна. — Такие заграждения чернокожие Мбонги ставили перед воротами своей деревни, когда к ним по ночам начинал наведываться хищник-людоед.

Тарзан почувствовал, как Арно вздрогнул.

— Ты серьезно? Неужели ты думаешь, что...

— Да.

На улице уже никого не осталось, кроме трех воинов, кончивших настилать крышу дома и теперь по приставной лестнице поспешно спускавшихся на землю.

— Ты хочешь сказать, что нас оставили на ужин зверю-людоеду?!

Арно рванулся и зашипел от боли в исцарапанном плече.

— Нет, кажется, нас сейчас попытаются перевести в хижину...
Приготовься!

И человек-обезьяна напрягнулся, готовясь к схватке, как только с него снимут цепь. Ни у одного из воинов не было лука, а копьё Тарзан вовсе не принимал в расчет...

Однако трое темнокожих мужчин вдруг замерли, не дойдя до пленников, и с ужасом уставились на что-то, находящееся позади Тарзана. Человек-обезьяна стремительно обернулся, чуть не свернув шею в попытке выглянуть из-за столба — и заметил быстрое движение рядом с воротами. Тень, еще более черная, чем палисад, мелькнула рядом со сваленными в кучу кустами и мгновенно исчезла. Но приемщик Калы, привыкший ловить взглядом молниеносные движения ночных хищников, понял, что это крупная пантера и что заграждение из кустов ничуть не помешало ей проникнуть в деревню.

— Господи... — прошептал Арно. — Ты видел?

— Да, — и человек-обезьяна удвоил попытки порвать цепь.

Теперь их жизнь зависела от того, удастся ли ему освободиться: воины, которым вождь велел перевести белых людей в хижину, в панике сами бросились внутрь и захлопнули дверь; один из них так спешил, что обронил копье у порога.

— Вернитесь! — крикнул им вдогонку Арно и разразился бессильной руганью.

— Тише! — прошипел человек-обезьяна.

Джек замолчал, шаря глазами по теням, залегающим между хижин. Луна уже поднялась над поселком — и вот одна из теней плавно вылилась на залитую ярким серебристым светом улицу и превратилась в леденящий душу кошмар: в громадную могучую пантеру. Людоедка явно чувствовала себя здесь как дома, она лениво и уверенно вышла на свет и неторопливо огляделась по сторонам. Ближе всего к хищнице был Арно, и именно на него оценивающе уставились изумрудно-зеленые глаза огромной кошки.

Джек рванулся так, что ремень, стягивающий его запястья, затрещал — а человек-обезьяна, сознавая, что бессилён оказать другу реальную помощь, сделал единственное, что мог: испустил свой разрывающий уши боевой вопль, пронзительно прогремевший в ночи над вымершим безмолвным поселком.

Шита повернулась и одним скачком исчезла в темноте.

— Господи боже... — слабым голосом проговорил Джек. — В следующий раз предупреждай, что собираешься крикнуть! Меня чуть удар не хватил...

— Тшш... Она скоро вернется. Шита — не Сабор, ее не прогонишь криком...

Пророчество Тарзана вскоре сбылось: на сей раз пантера выскользнула из-за хижины справа и стелющимися шагами снова вышла на свет. Хлестнув хвостом по пятнистым бокам, она издала долгое мяукающее рычанье, как будто вызывала странную добычу помериться с ней силой голоса...

И тут от нового рывка Арно ремень наконец подался. Джек сбросил с рук ослабевшие петли и вскочил.

— Беги в дом!!! — гаркнул ему Тарзан: вывернув шею, он увидел, что пантера быстро приближается. — Эй, впустите его!!! Трусы!!!

Арно метнулся в темноту и исчез, а человек-обезьяна возобновил отчаянную борьбу с кандалами, не сводя глаз с мягко двинувшейся по кругу пантеры. Людоедка избрала жертвой громогласного человека возле столба и не интересовалась больше никакой другой добычей.

От рывков Тарзана столб трясся и трещал, с запястий человека-обезьяны, охваченных железными браслетами, капала кровь, но цепь не поддавалась. Рыча, пантера припала к земле, и приемьш Калы разразился в ответ таким же хриплым рыком, по-звериному скаля зубы...

Он не отрывал глаз от пантеры и не видел, как Арно, добежав до хижины, подхватил лежащее у порога копьё и метнулся обратно — туда, где лютая тварь приготовилась кинуться на его друга.

Тарзан невольно сжался в комок и вобрал голову в плечи, когда пантера прыгнула...

Но когти хищницы не достали человека, которого она облюбовала в жертву. Между Тарзаном и людоедкой возник Джек Арно, и трехгранный наконечник копья пропорол пантере плечо, заставив ее перекувырнуться в воздухе.

Впервые Шита промахнулась во время броска! Это разъярило ее даже больше, чем рана, чем хлещущая из плеча кровь.

Гибкая и быстрая, как змея, пятнистая кошка развернулась, едва коснувшись лапами земли. Ненавистный враг еще не успел подобрать копьё, выпавшее у него из рук при резком выпаде, как людоедка сделала длинный великолепный скачок и обрушилась на человека со всей яростью, на какую способна только раненная пантера.

Громовой рык известил прячущихся по домам перепуганных людей, что ночной демон настиг свою очередную жертву.

Но куда громче прогремел исступленный рев, вырвавшийся из глотки Тарзана, воспитанника обезьяны.

Увидев, что хищный зверь повалил и терзает его друга, Тарзан обрел силу целой стаи горилл. Столб накренился от сумасшедшего рывка гиганта, удерживавшая его цепь лопнула, словно тонкая струна. Человеку-обезьяне не понадобилось и секунды, чтобы очутиться рядом с пантерой; он схватил огромную кошку за загривок и за шкуру на хребте, оторвал от Арно и вскинул высоко в воздух.

Ни ловкость, ни свирепость, ни быстрота не смогли помочь Шите в схватке с обезумевшим от ярости лесным великаном. Мгновение спустя тело пантеры со сломанным позвоночником отлетело в сторону и, как тряпка, шлепнулось в пыль возле столба...

А Тарзан кинулся к Арно и упал рядом с ним на колени. Песок вокруг левой руки и плеча Джека пропитался кровью; воспитанник Калы с ужасом коснулся груди друга, напрасно окликаая его по имени...

И тогда люди в хижинах, только что в смятении внимавшие шуму великого боя, в страхе задрожали от нового пронзительного вопля: на сей раз над залитым лунным светом поселком пронесся крик не ярости, не вызова, а беспредельного горя.

XXI. Человек или зверь?

Прошло не меньше недели, прежде чем Клейтон и Роков окрепли настолько, что смогли построить на дереве грубый шалаш из веток — убежище от хищников. И все-таки они не настолько доверяли прочности и недосыгаемости своего жилища, чтобы не опасаться нападения львицы или пантеры. Каждую ночь люди съеживались от страха, прислушиваясь к страшным голосам зверей во мраке джунглей.

Постелями им служили подстилки из листьев и травы, а вместо одеяла Джейн Портер пользовалась старым плащом Клейтона. Уильям перегородил шалаш подобием ширмы из веток, которая делила древесный дом на две части: в одной жила девушка, в другой — двое мужчин.

Конечно, этот древесный шалаш не мог сравниться с прочной хижиной лорда Грейстока, однако существование в нем могло бы быть довольно сносным... Если бы не присутствие Рокова-Тюрана.

С каждым днем жизнь под одной кровлей с таким человеком, как Николай Роков, становилась все более невыносимой.

Уже несколько раз лишь вмешательство Клейтона спасало Джейн от похотливых домогательств русского; в конце концов девушка начала бояться этого человека не меньше, чем диких зверей. Уильям не решался надолго оставить свою невесту с Роковым наедине, и не было дня, чтобы он не проклинал опрометчивое решение вернуть русского к жизни.

Что же касается Джейн Портер, ее поддерживала лишь надежда, что их разыщут и спасут... А еще — воспоминания о ее прошлогодней жизни на африканском побережье.

Тогда, год назад, ей казалось, что на нее обрушились все мыслимые несчастья — однако теперь она вспоминала это время как самое счастливое в своей жизни.

Ах, если бы с ней рядом с ней снова был непобедимый лесной полубог — тогда ей были бы не страшны ни дикие звери, ни Николай Роков!

Девушка не могла не сравнивать слабую защиту, которую оказывал своей невесте Клейтон, с тем, что сделал бы Тарзан из племени

обезьян, если бы в его присутствии Роков осмелился бросить Джейн хоть одно грубое слово.

И однажды, когда Уильям ушел за водой, а русский ввалился к мисс Портер и принялся смотреть на нее издевательски-оценивающим взглядом, девушка не выдержала и высказала вслух то, о чем постоянно думала про себя:

— Ах, если бы здесь был Тарзан, как бы все изменилось!

Она не ожидала, что ее слова вызовут такую реакцию Николая Рокова. Русский, уже подошедший к ней опасно близко, вдруг отпрянул и побледнел.

— Тарзан? — спросил он, раздувая ноздри. — Вы говорите о сыне гориллы, выкормыше обезьян? Неужели вы знали эту скотину?

— Я знала этого мужчину, — взглянув в его скользкие, похожие на двух суетливых жуков глаза, поправила она. — Единственного настоящего мужчину, какого я когда-либо встречала!

Русский оскалил зубы в насмешливой гримасе и быстро оглядел Джейн с головы до ног.

— Из уважения к вам, мисс, я подобрал такое деликатное слово, как скотина, — прошипел он. — Хотя мне следовало бы назвать этого человека подонком и мразью!

— Мсье Тюран! Господин Роков!

— Да, подонком и мразью! Знаете ли, что сделал в Париже этот негодяй? Он вкрался в доверие к графу де Куд, а потом надругался над его женой! Когда же преступление было изобличено, выкормыш гориллы попытался свалить всю вину на бедную женщину. Но подлая затея не удалась — и тогда мсье Тарзан бежал из Франции...

— Вы просто бредите!

— Вот как? — Роков уселся на подстилку из листьев, пристально глядя на побледневшую Джейн. — Нет, я отлично знаю, что говорю, потому что графиня де Куд моя сестра. Я не раз видел Тарзана в Париже и с самого начала задавался вопросом: откуда у голозадного воспитанника шимпанзе берутся средства для посещения самых дорогих парижских борделей и кафешантанов? Я много раз предупреждал сестру, чтобы она не принимала этого человека, но Ольга доверяла ему так же, как, похоже, доверяете вы... Но Тарзан остался диким зверем даже в Париже — поэтому нет ничего

удивительного в том, что доверчивость моей сестры обернулась трагедией...

— Это ложь! Я не верю ни единому вашему слову! Тарзан не мог... Он не...

— Мисс Портер, если бы у меня под рукой были тогдашние парижские газеты, я бы показал вам заметки о «безумце с улицы Моль». Любой, кто хорошо знал мсье Тарзана, без труда узнал бы его в описании преступника, который искалечил на улице Моль несколько человек, а потом удрал от полиции по фонарным столбам и крышам...

Джейн широко открытыми глазами смотрела на Рокова, словно загипнотизированная тем серьезным и убедительным тоном, каким он излагал свои обвинения.

— Человеку огромной силы, выросшему среди обезьян, не составляло никакого труда подкарауливать в темных переулках прохожих и отбирать у них кошельки, — продолжал Роков, любуясь впечатлением, какое производили на девушку его слова. — Если же ему оказывали сопротивление, Тарзан просто-напросто убивал несчастных, а когда полиция чуть было не задержала его на месте преступления, ушел от нее с помощью обезьяньих навыков, полученных в джунглях. Странно, что власти не сразу догадались, каким образом этот «светский лев» добывает деньги на свои низкопробные развлечения, пристрастием к которым он так прославился среди «золотой молодежи» Парижа! Но наконец полиция все-таки вышла на его след, и тогда мсье Тарзан спешно покинул Францию под чужим именем...

Джейн, потрянув головой, сбросила с себя наваждение.

— А вы не перепутали мсье Тарзана с мсье Тюраном? — насмешливо спросила она. — Кажется, это вы покинули Францию под чужим именем, не так ли? Может, вместо того, чтобы клеветать на хорошего человека, вы лучше объясните, какие причины побудили вас сменить имя Николай Роков на Поль Тюран?

В следующий миг Джейн испуганно вскрикнула: Роков взвился на ноги и рванулся к ней, сжимая кулаки.

Девушка метнулась к выходу из хижины — и столкнулась с вернувшимся от ручья Клейтоном.

— Что случилось, Джейн? — спросил Уильям, обнимая перепуганную невесту.

Ему хватило единственного взгляда на русского, чтобы понять, в чем дело.

— Господин Роков, я вас неоднократно предупреждал! — срывающимся от негодования голосом воскликнул Клейтон. — И если вы еще хоть раз посмеете не оказать моей невесте должного уважения...

— Что тогда будет? — насмешливо-угрюмо спросил русский, невольно отступая под гневным взглядом молодого англичанина.

— Тогда я поступлю с вами так, как поступил бы с хищным зверем, если бы он приблизился к мисс Портер!

Роков захохотал, отошел в угол хижины и повалился на травяную постель.

А Джейн Портер, не слушая утешений жениха, быстро спустилась по приставной лестнице и побежала к близкому морю. Она не хотела, чтобы кто-нибудь видел ее слезы.

«„Я поступлю с вами так, как поступил бы с хищным зверем, если бы он приблизился к мисс Портер“! Ах, Уильям, Уильям! Могу ли я ждать от вас защиты от дикого зверя, если вы не в силах оградить меня от оскорблений этого зверя в человеческом обличье?!»

XXII. Лесное божество

В поселке Вазири царило праздничное оживление, и звуки деревянных флейт соперничали с отрывистыми ударами маленьких барабанов.

Давно уже у людей в этой деревне не находилось повода для веселья, однако сегодня у них была не одна причина для торжества, а сразу несколько.

Во-первых, настал конец многодневному кошмару, омрачавшему дни и ночи поселка Вазири. Зверь-людоед, убивший семь мужчин, пять женщин и четырех детей, неуловимый ночной демон, ухитрявшийся вытаскивать свои жертвы даже из запертых хижин, нашел смерть в схватке с черноволосым гигантом — Тарзаном из племени обезьян!

Одно это могло бы оправдать восторженное ликование, царившее в деревне, но это было не единственным радостным событием за последние два дня.

Набу, сын вождя, наконец пришел в себя после мучившей его лихорадки, и когда мальчик смог заговорить, выяснилось, что его спас от каннибалов тот же самый Тарзан!

Подданные Вазири, и без того всячески старавшиеся загладить суровый прием, оказанный ими вначале победителю пантеры, после рассказа Набу начали взирать на Тарзана, как на некое божество. Кто еще, кроме лесного бога, смог бы голыми руками убить злого демона-людоеда? Кто сумел бы в одиночку уничтожить четырех чернокожих каннибалов? И кто из смертных умеет переноситься с дерева на дерево с ловкостью обезьяны, как это делает удивительный белый богатырь?

Когда Тарзан впервые на глазах удивленных жителей поселка взобрался на дерево на краю джунглей и помчался прочь по раскачивающимся веткам, смуглокожие люди разразились удивленными и горестными возгласами. Человек-обезьяна еще долго слышал, как его зовут, умоляя вернуться.

У Тарзана не было большого желания возвращаться в деревню, где кровь пантеры, Арно и его собственная еще чернела у вкопанного в землю столба. Однако он недолго оставался в джунглях — наспех

утолив жестокий голод, к огромной радости народа Вазири он появился так же внезапно, как и исчез. Человек-обезьяна спрыгнул с дерева с большой грудой спелых плодов и направился к хижине, двери которой остались закрытыми в ночь великой битвы, зато теперь были распахнуты настежь.

Войдя в хижину, Тарзан увидел, что Арно пытается разговаривать с вождем Вазири на ломаном французском языке.

— А я его уже неплохо понимаю, — похвастался Джек. — Если бы только не этот ужасный горловой акцент... А, ты позаботился о завтраке, спасибо! То, чем нас здесь угощают, не насытило бы даже котенка...

Он с аппетитом принялся уничтожать фрукты, однако вскоре заметил, что толпящиеся за порогом женщины и ребятишки не спускают жадных взглядов с еды.

— Послушай, по-моему, они страшно голодны, — вполголоса сказал Джек.

— Похоже на то.

— Ну так отдай им это, — Арно отодвинул фрукты. — Я уже сыт.

Тарзан с сомнением посмотрел на него, сунул ему очищенный банан и, выйдя из хижины, раздал остатки плодов женщинам и детям. Увидев, как исхудавшие ребятишки пожирают бананы прямо с кожурой, он пожал плечами и снова исчез в джунглях.

А когда вожак горилл вернулся из своей на сей раз более продолжительной вылазки, в деревне поднялся неистовый крик радости: лесной богатырь нес на плечах тушу большой антилопы!

Уже много недель народу Вазири не случилось поесть досыта, но сегодня люди пировали, утоляя голод свежим ароматным мясом. Правда, каждому жителю деревни достался лишь небольшой кусок, зато мужчины и женщины наконец-то рискнули выйти в джунгли, чтобы собрать орехи и фрукты.

Старейшины по справедливости разделили еду между собравшимися в центре деревни людьми — и начался праздник.

Тарзан сидел рядом с вождем Вазири на расстеленных на улице шкурах и терпеливо принимал почести, которыми осыпали люди удивительного черноволосого гиганта, избавившего их и от пантеры-людоеда, и от голода.

Вазири упорно пытался уговорить человека-обезьяну выпить пальмового вина, но приемыш Калы не мог перебороть своего отвращения к спиртному и неизменно отталкивал глиняный сосуд. Зато Джек Арно, развалившийся на шкурах в позе римского патриция, не раз прикладывался к кувшину с вином — и после каждого глотка светловолосый белый юноша и смуглокожий вождь все лучше понимали друг друга.

Наконец Джек счел нужным изложить Тарзану то, о чем ему рассказывал Вазири:

— Его народ пришел сюда с севера, чуть ли не с другого конца Черного Континента. Некогда они были великим и могущественным племенем, но охотники за рабами так упорно преследовали их, угоняя в неволю целые деревни, что они решили навсегда покинуть родные места и двинулись на юг. Они шли много месяцев, терпя неслыханные лишения, и их продолжали преследовать беда за бедой. После нескольких стычек с враждебными племенами брат Вазири, Човамби, решил, что дальнейший путь принесет еще большие несчастья, и задумал основать поселение на берегу большой реки. С ним осталась половина уцелевших людей, но Вазири не понравилось выбранное братом место, и он двинулся дальше. С ним ушло пятьсот человек — теперь же их немногим более трех сотен...

— А что случилось с остальными? — спросил Тарзан, внимательно слушая рассказ Арно.

— Сперва они наткнулись на небольшую группу белых, которые вкрались к ним в доверие и, прожив в их лагере несколько дней, увели много детей и подростков в лагерь работорговцев. В стычке с работорговцами погибли тридцать лучших воинов Вазири, но спасти угнанных в неволю так и не удалось...

— Теперь понятно, почему они не доверяют белым, — пробормотал Тарзан, взглянув на свои запястья, еще хранившие следы от кандалов.

— Остатки племени добрались до здешних земель, но дальше идти не смогли — путь на юг им преградили каннибалы Мбонги. Назад пути тоже не было, и тогда вождь приказал строить здесь поселок. Но людоеды охотились на них, как на диких зверей, и много мужчин, женщин и детей Вазири были замучены в поселке Мбонги, а потом...

Арно замолчал и сделал большой глоток вина.

— ...Ты знаешь сам, что делают с пленниками чернокожие каннибалы после того, как закончат пытку. Людям Вазири удалось возвести надежные дома и палисад, однако их осталось так мало, что они не рисковали углубляться днем в джунгли для поисков пищи. В страхе перед чернокожими Мбонги они пытались охотиться и собирать плоды по ночам, но когда появилась пантера-людоед, в деревне начался настоящий голод. Те, кто отваживались уходить в джунгли, зачастую не возвращались. Жена Вазири стала жертвой пантеры, его старшего сына убили каннибалы, а позавчера...

Джек помолчал, вслушиваясь в ломаный французский вождя.

— ...А позавчера голод выгнал младшего сына Вазири Набу за пределы палисада. Набу ускользнул из-под присмотра сестры, и если бы не могучий белый человек, называющий себя Тарзаном из племени обезьян, младший сын вождя разделил бы судьбу своего брата, взятого в плен каннибалами Мбонги...

— Спроси его, как сейчас себя чувствует мальчик, — попросил Тарзан из племени обезьян.

— Он очень слаб, но лихорадка прошла, — перевел Джек ответ Вазири. — И он начал есть. Если Тарзан из племени обезьян хочет получить что-либо, принадлежащее вождю или его подданным, ему стоит только высказать пожелание. Воля человека, спасшего сына Вазири и убившего ужасную пантеру, тотчас будет исполнена.

Человек-обезьяна только усмехнулся и пожал плечами. Он никак не мог понять понять, как один-единственный хищник ухитрился столько времени держать в страхе обитателей целого поселка!

— Я этого тоже не понимаю, — согласился с ворчанием Тарзана Арно. — А еще я не понимаю, почему всем здешним хищникам так не нравится моя левая рука? Сперва ее пыталась оторвать львица, потом за дело взялась пантера...

Тарзан взглянул на перевязанную от плеча до запястья руку друга.

— Скажи спасибо, что она не выпустила тебе кишки. И спроси вождя, почему он не устроит охоту за каннибалами, вместо того, чтобы дрожать от страха за палисадом деревни? Нет, постой, я сам спрошу.

Вазири хорошо понял вопрос лесного божества, зато Тарзан не понял ответа Вазири. Сыну Калы была непонятна та покорность, с какой смуглокожие люди подставляли свои шеи под ножи каннибалов

и под зубы пантеры-людоеда. Вожак горилл всегда жил по другим правилам: бой до последнего, как бы ни был силен твой противник!

Так и не поняв рассуждений вождя о бессмысленности сопротивления неумолимому року, Тарзан с ленивым зевком поднялся и направился к лесу — пора было позаботиться о пропитании на завтрашний день.

В ожидании, пока Арно наберется сил, человек-обезьяна день за днем оставался в поселке и все больше свыкался со смуглокожими людьми с севера. Они не были тупыми жестокими дикарями вроде каннибалов Мбонги, и их простая незамысловатая жизнь, в которой несмотря на все несчастья все-таки находилось место смеху и песням, была Тарзану гораздо ближе, чем пустые светские разговоры рафинированной публики салона Ольги де Куд.

Теперь Тарзан даже радовался, что снова живет среди людей и опять разговаривает на человеческом языке.

Правда, мысль о том, чтобы навсегда остаться с народом Вазири, не приходила ему в голову, а о том, что ждет его дальше, Тарзан старался пока не думать. Он все еще порой мысленно называл себя вожаком горилл, но в глубине души признавал, что больше никогда не станцует танец Дум-Дум.

XXIII. Освобождение

Избавившись от страха перед пантерой, люди Вазири все дальше уходили в джунгли в поисках еды. Конечно, оставалась еще опасность нападения каннибалов, но испуганные возвращением Могучего Духа людоеды некоторое время не тревожили северян.

И все же Тарзан решил отправиться в хижину на берегу океана и принести оттуда ружья и патроны, великодушно оставленные Джеку Дэнни Купером. Огнестрельное оружие могло пригодиться на случай нового нападения людей Мбонги — и воспитанник Калы двинулся в путь, направляясь к хижине самыми короткими древесными обезьяньими тропами.

Тарзан добрался до океана за два дня, однако обратная дорога заняла больше времени: четыре ружья, коробки с патронами и некоторые другие вещи, захваченные человеком-обезьяной, были слишком тяжелы и громоздки и заставляли его двигаться по земле. Только через пять дней он приблизился к деревне Вазири — и не успел увидеть палисад и крыши хижин, как услышал громкие крики и плач.

Тарзан понял, что в оставленном им поселке стряслась беда. Бросив свою ношу, человек-обезьяна вихрем понесся по вершинам деревьев и через несколько минут уже вбежал в деревню, где его немедленно окружили возбужденно кричащие люди.

Джек Арно в немногих фразах рассказал Тарзану, что произошло.

Несколько юношей и девушек, среди которых была и дочь Вазири Накити, отправились сегодня в лес за орехами и плодами. Не успели они отойти далеко, как их окружили два десятка каннибалов. Два юноши погибли в стычке, а остальных подростков люди Мбонги утащили с собой; они забрали и трупы убитых, чтобы присоединить их к своему людоедскому пиршеству.

Самой младшей из девушек чудом удалось избежать плена. Она собирала орехи в стороне от остальных, и каннибалы ее не заметили; девочка пролежала в папоротниках до тех пор, пока негры не утащили ее сородичей, а потом со всех ног бросилась в деревню.

Страшное событие положило предел терпению людей Вазири, и теперь они хотели в отчаянной атаке попытаться освободить

пленников или погибнуть в бою!

— Конечно, шансов на удачу ничтожно мало, — закончил Арно свой торопливый рассказ, — но нельзя же бросить этих несчастных на страшную смерть!

Левая рука Джека по-прежнему висела на перевязи, но в правой он сжимал эбеновое копье, и на его лице была написана такая же решимость, как на лицах всех темнокожих воинов. Женщины плакали и причитали, однако все мужчины были уже полностью вооружены и готовы немедленно ринуться к поселку Мбонги.

— Если мы атакуем деревню каннибалов, нас перебьют прежде, чем мы сумеем добежать до палисада, — покачал головой Тарзан. — А те из нас, кто останутся в живых, вскоре позавидуют убитым!

— У тебя есть другие идеи? — поинтересовался Арно.

— Да. И если все получится так, как я задумал, мы и вправду спасем пленных, а не пополним собой кладовые людоедов Мбонги!

Повинуясь приказанию Тарзана, воины Вазири рассыпались вокруг деревни каннибалов.

Тарзан и Арно залегли на краю джунглей прямо напротив ворот; человек-обезьяна взял с собой лук и стрелы, Джек сжимал приклад скорострельного ружья.

— Ты уверен, что сможешь стрелять? — напоследок еще раз спросил приемьш Калы.

— Конечно, — сквозь зубы отозвался Джек, не сводя глаз с ворот поселка. — Удачи тебе. Будь осторожен!

Словно дуновение ветра, колышащего траву, Тарзан бесшумно скользнул к оgrade.

Каннибалы так ликовали по поводу доставшейся им богатой добычи, что никто не заметил, как ловкая стремительная фигура скрылась в ветвях Священного Дерева, посвященного Могучему Духу Джунглей.

С высокой развилки Тарзан ясно видел все, что творится в восточной части деревни — и это зрелище заставило его непроизвольно стиснуть рукоять ножа.

Людоеды готовились к своему ужасному пиру, разделявая тела двух убитых юношей в нескольких шагах от своих еще живых пленников. Да, одиннадцать захваченных каннибалами подданных

Вазири пока были живы — но полумертвы от страха. С них сорвали всю одежду еще по дороге сюда и весь путь до поселка Мбонги гнали бегом, подгоняя ударами и пинками. Теперь голые дрожащие подростки, самому старшему из которых было не больше семнадцати лет, сбившись в кучку, с ужасом глядели на кровавые приготовления к тошнотворному пиршеству. Они знали, что вскоре настанет их черед и что перед этим их ожидают самые изощренные пытки, каким только могут подвергнуть своих пленников чернокожие каннибалы.

Все это случится очень скоро, а пока негры развлекались, заставляя несчастных глядеть на то, как тела их соплеменников кромсают на куски, словно туши убитых животных. Если кто-нибудь из юношей или девушек не выдерживал ужасного зрелища и закрывал лицо руками, каннибалы тыкали его копьями в грудь или в живот, заставляя опустить руки.

Тарзан смотрел на эту сцену не более нескольких секунд — а потом сделал то, что сделал год назад, спасая из адского поселка до полусмерти замученного каннибалами Джека Арно. Он взлетел на самую верхушку дерева и во всю силу легких издал вопль, который людоеды считали голосом карающего грозного божества.

Страшный крик мгновенно прервал кровавую потеху. Сперва негры застыли в оцепенении, а потом все как один повалились ниц, уткнувшись лбами в землю.

На это и рассчитывал Тарзан, хорошо знакомый с суеверием подданных Мбонги.

Но если для людоедов его голос был страшнее львиного рева, то в души несчастных подростков народа Вазири он вдохнул надежду на чудо. Широко распахнутыми жадными глазами они уставились на дерево, откуда раздался знакомый вопль...

И пленники не обманулись в своих ожиданиях: тот, кого они считали добрым божеством, вдруг появился среди древесной листвы и махнул им рукой, приказывая бежать к лесу.

Тарзану не пришлось повторять свой жест дважды. Его появление придало сил измученным жертвам людоедов, и они, словно вспугнутые олени, кинулись к воротам деревни. Юноши и девушки успели пробежать половину пути до спасительной чащи, прежде чем каннибалы поняли, что их добыча удирает.

Охотничий инстинкт возобладал над суеверием негров; они взвились на ноги, чтобы ринуться в погоню... Но крик Тарзана не только сбил с толку людоедов, но и послужил сигналом для затаившихся в джунглях стрелков Вазири.

В ту секунду, когда пленники вырвались за ограду, со всех сторон на деревню посыпались горящие стрелы.

Еще никогда люди Мбонги не видели такого!

Огненные снаряды по крутой дуге вылетали из темноты вечерних джунглей и падали на тростниковые крыши хижин, огонь перекидывался от одного дома к другому, и почти мгновенно все селение охватило пламя.

Людоеды заметались среди огня и дыма, не понимая, что происходит, а Тарзан качнулся на ветке, готовясь соскользнуть вниз. Ему нужно было покинуть поселок прежде, чем Священное Дерево вспыхнет или кто-нибудь всадит в него отравленную стрелу...

Человек-обезьяна уже стоял на нижней развилке, как вдруг увидел дочь вождя, Накити. Она единственная из всех пленников не сумела добежать до джунглей; брошенная вдогонку дубинка сбила девушку с ног, и не успела она вскочить, как один из каннибалов схватил ее за пышные длинные волосы и потащил обратно в деревню. Он бросил захлебывающуюся криком жертву на землю, залитую кровью ее убитых соплеменников, и, распаленный погоней, схватил нож, чтобы перерезать девушке горло...

Но тут из листвы Священного Дерева вылетела стрела, воткнулась дикарю в горло, и он упал мертвым на лежащую на спине Накити.

Остальным людоедам было сейчас не до пленницы: они в панике металась по горящей деревне, и Тарзан понадеялся, что в суматохе Накити сумеет улизнуть...

Но девушка вконец обезумела от страха. Спихнув с себя тело убитого каннибала, она вскочила на ноги и метнулась прочь от растерзанных тел — туда, где пылали хижины и бегали потерявшие голову люди Мбонги.

Тарзан с отчаянием проводил глазами тонкую обнаженную фигурку, скрывающуюся в дымном огненном вихре, в который превратился поселок каннибалов.

Человек-обезьяна колебался всего несколько секунд. Будь на месте Накити один из юношей, возможно, выкормыш Калы не стал бы так

рисковать: но вековечный инстинкт велел Тарзану прийти на помощь попавшей в беду женщине.

Тарзан соскользнул с дерева и бросился в ад горящей деревни.

Пятеро каннибалов, осмелившихся преградить дорогу вожаку горилл, распрощались с жизнью, прежде чем Тарзан увидел смуглую худенькую девушку, мчащуюся между горящими хижинами. Человек-обезьяна закричал, окликая Накити, но та не сразу услышала свое имя среди дикарских гортанных воплей и треска рушащихся хижин.

Когда же дочь Вазири наконец заметила белого богатыря, которого ее народ считал добрым лесным божеством, она кинулась навстречу Тарзану, упала перед ним и обхватила руками его колени. Несколько секунд девушка судорожно прижималась к ногам человека-обезьяны, а потом потеряла сознание.

Воины Вазири в точности выполнили приказания лесного бога: заняв удобные позиции в развилках деревьев на краю джунглей, они ждали, пока люди Мбонги не начнут вырываться из охваченной пламенем деревни. Силуэты каннибалов были отлично видны на фоне огня — и одного за другим бегущих негров стали настигать меткие стрелы, посланные из темноты. Людоеды десятками падали под выстрелами невидимых врагов, а те из них, кто кинулись обратно в деревню, нашли смерть среди разбушевавшегося огня.

Воины Вазири не знали жалости ни к мужчинам, ни к женщинам, ни к детям — в эту ночь народу Мбонги суждено было погибнуть до последнего человека. Сам вождь, умевший обращаться с огнестрельным оружием, посылал пулю за пулей в ненавистных чернокожих дикарей: сегодня его ненависть к этим чудовищам была подобна огню, пожирающему вражескую деревню... Потому что хотя десять пленников спаслись, благополучно достигнув джунглей, его дочь Накити так и не вернулась из поселка людоедов.

Человеку-обезьяне удалось ускользнуть от каннибалов, которые не помышляли сейчас ни о чем, кроме собственного спасения.

Неся на руках бесчувственную девушку, он нырнул в лесную чащу и, пробежав ярдов двести, опустил дочь вождя на мягкую траву освещенной луной полянки. Тарзан еще никогда не имел дела с

женскими обмороками и не знал, как надо действовать в подобных случаях, но свежесть ночной прохлады вскоре заставила Накити открыть глаза. Ее взгляд упал на черноволосого гиганта рядом... И девушка, со сдавленным криком рванувшись к лесному божеству, спрятала лицо на его широкой груди.

Напрасно Тарзан ласково гладил растрепанные волосы Накити, уверяя, что теперь ей нечего бояться — дочь вождя до сих пор была во власти пережитого страха.

Наконец человек-обезьяна осторожно поднял ее на ноги и понял, что она не сможет идти. Пережитое истощило и духовные, и физические силы хрупкой шестнадцатилетней девушки; она могла только слабо цепляться за могучее плечо своего спасителя.

Тарзану хотелось мчаться туда, где гремели выстрелы и вопили каннибалы, но он побоялся взлететь вместе с дочерью вождя на дерево, опасаясь, что она не вынесет подобного путешествия. Вожак горилл снова подхватил Накити на руки и торопливо зашагал в лунную лесную ночь.

XXIV. Слабость и сила

Ни Джейн Портер, ни Клейтон, ни Роков-Тюран даже не подозревали, что всего в двадцати милях севернее их жалкого древесного убежища стоят на берегу четыре грубо сколоченных, но прочных хижины, в которых живут восемнадцать человек — экипаж и пассажиры «Леди Алисы».

Этим восемнадцати людям повезло гораздо больше, чем несчастным, оказавшимся в отбившейся лодке. Лорд Теннингтон и его спутники не испытали ни мук голода и жажды, ни ужаса медленной смерти. Через день после катастрофы их шлюпки были подхвачены течением, которое вынесло маленькую эскадру к африканскому побережью... И в то время как Роков затевал свою отвратительную «лотерею смерти», бывший владелец «Леди Алисы» и его товарищи деятельно осваивались в безлюдном месте, куда забросила их судьба.

На земле Джей Теннингтон остался таким же хорошим руководителем, каким был на море. Моряки всегда охотно подчинялись ему, и легкие перебранки, неизбежные при тесном общении очутившихся в тяжелой ситуации людей, немедленно прекращались, стоило ему вмешаться.

Поскольку в одну из лодок успели погрузить оружие и патроны, маленькая компания не особенно опасалась нападения диких зверей и без труда пополняла запасы пищи охотой.

Элоиза Стронг быстро освоилась в одном из домиков, отданных во владение ей и мисс Дэн, и вскоре начала находить даже особую прелесть в такой необычной жизни на краю дикой африканской чащи, среди экзотической природы Черного Материка. Раньше ей не раз случалось завидовать Джейн, пережившей в Африке удивительное любовное приключение, но теперь она сама чувствовала себя героиней увлекательного авантюрно-любовного романа... Потому что в соседнем домике жил Джей Теннингтон, который явно обожал ее не меньше, чем Тарзан из племени обезьян обожал дочь профессора Портера.

Мисс Стронг могла бы назвать себя счастливой, если бы не постоянная тревога о судьбе Джейн. Напрасно Джей убеждал Элоизу,

что четвертую лодку наверняка подобрали и что сейчас, должно быть, уже обыскиваются берега...

Элоиза сердцем чувствовала: ее лучшая подруга в большой беде.

Если бы обитатели четырех домиков могли знать, что всего в нескольких милях к югу от них влачат жалкое существование три оборванных, полуголодных человека, еще недавно составлявших цвет общества на борту «Леди Алисы»! Если бы мисс Стронг знала, как часто Джейн Портер жалеет о том, что голод и жажда не прикончили ее еще до высадки на берег!

Жизнь троицы, обитавшей в хижине на дереве, становилась все тяжелее.

Клейтон и Роков настолько изорвали одежду во время походов в джунгли, что ходили почти обнаженными. Джейн Портер редко участвовала в вылазках за едой, тем не менее ее платье тоже пришло в жалкое состояние.

Им все труднее становилось утолять голод; те фрукты и орехи, которые удавалось собрать у берега, не могли удовлетворить аппетит трех человек, а углубляться без оружия в чащу они боялись. Иногда в расставленные Клейтоном силки попадался какой-нибудь грызун, и это было для потерпевших кораблекрушение самой роскошной пищей.

Сначала Уильям Клейтон не желал делиться с таким трудом добытой едой с Николаем Роковым. Но когда русский свалился в приступе лихорадки, человечность, впитанная англичанином с молоком матери, заставила его все-таки подносить русскому еду и воду.

Наконец Клейтон смастерил примитивное копье и сказал, что попробует поохотиться на диких свиней, которые в изобилии водятся в прибрежных зарослях.

Джейн Портер прождала жениха весь день и под вечер, не в силах выносить бреда лежащего в лихорадке русского, спустилась на берег, чтобы подождать Уильяма там.

Вскоре Клейтон показался из джунглей: он так ничего и не добыл и шел с пустыми руками. Джейн уже хотела побежать к нему навстречу... Как вдруг в страхе замерла.

Горе-охотник сам превратился в добычу! Из зарослей за спиной Клейтона выполз большой старый лев. Вот уже три дня, как дряхлый

царь зверей не мог поймать даже маленькую зверюшку — дряблые мускулы совсем не слушались его. Все обитатели леса теперь оказывались слишком проворны или слишком сильны для него, но наконец-то Нума напал на след самого слабого и беззащитного творения природы — человека. Старый лев тащился по горячим следам, с трудом одолевая метр за метром.

Увидев за спиной Уильяма черную гриву и злые зеленые глаза, Джейн сперва окаменела от ужаса, а потом взвизгнула, указывая на хищника рукой.

Клейтон быстро обернулся и понял всю безнадежность своего положения. Льва отделяли от него всего тридцать шагов, втрое большее расстояние — от древесного шалаша. В руках Уильяма была всего лишь палка, иначе не назовешь его самодельное «копье».

— Бегите, Джейн! — закричал Клейтон. — Бегите в хижину!

Но девушка стояла неподвижно, глядя, как черногривая смерть медленно подползает к ее жениху.

Почему Уильям ничего не делает? Почему он не встретит льва, как настоящий мужчина? Почему не бросится на страшного зверя с палкой, хоть это и бесполезно? Разве так вел бы себя сейчас Тарзан из племени обезьян? Нет, даже если бы перед ним оказалась дюжина львов, он умер бы, героически сражаясь до конца!

Вот лев подобрался для прыжка... И тогда нервы Джейн не выдержали: схватив лежащий рядом с ней большой сук, она с тонким криком бросилась туда, где Клейтон в оцепенении стоял перед огромным зверем.

Но прежде чем девушка успела пробежать с десяток шагов, старый Нума привстал, качнулся и упал бездыханным, так и не успев полакомиться своей последней добычей. Дряхлость и голод положили конец печальной жизни состарившегося льва.

Джейн Портер, задыхаясь, подбежала к зверю и убедилась, что он мертв.

Девушка выронила палку из рук, у нее подкосились колени. Она упала бы, если бы Клейтон ее не подхватил. Прижав невесту к груди, молодой англичанин горячо поцеловал девушку, сбивчиво уверяя ее, что теперь все в порядке...

Джейн резко высвободилась из его объятий и отвернулась.

Помолчав и немного придя в себя, она заговорила, и ее голос звучал бесконечно устало и в то же время твердо.

— Пожалуйста, никогда больше так не делайте, мистер Клейтон, — попросила она. — Никогда больше меня не целуйте. Я наконец поняла всю глубину ошибки, которую когда-то совершила. Простите за то, что я сейчас причиню вам боль, но больше нет смысла обманывать вас и себя.

— Обманывать? В чем? — Клейтон невольно прикоснулся к карману, в котором лежало недописанное письмо с признанием в том, что Тарзан — истинный лорд Грейсток; Уильям так и не решился отдать записку Джейн.

— Да, обманывать, — девушка подняла голову и посмотрела ему в глаза. — Я солгала, когда сказала, что люблю вас. Я дурно поступила, согласившись выйти за вас замуж. Но теперь хочу, чтобы вы знали: даже если нам суждено будет спастись и вернуться в цивилизованный мир, я никогда не стану вашей женой.

— Господи, Джейн, о чем вы? — вскричал он. — Что общего между нашим спасением ото льва и переменой в ваших чувствах ко мне?

— Я никогда не любила вас, — продолжала она так, как если бы он ничего не сказал. — В минуту слабости я ответила согласием на ваше предложение, а потом уже не могла отказаться, потому что боялась кровавой стычки между Тарзаном и вами... Я всегда видела в вас преданного друга, Уильям, однако мною прежде всего двигал страх за Тарзана — ведь если бы дело дошло до драки, он наверняка убил бы вас, и тогда остаток дней провел за решеткой.

Клейтон то краснел, то бледнел, слушая тихий голос Джейн Портер.

— Но в эти секунды, проведенные на волосок от смерти, я поняла, что не в силах больше лгать и притворяться. Потому говорю: если Тарзан из племени обезьян простит меня, я с радостью выйду за него замуж. Я хочу стать женой этого удивительного человека, которого люблю больше всех на свете... И которого мне не пришлось бы защищать от нападения дряхлого льва. Вы меня поняли, Уильям?

— Да, — прошептал он, склонив голову, и густая краска стыда залила его лицо.

XXV. Пробуждение

По всему селению Вазири горели костры, повсюду раздавались песни и радостный смех — люди с севера праздновали избавление от власти жестоких каннибалов.

Два дня продолжалась охота за уцелевшими людоедами, рассыпавшимися по лесу, и теперь народ Вазири был уверен: кровожадные негры никогда больше не появятся в этих местах. Сначала вождь и его подданные мечтали о том, чтобы изловить нескольких врагов и поступить с ними так же, как те поступали с их соплеменниками... Для этого в землю на краю деревни давно был вкопан огромный столб — Вазири распорядился поставить его в тот день, когда людоеды замучили его старшего сына.

Но северяне не имели опыта в ловле людей живьем, а ярость их была так велика, что они всякий раз убивали врага на месте. Воины Вазири спешили отплатить за своих замученных близких, за дочь вождя, пропавшую в поселке Мбонги, за белое лесное божество и его друга, так и не вернувшихся из похода против кровожадных дикарей...

Каково же было ликование всех людей, когда на следующий день после битвы Тарзан из племени обезьян вдруг вышел из джунглей с дочерью вождя на руках — больной и слабой, но все-таки живой! Горящая в лихорадке Накити была закутана в рваную куртку Арно; Джек шел голым по пояс с ружьем в руке, в его патронташе оставался единственный патрон.

Все мужчины, женщины и дети вслед за своим вождем упали в ноги двум белым людям, а подростки, избежавшие ужасной смерти в поселке Мбонги, пытались целовать Тарзану руки.

Спасение Накити окончательно погасило жажду мести; столб, предназначенный для пыток пленных каннибалов, пошел на топливо для праздничного костра. По иронии судьбы единственными людьми, пережившими немало неприятных минут у этого столба, остались двое белых, которых сейчас благодарили и прославляли все обитатели поселка.

Прошло три дня.

Немногие раненые в стычках с людоедами залечили раны; Накити стала поправляться; Арно, отсыпавшийся больше суток, снова был на ногах.

Даже маленький Набу наконец-то вышел из хижины и, хотя скорее походил на тонкую бледную тень, чем на семилетнего мальчика, таскался по пятам то за Тарзаном, то за Джеком, как преданный щенок.

На четвертый день Вазири устроил грандиозный праздник.

Теперь его воины могли не боясь охотиться в джунглях, а женщины — собирать там плоды, и на торжестве было вдоволь мяса, фруктов, орехов и запеченных на углях клубней ямса и маниока.

Барабаны отбивали частую гулкую дробь, флейты делали все, чтобы не отстать от веселого ритма. Но музыка, смех и песни разом смолкли, когда вождь, облаченный в шкуру убитой Тарзаном пантеры, торжественно приблизился к черноволосому богатырю.

— Белый человек, Тарзан из племени обезьян! — громко проговорил Вазири среди почтительного молчания своих соплеменников. — Ты избавил нас от пантеры-людоеда, кровожадного демона ночи. Ты вырвал моего сына из рук каннибалов. Ты даровал нам победу над людоедами Мбонги. Ты спас от смерти мою любимую дочь Накити. Благодаря тебе мой народ теперь может жить, не зная страха и голода!

Все люди разразились радостными подтверждающими криками.

— Я предлагал тебе все, чем владел, но ты отказался, — продолжал вождь. — Мое сердце сжимала печаль — я ничем не смог одарить доброго духа, спасшего мой народ. Я стал думать, чем еще я могу отблагодарить Тарзана из племени обезьян — и вот что решил!

Вазири медленно обвел глазами толпящихся вокруг людей.

— В нашем племени испокон веков было два вождя: в моем роду повелось, чтобы старший брат делил власть с младшим. Мой брат Човамби остался в поселке у Большой Реки, с тех пор я лишился старшего брата, а мои люди — второго вождя. И теперь я прошу Тарзана из племени обезьян заменить мне Човамби и править вместе со мной, — Вазири снял с груди золотую пектораль. — Прошу тебя, белый человек — прими этот знак верховной власти и пользуйся всеми почестями, какие по праву полагаются старшему вождю!

Вазири торжественно повесил украшение на шею Тарзана.

Еще мгновение царила полная тишина — а потом она взорвалась шквалом восторженных криков; протягивая руки к Тарзану, все радостно вопили:

— Вождь Тарзан! Вождь Тарзан!

— С повышением, дружище, — улыбаясь, вполголоса поздравил бывшего вожака горилл Джек Арно.

Но приемьш Калы повелительно поднял руку — и крики стихли.

— Благодарю тебя, Вазири, — громко проговорил человек-обезьяна, — но я не могу принять твой щедрый дар. Я не могу остаться навсегда в вашем поселке, меня ждет другая судьба. Ты говорил о неумолимости рока, вождь, а я скажу тебе так: идти против своей натуры и своих стремлений так же трудно, как все время грести против течения быстрой реки. Рано или поздно поток подхватит тебя и понесет... Поэтому я решил следовать течению моей жизни и велению предназначенной мне судьбы!

Вазири и его подданные внимательно слушали речь лесного бога, который выражался так туманно и загадочно, как и положено божеству.

— Значит, ты не хочешь стать старшим вождем? — спросил Вазири.

— Нет. Благодарю, но я не могу, — Тарзан хотел снять с себя пектораль, но вождь удержал его руку.

— Нет, я не приму назад свой подарок. Оставь это на память — и помни, что в нашей деревне каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок будут чтить тебя, как вождя, когда бы ты сюда не вернулся!

Вазири снял тяжелый золотой браслет и надел его на правую руку Джека Арно.

— А ты, белый человек, спасший Набу и Накити, сражавшийся с нами плечом к плечу, стал нам братом и другом на вечные времена. Все, чем мы владеем — твое: наши жизни, наша земля и наше добро. А теперь давайте пировать, как пировали мы раньше на далеком севере, когда были богатым и могучим народом!

Один за другим воины вступали в торжественный танец, двигаясь по кругу, вздымая вверх копья и опуская их вниз. Женщины и дети

расположились на земле, образовав второй широкий круг — они били в барабаны и хлопали в ладоши.

Все быстрее плясали мужчины Вазири; многие старые женщины поднялись и запели какую-то дикую страстную песню.

Пение, пляска и возбужденный стук барабанов так воспламенили кровь того, кто еще недавно вместе с гориллами плясал Дум-Дум, что человек-обезьяна недолго думая сорвался с места и принял участие в диком танце.

Вскоре стало ясно, что никто из смуглокожих воинов Вазири не может сравниться в стремительности и резкости движений с бронзовотелым великаном, который скакал и вздымал руки в тесном вдохновенном хороводе.

И Арно, захваченный общим безумием, не выдержав, тоже вскочил и присоединился к дикарской пляске.

Хорошо, что мадам Арно не видела сейчас своего внука — полураздетого, взлохмаченного, выделяющего странные па среди размахивающих копьями дикарей! А если бы глазам почтенной старой леди предстало то, что вытворял в кругу танцующих воинов Тарзан, бедную старушку наверняка хватил бы удар. Но, скорее всего, она просто не поверила бы, что этот черноволосый дикарь в набедренной повязке с золотым ожерельем на груди — тот самый милый застенчивый юноша, которого она еще недавно учила светскому этикету...

Джек вырвался из хоровода, упал на шкуры и стал жадно пить из глиняного кувшина.

— Уф! По-моему, это не хуже танца Дум-Дум, — сказал он возбужденному потному Тарзану, который тоже покинул круг и сел рядом с ним. — Видела бы нас сейчас моя бабушка!

— Да, хорошо, что она тебя не видит, — согласился Тарзан.

— Меня? Ты бы на себя посмотрел! — возразил Джек.

Многие юноши оставляли внутренний круг, а девушки — внешний; взявшись за руки, они старались потихоньку покинуть общее веселье. Конечно, парочкам редко удавалось ускользнуть незамеченными — влюбленных провожали хлопками в ладоши и добродушным смехом.

Тарзан хотел вернуться в поредевший хоровод, как вдруг вздрогнул от осторожного прикосновения к своему плечу, обернулся — и увидел рядом Накити.

Четыре дня отдыха и хорошая пища вернули здоровье дочери вождя, и она снова стала самой прелестной девушкой поселка. А сейчас, с желтыми цветами, воткнутыми в пышные черные волосы, Накити была особенно хороша. Она стояла совсем близко, положив мягкую ручку на плечо человека-обезьяны; потом робко погладила его по груди — и это прикосновение обожгло Тарзана, словно огнем.

Так же как, от взгляда Ольги де Куд, от обожающего взгляда Накити сердце приемыша Калы заколотилось, словно барабан на поляне Дум-Дум.

Тарзан не был бы мужчиной, если бы любовь дочери вождя не вызвала в нем никаких ответных чувств. Воспоминание о том, как обнаженное горячее тело девушки прижималось к его телу, а тонкие руки обнимали его шею, когда он нес ее по темному лесу, заставляло человека-обезьяну беспокойно ворочаться по ночам и покидать хижину, чтобы успокоиться в беге по ночным джунглям. Днем образ Накити тоже часто вставал перед его глазами... А то, что дочь вождя даже не пыталась скрыть страстную любовь, которую пробудило в ней лесное божество, приводило Тарзана в еще большее смятение.

И вот теперь, когда девушка внезапно появилась рядом и потянула его за руку, приглашая встать, Тарзан совсем растерялся. Он встал, и тонкая ручка, сжавшая его ладонь, послала по его телу короткую дрожь. Человек-обезьяна сделал несколько шагов, а Накити, продолжая тянуть великана прочь от праздничных костров, нежно прильнула к его боку.

Приемыш Калы почувствовал, что теряет власть над собой; он крепко обнял тонкие плечи смуглолицей красавицы, наклонился к ее лицу...

И вдруг лицо другой, белокурой и сероглазой девушки заслонило перед ним полураскрытые пунцовые губы, огромные карие глаза и черные волосы Накити.

Тарзан отшатнулся и глухо застонал.

Он столько времени боролся с этим образом, он так упорно отгонял его от себя — и вот теперь с кристальной ясностью понял, как напрасна была эта борьба. Поток, против которого он греб долгие месяцы, подхватил его и понес...

И приемаш обезьяны, вырвав свою руку из руки дочери вождя, с криком бросился прочь, к воротам деревни, за которыми вставали его

родные джунглям.

Тарзан вернулся в деревню уже под вечер и, устало подойдя к своей хижине, уселся на порог рядом с Джеком Арно, который острием ножа задумчиво рисовал на песке какие-то странные фигуры. Джек встретил возвращение Тарзана с явным радостным облегчением, но ничего не сказал, предоставляя первому заговорить человеку-обезьяне.

Тот не заставил себя долго ждать.

— Я решил вернуться в цивилизованный мир, — просто и твердо заявил Тарзан. — Я был трусом, когда отказался от Джейн Портер. Я сдался без борьбы и был наказан на малодушие; но теперь я вернусь и буду сражаться за девушку, которую люблю!

— А если мисс Портер уже замужем за Клейтоном? — после недолгого молчания спросил Арно.

— Я не уступлю, — мрачно проговорил человек-обезьяна. — Нет, я не собираюсь драться со своим двоюродным братом — он слишком слабый противник, и это был бы нечестный бой. Но я сделаю все, чтобы Джейн полюбила меня и оставила Уильяма Клейтона!

— Ты молодец, — откликнулся Арно.

Это немногословное одобрение немало порадовало человека-обезьяну, и, решив, что дальнейшие пустые разговоры излишни, Тарзан тут же предложил отправиться в путь завтра утром.

— Вернемся к хижине у океана, а оттуда двинемся по берегу, как в прошлый раз...

— Хм... А что, если поступить по-другому? — перебил Джек. — Мы могли бы отправиться в путь по реке, которая протекает в двух дневных переходах отсюда. Все реки имеют привычку впадать в океан, а белые имеют привычку селиться у мест впадения больших рек, так что, возможно...

— В данном случае я предпочитаю идти испытанным путем, а не полагаться на «возможно» и «может быть». Если мы отправимся в дорогу завтра, то через каких-нибудь полтора месяца будем в миссии отца Константина. А ты можешь сказать точно, где мы окажемся через полтора месяца, если двинемся в путь по реке?

— Нет. Но если мы отправимся по реке, то через две недели достигнем города, где золота больше, чем песка на речном дне.

— О чем ты говоришь?

— Тарзан... Я тут побеседовал с Вазири и выяснил, откуда у его народа столько искусно сделанных золотых вещей. Это удивительная история; если бы я не знал вождя, мог бы подумать, что он плетет небылицы, но Вазири не станет лгать даже у пыточного столба... Так вот, оказывается, по дороге сюда его племя встретилось со странным народом полулюдей-полузверей, сплошь покрытых черными волосами. Эти зверолюди жили в городе на вершине маленького скалистого холма; увидев чужаков, они спустились вниз и напали на отряд Вазири. Воинам вождя удалось отбить нападение, они сняли с убитых золотые украшения и допросили пленных. Те говорили на каком-то непонятном языке, но знаками объяснили, что такого металла в их городе столько, что его никто не считает драгоценным; из него делают даже котлы и горшки для варки пищи. Общение с белыми научило народ Човамби и Вазири ценить благородный металл, и вожди подумывали о нападении на город, который пленные называли «Опар», однако благоразумие одержало верх. Братья увели свой народ прочь от места, рядом с которым Голконда — просто маленькая шкатулка с матушкиными драгоценностями...

— Ну и что из этого? — нетерпеливо перебил Тарзан.

Его мысли были полны Джейн Портер, и рассказ Джека не вызвал у него такого интереса, какой, возможно, вызвал бы еще вчера. Человек-обезьяна нетерпеливо подсчитывал дни, которые отделяли его от Балтимора, и хотел бы быть уже в пути.

— А то, что Вазири объяснил мне, как добраться до города. Смотри, я тут набросал карту: от места, где мы сейчас находимся, нужно идти на юго-запад до маленькой реки, которая миль через пятьдесят вливается в широкий поток. На его берегу Човамби и поставил свое селение, а в трех днях пути от деревни брата Вазири высится золотой город Опар...

— К чему ты мне все это рассказываешь? — снова перебил Тарзан, глядя на карту, начерченную в пыли у порога. — Уж не хочешь ли ты наведаться туда за золотом? Ты же всегда говорил, что тебе вполне хватает жалованья лейтенанта; так зачем тебе соваться в город непонятных полузверей-полулюдей? Ради того, чтобы варить потом пищу в золотых горшках вместо обычной кухонной посуды?

— Тарзан... — опустив голову, пробормотал Арно. — Я должен кое-что тебе сказать.

— Ну, говори... Раз должен.

— Я потерял чин лейтенанта два месяца тому назад. Терпение моего начальства, без сомнения, лопнуло, когда я не вернулся на крейсер после внеочередного отпуска, ведь я спрашивал его уже в третий раз. И вряд ли мне удастся возродить свою военную карьеру рассказами о подвигах во время нападения на поселок чернокожих каннибалов...

— Что?!

— Но это еще не самое худшее. Дело в том, что я по уши в долгах. Чтобы зафрахтовать корабль, я занял у всех, у кого только мог, включая мадам Арно. Если я не верну долг, мне просто нечего будет делать в цивилизованном мире.

— Ты же сказал, что тебе вернул долг какой-то приятель!

— Я соврал, — глядя в землю, признался Арно.

— Что-о?! — Тарзан схватил его за плечо и развернул к себе.

— Иначе ты бы отказался взять эти деньги, верно? Но ведь ты дал слово Джейн Портер, что привезешь ее отцу испанское золото... Я надеялся, что понемногу смогу расплатиться, если получу чин капитана, мое имя стояло первым в списке кандидатов на повышение, но теперь...

Тарзан тряхнул его и отпустил.

— Почему же ты до сих пор молчал?

— Да я бы и сейчас ничего не стал говорить, если бы не... Послушай, я не люблю врать, но у тебя хватало и своих забот, чтобы еще забивать тебе голову моими...

— Та-ак... Если хочешь еще что-нибудь сказать, говори сразу, — сквозь зубы потребовал человек-обезьяна.

— Да нет, о чем тут еще говорить...

Джек смущенно затер ногой часть нарисованного в пыли чертежа. Тарзан посмотрел на полустертую карту, вынул нож и провел извилистую черту, соединившую на ней две крайние точки.

— Завтра отправляемся к реке, по которой можно доплыть до золотого города, — сказал он.

XXVI. Путь по реке

Весь народ Вазири хотел проводить двух белых людей, появление которых круто изменило жизнь несчастных беглецов с севера. Только строгий приказ вождя заставил женщин, детей и половину воинов остаться в деревне, и Набу с Накити горько плакали, глядя вслед отряду воинов, в центре которого шагали Тарзан и Арно.

Люди Вазири несли на головах пожитки, оружие и инструменты. Дойдя до небольшой речки, они разбили лагерь и соорудили плот, на котором поставили два деревянных шалаша. В один из шалашей сложили вещи и оружие, в другом расстелили мягкие шкуры и одеяла.

И вот под последние прощальные выкрики друзья взяли в руки длинные шесты, и плот заскользил вниз по реке. Воины махали руками и потрясали копьями, а Вазири, сложив руки рупором, прокричал:

— Передай Човамби мой братский привет, Тарзан, и скажи, что я прошу его забыть нашу размолвку возле города Опар!

— Интересно, что у них там вышла за размолвка? — спросил Джек.

— Может, вернешься и узнаешь? — предложил Тарзан.

— Нет, спасибо, я лучше спрошу у Човамби, когда мы доберемся до его деревни...

По словам Вазири, до деревни его брата было не меньше месяца пути, сначала по притоку Большой Реки, потом по самой реке — это если следовать прибрежными джунглями. А сколько займет этот путь, если плыть по течению, никто не мог точно сказать.

Для Тарзана подобный способ передвижения был внове, и сперва он злился и нервничал из-за того, что скорость его продвижения диктует какая-то река. Впервые он него не зависело, насколько быстро он доберется до цели.

На второй день плот вынесло в русло потока, разливавшегося на полмили в ширину, и движение еще больше замедлилось...

Но понемногу человек-обезьяна научился ценить преимущества подобного способа путешествия.

Его захватила прелесть плавного движения по Большой Реке среди незнакомых джунглей; новые виды, открывавшиеся за каждым поворотом; красота речных закатов и рассветов; неторопливые разговоры под плеск воды за краем плота, где резвились речные черепахи и рыбы.

В свое время воспитанник обезьяны пробовал ловить рыбу руками и бить копьем, но не преуспел в этом деле, и вскоре оно наскучило ему: он решительно предпочитал рыбалке охоту. Но Джек Арно запасся в поселке Вазири рыболовными принадлежностями и часто обеспечивал завтрак или ужин, даже не сходя с плота на берег. В конце концов Тарзан тоже заинтересовался таким лентяйским методом добывания пищи, начал тренироваться и вскоре стал заправским рыбаком.

В прибрежных зарослях кишели птицы и звери, поэтому в меню путешественников входило также свежее мясо, а в качестве десерта к их столу всегда были самые разнообразные фрукты и орехи.

Если бы Тарзан мог знать, что в то время, как он лениво жевал авокадо, развалившись на мягких шкурах и наблюдая за камышовым поплавком, девушка, которую он любил, в изорванном платье и полуразвалившейся обуви устало пробиралась сквозь чащу в поисках хоть какой-нибудь еды!

На восьмой день пути река разлилась еще шире; в ней кишмя кишели крокодилы. По ночам красные глаза больших рептилий светились то там, то здесь, и путешественники старались не засыпать на краю плота.

В джунглях, где вырос Тарзан, не было больших рек, поэтому он редко сталкивался с крокодилами и теперь затруднялся сказать, насколько опасны могут быть эти зловещие с виду создания. Может, их грозный вид обманчив и справиться с ними не труднее, чем с полувзрослыми Шитой или Сабор? Но на всякий случай приемьш Калы предпочитал держаться настороже.

Зато бегемоты, которых тоже становилось в реке все больше, сперва не вызывали у друзей никаких опасений. Толстокожие пухлые увальни днем лежали в воде, выставив на поверхность ноздри, уши и верхнюю часть спины, а ночами уходили кормиться на берег, густо испещренный их постоянными тропами. Но однажды Тарзан и Арно

стали свидетелями того, как на узкой тропе столкнулись большой бегемот и носорог, спускающийся к водопою. Ни один зверь не пожелал уступить другому дорогу, и в завязавшейся короткой схватке погибли оба животных.

После этого случая человек-обезьяна стал относиться к водяным гигантам с большим уважением и уже не смотрел на них, как на неповоротливую гору мяса. Если на берегу гиппопотам сумел дать отпор такому грозному бойцу, как носорог, насколько же серьезным противником он может стать в воде, где двигается так же проворно, как рыба?

Арно считал, что от деревни Човамби их отделяет теперь не больше одного-двух дней; но самый последний день принес путникам больше тревог, чем весь их предыдущий путь по Большой Реке.

С утра вокруг плота то выныривало, то снова уходило под воду множество бегемотов — еще никогда речные великаны не были такими беспокойными. Несколько раз Джеку и Тарзану приходилось хвататься за шесты, чтобы избежать столкновения с блестящей гладкой тушей, которая вдруг возникала рядом с плотом.

Между бегемотами скользили крокодилы, которые тоже вели себя все более беспокойно...

Тарзана начинало это всерьез тревожить, но он никак не ожидал того, что произошло, едва солнце приблизилось к зениту.

Вдруг одна из рептилий метнулась к огромному гиппопотаму и, вцепившись в его бок, стала крутиться волчком, выдирая из тела толстокожего большой кусок мяса. Бегемот взревел, клацнул громадной пастью, и перекушенный почти пополам крокодил ушел под воду, которая тут же окрасилась красным.

— Черт меня побери! — воскликнул Джек. — Еще никогда в жизни...

Человек-обезьяна уже гнал плот к берегу; Арно схватил второй шест и принялся ему помогать.

Приемыш Калы вырос в джунглях, но он тоже никогда еще не видел того, что началось минуту спустя в дотоле спокойных водах широкого потока!

Атака первого крокодила послужила сигналом для его сородичей — и вот уже вода от берега до берега закипела от сражения хищных

рептилий и бегемотов, которые одинаково считали себя хозяевами реки. Адский бой наполнил воздух звуками хлопков, похожих на хлопанье колес большого парохода, ревом и хрюканьем бегемотов и крокодилов, испуганным криком птиц, вылетающих из листвы прибрежных деревьев, истощенным верещанием мартышек, наблюдающих за битвой с высоких ветвей.

Тарзан сам был бы рад сейчас очутиться на дереве, но до ближайшего дерева плот отделяло не меньше сотни футов воды, кишачей обезумевшими крокодилами и гиппопотамами. Человек-обезьяна и Арно неистово налегали на шесты, чудом умудряясь избегать столкновения с дерущимися чудовищами; после нескольких минут отчаянных усилий, растянувшихся, казалось, на три столетия, до берега осталось каких-нибудь двадцать футов...

И тут огромный бегемот, стремительно всплыв, ударил плот снизу. Лианы, которыми были связаны бамбуковые стволы, лопнули, как обычные нитки; остатки плота, мешки и люди взлетели высоко вверх и рухнули туда, где крокодилы яростно атаковали толстокожих гигантов, вспенивая воду ударами хвостов.

Тарзан и Арно вынырнули в самой гуще битвы и быстро поплыли к берегу в бурлящей, как кипяток, воде. Только то, что злоба рептилий была направлена исключительно против гиппопотамов, позволило людям проплыть около десяти футов...

А потом человек-обезьяна почувствовал, как чудовищные челюсти схватили его за ногу и потащили вниз. Приемьш Калы бешено рванулся, но крокодил оказался сильнее — и Тарзан с головой ушел под воду, мутно-красную от своей и чужой крови.

Еще никогда лесному богатырю не приходилось попадать в такие отчаянные ситуации!

Как он ни дергался и ни бился, ему не удавалось вырваться из ужасного капкана, дробящего его бедро. Он колот врага ножом, но лезвие не пробивало толстую шкуру пятнадцатифутовой рептилии, двигавшейся в воде так же уверенно, как ее жертва — на вершинах деревьев. Человек-обезьяна понял, что вода вот-вот ворвется в его легкие, а это — конец... И тут его клинок вонзился в глаз крокодила, и безжалостные челюсти разжались.

Тарзан выскочил на поверхность, глотнул воздуха пополам с кровавой пеной и снова ушел под воду. Почувствовал, как его хватают

подмышку, помогая всплыть — и, кашляя, задыхаясь, вцепился в плечо Арно. Джек поддерживал его по тех пор, пока человек-обезьяна не отдышался, а потом друзья снова поплыли к берегу между спящих вокруг крокодилов.

Тарзану почти не владел правой ногой; несколько раз он был вынужден хвататься за Арно, но возле самого берега их разделили два огромных крокодила, сцепившихся между собой. На какое-то время весь мир пропал за вспененной красной водой и бешено хлещущими хвостами обезумевших чудовищ, а потом руки Тарзана наткнулись на корни прибрежных деревьев, и он последним усилием выволок свое тело на сушу. Рядом выполз на берег Арно, и они долго лежали ничком на песке, испещренном следами крокодильих лап и полосами от их хвостов.

К счастью, ни одной рептилии на суше не оказалось — вряд ли Тарзан и Арно смогли бы сейчас защищаться, напади на них крокодил.

Наконец человек-обезьяна зашевелился и приподнялся, зажимая ладонью рану на бедре.

— Возьми мой ремень, — не двигаясь, сказал Арно. — Перетяни ногу.

Человек-обезьяна так и сделал; он затягивал ремень до тех пор, пока кровь не перестала литься.

— А ты как? — спросил он. — Сможешь идти? Лучше убраться подальше в джунгли, пока это безумие не кончится!

Джек слабо мотнул головой.

Тарзан встревоженно придвинулся к другу, осмотрел его, однако не обнаружил глубоких ран. Похоже, Арно просто получил удар хвостом от одной из больших рептилий, пришедшийся по боку, плечу и груди. Пара ребер наверняка была сломана, но, что хуже всего, удар, видимо, вызвал внутреннее кровотечение.

Джек все больше бледнел и даже не ругался, пока Тарзан тащил его подмышки по прибрежной траве; зато человек-обезьяна бормотал все самые ужасные слова, какие знал, на английском, французском и обезьяньем языках.

— Тарзан... — вдруг тихо проговорил Арно. — Прости, что я втянул тебя в эту дурацкую авантюру с золотом...

— Молчи! Береги силы!

Но у самого человека-обезьяны уже не было сил; он дотащил друга до небольшой лужайки и лег пластом.

— Сними... С меня рубашку... Перевяжи ногу... А то истечешь кровью...

Арно закрыл глаза.

— Джек, — яростно окликнул Тарзан. — Не дури, слышишь?!!

Он попытался встать, но тут же снова повалился на траву, ища у пояса нож, который оставил в теле крокодила: из кустов, окаймлявших лужайку, вышли шестеро воинов, вооруженных копьями и луками, с овальными щитами в руках.

Тарзан из племени обезьян приподнялся и зарычал долгим зловещим рыком.

Воины удивленно смотрели на обнаженного загорелого великана, который, согнувшись над неподвижно лежащим человеком, рычал и скалился, словно львица, защищающая своего детеныша. Их замешательство еще больше возросло, когда они заметили золотую пектораль, поблескивающую на загорелой груди гиганта.

Они о чем-то быстро затараторили между собой, и Тарзан из племен обезьян перестал рычать. Язык, на котором говорили охотники, был ему удивительно знаком, так же как и золотые браслеты у них на руках, узоры на щитах и связки красных перьев, свисающих с черных эбеновых копий...

Человек-обезьяна приподнялся.

— Вождь Вазири шлет братский привет Човамби и просит забыть про их размолвку возле города Опар! — громко проговорил Тарзан.

XXVII. Видения

К счастью, путь до деревни Човамби оказался недлинным, иначе Тарзан вряд ли смог бы его одолеть.

Он не позволил положить себя на носилки и пошел сам, опираясь на толстую палку, несказанно удивляясь тому, что вообще может держаться на ногах. Прокушенное бедро отзывалось на каждый шаг адской болью, и когда они вступили в деревню, человек-обезьяна уже шатался так, что его поддерживали два сильных воина Човамби.

Но все-таки, сощуриив глаза и гордо глядя на окружившую их большую шумную толпу, Тарзан доковылял до невысокой хижины в центре деревни.

В единственной круглой комнате этой хижины не было ничего, кроме странной формы жаровни в углу да расстеленных на полу шкур; на эти шкуры и упал Тарзан рядом с носилками Джека Арно.

Коротким рывком отогнав людей, пытавшихся ему помочь, человек-обезьяна сам перевернулся на спину и посмотрел на Джека, которого осторожно переложили с носилок на мягкую подстилку.

Арно потерял сознание еще по дороге сюда и не пришел в себя, когда по приказанию какой-то невысокой длинноволосой женщины в красной одежде двое воинов быстро разули его и раздели, не оставив даже золотого браслета на правой руке. Потом воины сняли с Тарзана пектораль, набедренную повязку, размотали пропитавшуюся кровью ткань с ноги человека-обезьяны и торопливо покинули хижину.

Тарзан и Арно остались лежать совершенно обнаженными под пристальным взглядом женщины в красном.

Осмотрев раненых, целительница (а человек-обезьяна надеялся, что это именно она) плеснула из большого сосуда пахнущую травами холодную жидкость сперва на посиневшие бок, плечо и грудь худощавого светловолосого юноши, потом на прокушенную ногу черноволосого богатыря.

Не прошло и минуты, как боль в истерзанной ноге приемаща Калы погасла, словно залитый водой костер. Звон в ушах умолк, туман перед глазами рассеялся, и Тарзан увидел, как веки Арно дрогнули и приподнялись.

— Джек... — прошептал человек-обезьяна.

Арно медленно, с усилием, повернул голову и посмотрел на него.

— Джек, держись!

То, что попытался изобразить в ответ Арно, мало походило на улыбку, но даже эта жалкая гримаса вселила в Тарзана надежду.

Женщина выплеснула остатки жидкости на угли жаровни в углу, и комната с шипением наполнилась зыбким дымом. Отставив кувшин, целительница медленно пошла вокруг лежащих на шкурах беспомощных людей, тихо напевая странный заунывный мотив. Согнув руки в локтях, она начала делать плавные движения поднятыми ладонями, как будто отталкивалась от находившейся в воздухе невидимой преграды.

Тарзан, сын Калы, лорд Грейсток, был достаточно просвященным человеком, чтобы не относиться скептически к подобному дикарскому обряду. Но что он мог сделать сейчас для спасения себя и своего друга? Ничего. Поэтому он лежал неподвижно, вдыхая ароматный дым, и молча глядел на странные манипуляции женщины. То, что Арно очнулся, заставляло человека-обезьяну отчаянно надеяться на чудо.

Напев целительницы повысился на тон, и перед глазами Тарзана все заволгло красным, как тогда, когда он барахтался в кровавой воде.

А потом багровая муть исчезла, и совершенно отчетливо и ясно он увидел...

...Просторную комнату с пробитым сводчатым потолком.

Длинный ряд людей в широких белых одеяниях, стоящих у высокого алтаря с золотыми чашами в руках.

Алтарь из цельной каменной глыбы с золотыми кольцами по углам...

А на алтаре, прикованная к золотым кольцам за руки и за ноги, лежала бледная и неподвижная Джейн Портер! Ее светлые волосы разметались по черному камню, широко раскрытые глаза с ужасом смотрели на сверкающий нож в руке стоящей перед ней высокой смуглой женщины...

Под торжественное многоголосое пение женщина окунула палец в золотую чашу, провела на лбу светловолосой девушки горизонтальную черту, и, громко вознеся молитву неведомому богу, занесла над жертвой длинный нож...

— Не-е-е-ет!!!!

Тарзан очнулся от собственного крика в наполненной дымом хижине — и услышал рядом истошный вопль Арно.

...Плот стремительно несся к водопаду, и впереди, там, где вода переваливалась через край уступа, в ореоле брызг вставала яркая радуга.

Джек смотрел на перекинутую над рекой многоцветную арку, и предчувствие скорого падения стискивало его грудь ледяным ужасом.

Плот стрелой промчался под радугой, взлетел в воздух... И рухнул вниз в облаке брызг и грохоте разбивающейся о камни воды. Арно летел в клокочущую бездну вместе с ревущим потоком в кошмарном безумном падении, которому не было конца...

— Джек! Очнись!

Арно, захлебнувшись криком, открыл глаза — и сквозь зыбкий дым увидел над собой бледное лицо Тарзана.

— Ничего этого нет... не было... и не будет... Это только видение... Этого не... может быть...

Человек-обезьяна, собравший все силы, чтобы дотащиться до друга, замолчал и лег ничком.

Монотонное пение врачевательницы смолкло, угли жаровни потускнели, дым развеялся — и все вокруг окутала темнота.

XXVIII. Похищение

Едва лихорадка, терзавшая Рокова, отступила, как почувствовал недомогание Клейтон. Он мужественно пытался бороться с болезнью, часто посещающей белых в сырых и жарких тропических лесах, но с каждым днем ему все труднее становилось отправляться на поиски еды.

А русский поправлялся не по дням, а по часам...

И чем сильнее он становился, тем больше слабел Клейтон и тем ужаснее становилось положение Джейн. Если до сих пор Роков ничего не сделал девушке, то только потому, что опасался ее жениха — как многие наглецы, Николай в глубине души был трусом.

Но теперь Уильям больше не мог обеспечить Джейн даже ту ненадежную защиту, какую обеспечивал ей раньше, и Джейн Портер чувствовала себя беспомощной мышью, в которую в любой момент может запустить когти кот. Порой у нее мелькала мысль о бегстве в джунгли — дикие звери в последнее время пугали ее меньше Рокова... Но она не могла оставить Клейтона, которому становилось все хуже.

Русский и не думал делиться с товарищами по несчастью собранной едой, поэтому Джейн приходилось теперь заботиться о пропитании за двоих. В те дни, когда болезнь не позволяла Уильяму выйти из шалаша, она уходила в джунгли на поиски пищи, но собранных ею плодов едва хватало на поддержание сил больного мужчины и ее самой.

Однажды Джейн с утра отправилась в чащу, надеясь отыскать там самую питательную еду — орехи. В знакомых ей местах все ореховые кусты были уже обобраны; девушка свернула в густые заросли, в которые не рисковала заходить прежде. Она и не подозревала, что вслед за ней в джунгли вошел Николай Роков.

Вдруг за ее спиной раздался громкий оклик; она резко обернулась и похолодела. Русский подходил к ней с той похотливой улыбкой, которая всегда приводила ее в такой ужас.

Джейн была совсем одна, никто не мог прийти ей на помощь; некоторое время она в безмолвном отчаянии смотрела на человека, чье приближение вызывало в ней больший страх, чем вызвало бы

приближение пантеры или льва — а потом повернулась и бросилась бежать.

Она мчалась сквозь чащу, не сознавая, куда бежит, не чувствуя, как колючки рвут ее платье и царапают тело; Джейн слышала, что русский гонится за ней, и не рисковала остановиться даже на секунду, чтобы перевести дух. Наверное, она мчалась бы до тех пор, пока силы вконец не оставили ее, если бы не увидела впереди большое поваленное дерево. Инстинкт затравленного зверька заставил девушку упасть на землю, вползти под ветви дерева и замереть.

Она слышала голос Рокова, продирающегося сквозь чащу. Сначала негодяй издевательски ласковым голосом звал ее, потом принялся сквернословить.

Джейн лежала, сжавшись в комочек, закрыв глаза, отчаянно боясь, что ее выдаст оглушительно стучащее сердце.

Бесконечно долго Роков бродил вокруг, понося «американскую сучку» и громко рассказывая, что он с ней сделает, когда разыщет... Наконец выругался напоследок и пошел прочь. Она все равно попадет ему в руки, пусть только вернется домой!

Грубый голос стих вдалеке, но Джейн еще долго лежала, обхватив руками колени. Ей не хотелось покидать свое убежище, не хотелось двигаться, не хотелось жить.

Наконец она закрыла лицо руками и разразилась долгим беззвучным плачем, повторяя имя Тарзана.

Эта странная молитва в конце концов настолько подбодрила ее, что она смогла вылезти из-под дерева. Джейн опустилась на ствол, не зная, что ей дальше делать.

Вернуться в хижину, отдавшись в руки жестокого негодяя, или уйти куда глаза глядят в надежде, что зубы льва или когти пантеры вскоре оборвут ее страдания? Но если она уйдет, что будет с Уильямом Клейтоном?

Девушка сидела в мучительном раздумьи, не замечая странных уродливых фигур, мелькающих в чаще за ее спиной. Внезапно какой-то шорох привлек ее внимание, она обернулась и, слабо вскрикнув, вскочила на ноги.

Второй раз крикнуть она уже не смогла.

Волосатая лапа зажала ей рот, и существо, не похожее ни на зверя, ни на человека, потащило Джейн Портер в заросли. Это испытание

оказалось свыше ее сил, и она потеряла сознание.

XXIX. Лао

Над поселком Човамби горели звезды.

Большие серые глаза черноволосой женщины не отрывались от пламени костра, как будто в изгибах огненных язычков перед Лао вставали картины, невидимые для смуглокожих людей и двух белых, внимательно слушающих ее рассказ.

— Я — бывшая верховная жрица храма Древних Богов в городе Опар. Все мы потомки людей, явившихся на этот континент в поисках золота более десяти тысяч лет тому назад. Когда-то наши города стояли здесь от великого моря Восходящего Солнца до великого моря, в которое солнце опускается ночью, чтобы освежить свое пламенеющее чело. Здешние крепости были могущественны и сильны, но они не могли сравниться с великими городами метрополии, находившейся далеко на севере, за океаном.

Взад и вперед между этим материком и нашей родиной сновало множество кораблей. Отсюда везли золото и рабов, сюда — оружие, одежду, предметы роскоши... В дождливые месяцы в здешних городах мало кто оставался, только воины, наблюдавшие за работой черных рабов в рудниках, немногие жрецы и торговцы.

Но однажды разразилась беда. В обычный срок не вернулся ни один из отпльвших домой кораблей. Мои предки ждали много недель; наконец выслали галеру, чтобы узнать, что случилось. Галера вернулась со страшными вестями: от нашей могущественной страны не осталось и следа, ибо остров, на котором она стояла, в один день опустился на дно океана.

Ревниво храня секрет источника золота, мы никому не показывали путь до Черного Континента, и теперь наступила расплата за алчность. Должно быть, единственная галера, забравшая отсюда полсотни людей и отправившаяся за помощью, так и не вернулась в цивилизованный мир — или ее погубил шторм, или потопили пираты. Спасения ждать было неоткуда, и мои предки навсегда остались на этой земле.

Потерявшие мужество люди скоро стали жертвами черных орд с севера и с юга; один за другим сдавались наши крепости и города. Наконец жалкие остатки некогда великого народа уцелели лишь в

городе Опар. За тысячи лет забылась древняя культура, которой некогда мы так гордились, стерлись воспоминания о былом могуществе, угас интеллект. Многие мои соплеменники пали так низко, что...

Лао замолчала, по-прежнему глядя в пламя костра. Никто из сидящих вокруг людей Човамби не торопил ее, даже дети почтительно молчали. Молчал и Тарзан, хотя ему не терпелось услышать продолжение рассказа.

— Пали так низко, что стали смешивать свою кровь с кровью больших лесных обезьян. Люди, принадлежавшие к самой культурной и просвященной расе, через несколько поколений таких браков перестали походить на людей, и наш древний язык для многих вытеснило отвратительное обезьянье лопотанье.

Тарзан нахмурился, но промолчал.

— Только жрецы отчасти избежали духовного и физического вырождения, ставшего уделом остального народа. Гордые принадлежностью к высшему клану, они продолжали хранить традиции погибшей родины. Казалось, эта гордость сулила им спасение — однако на деле принесла такое же поражение, как остальным. Не желая думать о браках с черными людьми, жрецы наконец выродились почти так же, как те, кто смешивал свою кровь с обезьяньей. Знания, традиции и культура, замкнутые в стенах одного города, потеряли смысл.

Я, бывшая верховная жрица Опара, дочь верховной жрицы, пыталась убедить собратьев, что их высокомерная замкнутость ведет к неминуемой гибели — меня никто не желал слушать. Коллегия жрецов предназначила меня в жены человеку, в чьих жилах текла кровь и моей матери, и моего отца... То, что когда-то считалось позором для наших предков, стало теперь непреложным законом, и на протяжении многих веков ему никто не пытался противиться!

Лао стиснула кулаки, в ее глазах сверкнуло пламя, куда более жаркое, чем пламя костра.

— Но я не желала такой судьбы. Я читала древние свитки, пережившие тысячелетия, и знала, что есть другой, огромный мир за стенами нашего города — тот, куда у нас давно спускаются только зверолюди. Я должна была умереть там, где родилась, женой и матерью потомков кровосмесительных браков... Но я восстала — и

случилось так, что впервые за тысячу лет верховная жрица Древних Богов покинула Опар и бежала в джунгли, предпочитая вольную жизнь и вольную смерть покорному прозябанию в городе живых мертвецов!

Голос Лао зазвенел, и вождь Човамби, сидевший рядом, погладил ее по плечу. Лао посмотрела на него и улыбнулась.

— Судьба оказалась милостива ко мне. Я пришла в эту деревню и обрела здесь то, чего не знала моя мать и, увы, никогда не узнает сестра: свободу и любовь, которые дороже всех сокровищ Опара!

Човамби обнял плечи черноволосой женщины.

— Самого большого своего сокровища Опар уже лишился, — сказал он. — А то, что в нем осталось, не стоит даже полусгнившей шкуры гиены! Хорошо, что я отговорил моего брата Вазири от попыток завоевать проклятый город, иначе нас ждали бы большие несчастья и, возможно, смерть...

— Неужели Опар и впрямь так неприступен? — небрежно спросил Джек Арно.

Его небрежность не обманула бывшую жрицу, чьи серые глаза, казалось, могли читать в душах людей.

— Неприступных городов не бывает, — покачала головой Лао. — Но я не советовала бы вам, чужеземцы, пытаться завладеть золотом, которое там хранится. Желтый металл давно потерял для нас цену, но люди Опара ревниво относятся к своему добру. Тот, кто попробует его похитить, окажется в большей опасности, чем очутившись на реке во время схватки крокодилов с бегемотами!

— И часто здесь случаются такие схватки? — любопытно спросил Тарзан. — Я вырос в джунглях, почти всю жизнь провел в них, но никогда не слышал о подобных сражениях!

Лао снова устала в костер.

— Всякий раз, когда на алтарь храма Опар возлагают человеческую жертву, заклинания жрецов возрождают древнюю магию, которая будит в животных неистовство. Пока не опустится жертвенный нож, на несколько миль вокруг города дикие твари кидаются друг на друга, а стены города Опара дрожат от воя полуобезьян...

Тарзан невольно вздрогнул, вспомнив свое видение: белокурую девушку на черном каменном алтаре.

— Значит, ваш народ приносит человеческие жертвы? — сквозь зубы спросил он.

Лао потупила голову.

— Раньше Древние Боги требовали только бескровных возлияний. Но с тех пор, как страшные беды обрушились на мой народ, повелителей моря и суши начали задабривать кровью. Жрецы говорили, что новые беды можно предотвратить только кровавыми жертвами, а всего угоднее богам, когда на алтарь проливается человеческая кровь...

— Где же вы берете людей для таких обрядов? — изменившимся голосом спросил Тарзан.

— Иногда их покупают у работорговцев, но работорговцы редко появляются в этих диких краях. Поэтому жрецы посылают отряды звероловцев на поиски жертв вплоть до берега океана...

— А эту деревню они не тревожат?

— Если они осмелятся тронуть хоть одного человека из этой деревни, — Лао вскинула голову, раздувая ноздри, — они пожалеют о том, что Опар не поглотили джунгли, как все прочие наши города! Моя младшая сестра Лэ, нынешняя верховная жрица Опара, хорошо знает, что будет, если ее люди осмелятся посягнуть на народ, который я отныне считаю своим. И правители города отлично помнят, что я могу не только исцелять, но и карать!

Все вокруг испуганно зашевелились, когда дым над огнем вдруг стал принимать причудливые и зловещие очертания. Чувствуя грозную силу, наполнившую воздух, как жар костра, Тарзан подумал, что обитатели города мертвых будут последними глупцами, если рискнут бросить вызов мощи, которой обладает эта невысокая черноволосая женщина.

Напряженное молчание нарушил Джек Арно.

— Исцеляешь ты и вправду удивительно, — с глубокой благодарностью сказал он, взглянув на свою левую руку, с которой почти исчезли шрамы от когтей пантеры. — Как ты это делаешь, Лао?

— Хотя я больше не жрица Опара, я не могу открывать секреты искусства, передающиеся в моем роду от матери к дочери! — заявила жена вождя. — Но когда у меня родится дочь, я научу ее всему, что знаю сама. Жаль, Лэ так и не поймет, чего лишилась, отказавшись вместе со мной покинуть город...

— Лао... А видения, которые ты посылаешь во время обряда врачевания... — осторожно заговорил Тарзан.

— Я не посылаю видений, — покачала головой бывшая жрица. — Магия врачевания сама заставляет человека видеть то, что обычно сокрыто от взора людей.

— Но эти картины — пророческие?

— Я не знаю, что ты видел, когда вдохнул дым ната-маки, — Лао пристально посмотрела на человека-обезьяну, — и не могу сказать, было ли твое видение вещим, произошло ли оно в прошлом или еще случится в будущем. Будет лучше, если ты станешь считать это просто сном. Согласись, во сне мы порой видим то, что и в самом деле потом происходит — но пока событие не случится, нельзя узнать, было ли сновидение пророческим или нет.

Тарзан мрачно кивнул.

Для собственного спокойствия ему и впрямь было лучше считать все увиденное в хижине сном. Конечно же, это было сном — пустым порождением дыма ната-маки! Ибо откуда в древнем городе в дебрях африканских джунглей могла появиться Джейн Портер?!

XXX. Жертва

Очнувшись, Джейн обнаружила, что лежит на незнакомой поляне.

Должно быть, ее обморок длился долго, потому что уже сгустилась ночь. Посреди поляны ярко горел большой костер, а вокруг него...

Джейн на минуту закрыла глаза, отказываясь верить в реальность чудовищ, сидящих возле огня всего в нескольких шагах от нее.

Это были не обезьяны и не люди, а какая-то невообразимая карикатура на то и другое. Их тела и лица покрывала густая черная шерсть, как у обезьян, но на голове росли длинные человеческие волосы. Плоские лица имели скорее человеческие черты, но короткие кривые ноги уродцев походили на обезьяньи, так же как и длинные руки... Однако на руках и ногах у них посверкивали золотые браслеты, а рядом лежали дубинки и копья.

Сгрудившись вокруг висящего на огне котелка, уроды палочками выуживали оттуда куски мяса и пожирали их, чавкая и вытирая ладонями слюнявые морды.

Несколько минут Джейн в оцепенении смотрела на эту невероятную картину; потом, видя, что никто не обращает на нее внимания, попыталась бежать. Но стоило пленнице приподняться, как ближайший монстр мигом очутился рядом с ней, и, ухватив длинной рукой за плечо, швырнул на траву.

Девушка сжалась и закрыла лицо руками, приготовившись к худшему...

Громкий хохот заставил ее опустить руки — уроды показывали на нее пальцами и строили рожи, потешаясь над ее испугом.

От страха у Джейн кружилась голова, но она села и гордо подняла голову, гневно глядя в кривляющиеся вокруг отвратительные лица. Нет, она не покажет своей слабости перед этими мерзкими существами, больше похожими на зверей, чем на людей!

Скоро уродцам наскучило забавляться; один из них выудил из котла кусок мяса и швырнул его к ногам пленницы.

При виде этого дымящегося куска измученная долгим недоеданием девушка забыла все свое достоинство, всю свою гордость. Она схватила горячее мясо и стала пожирать его так жадно, как не

пожирали свою пищу даже ее волосатые похитители. Давясь, она старалась побыстрее проглотить полусырые волокна, в страхе, что у нее отнимут эту восхитительную еду, которая еще месяц назад вызвала бы у нее только отвращение.

А волосатые уроды хохотали и тыкали в нее пальцами, как если бы она была диковинной игрушкой.

Потом зверолюди повалились спать, связав Джейн руки и ноги, а едва рассвело, развязали свою пленницу, подняли и повели через лес, подгоняя тычками.

Они шли много дней — то густым лесом, то шлепая по руслам узких ручьев.

Башмаки Джейн совсем развалились, она шла босиком, с трудом переставляя окровавленные ноги. Платье, и прежде бывшее в печальном состоянии, превратилось теперь в жалкие лохмотья, почти не прикрывавшие тело и ничуть не спасавшие от колючек кустарников, на которые не обращали внимания покрытые шерстью зверолюди.

Если девушка спотыкалась и падала, ее заставляли подняться пинками и ударами волосатых кулаков.

Дни слились для Джейн Портер в один бесконечный день, и ее силы поддерживало лишь странное ощущение, что этот мучительный путь приближает ее к Тарзану. Откуда взялось подобное ощущение, Джейн не могла сказать, да и не задумывалась об этом. Страшная усталость давно изгнала из ее головы все мысли, и она могла лишь тупо переставлять ноги, пока ее похитители не останавливались на привал и ей не разрешалось лечь.

В последние дни от изнеможения она не могла даже есть, и наконец дошла до такого состояния, что ни побоями, ни бранью уже нельзя было заставить ее подняться на ноги. Поруганная природа мстила за себя, положив предел выносливости.

Полузвери обступили девушку, осыпая ударами и пинками, но Джейн продолжала лежать, закрыв глаза, моля смерть-избавительницу поскорей прекратить ее мучения.

Однако смерть не торопилась.

Убедившись, что их жертва и впрямь не может больше идти, зверолюди связали грубые носилки из веток, бросили пленницу на них и понесли дальше.

Вечером того же дня в лучах заходящего солнца впереди показались стены величественного города, стоящего на обрывистом скалистом холме.

Но Джейн была так слаба и больна, что нисколько не заинтересовалась удивительным зрелищем. Она лишь изредка приоткрывала глаза, когда ее тащили длинным подземным ходом, окончившимся между двух высоких стен, а после несли по полуразрушенным улицам странного города. Там бродили такие же полуобезьяны-полулюди, как те, что тащили ее; но в комнатах мрачного огромного здания навстречу ее похитителям вышли люди — причудливо одетые и причесанные женщины и мужчины.

При виде них Джейн Портер впервые попробовала приподнять голову, и слабый лучик надежды загорелся в ее душе.

Но люди, перебросившись с волосатыми уродами несколькими фразами и осмотрев лежащую на носилках девушку, не проявили никакой жалости и участия. Стало ясно, что от них бесполезно ждать помощи и защиты. Джейн снова закрыла глаза и отдалась на волю судьбы.

Ее принесли в просторную комнату с прорубленными высоко под потолком окнами. Посреди комнаты находился круглый бассейн с прозрачной чистой водой.

Поставив носилки на пол рядом с бассейном, зверолюди вышли, хихикая и что-то радостно лопоча, а двое дюжих жрецов, оставшихся рядом с пленной, стали быстро снимать с нее полусгнившие лохмотья.

Это победило тупое равнодушие Джейн — но напрасно она отталкивала от себя руки раздевающих ее мужчин, вырывалась и жалобно кричала. Жрецы, много раз готовившие к обряду и более сильные жертвы, без труда справились со слабой истощенной девушкой, как она ни билась и ни кусалась. Один крепко схватил ее за волосы, другой — за талию, и, бросив грязное, покрытое засохшей кровью и болячками существо в бассейн, мужчины стали энергично отмывать его, как отмывали бы запаршивевшего щенка.

Под конец этой процедуры девушка уже не сопротивлялась. Ее вытащили из воды и облачили в длинное одеяние из тонкой ткани. Потом отнесли в маленькую комнатку, где положили на покрытую одеялами лежанку. Рядом с жертвой поставили воду и пищу, но она не притронулась ни к чему.

Едва ли Джейн сознавала, где она и что с ней; глядя широко раскрытыми глазами в потолок, она в бреду шептала одно и то же имя.

Присматривающие за ней жрецы сочли, что это имя бога, почитаемого в стране, откуда родом эта чахлая светловолосая девушка. Но как бы удивились служители Древних Богов, если б узнали, что в данный момент бог, которого призывает их пленница, находится всего в нескольких милях от них и беседует с бывшей верховной жрицей Опара — отступницей и беглянкой, осмелившейся смешать свою древнюю кровь с кровью черного человека!

XXXI. В деревне Човамби

Благодаря удивительному искусству Лао Тарзан и Арно уже на пятый день чувствовали себя такими же здоровыми, как до стычки с крокодилами.

Врачевательница ежедневно натирала их загадочными мазями и пила настоями из трав, неизвестных даже Тарзану. Некоторые из настоев человек-обезьяна наотрез отказывался пить, потому что от них пахло спиртным, а Джек, который не имел ничего против запаха алкоголя, говорил, что в сравнении с этими снадобьями даже свежая лава показалась бы холодноватой.

Тарзану не терпелось снова пуститься в путь, но Лао велела белым людям остаться в деревне до полной луны, и человек-обезьяна подчинился, не желая обидеть женщину, спасшую ему жизнь. Впрочем, ждать оставалось уже недолго, а гостить в селении Човамби было приятно.

Тарзан охотился вместе с воинами вождя, поражая всех своей силой и способностью легко, как белка, прыгать по деревьям. Ребятишки с разинутыми ртами ходили за черноволосым богатырем, рассказывая друг другу истории о его подвигах — сражении с каннибалами, убийстве пантеры-людоеда и битве с чудовищным крокодиллом. Скупые ответы человека-обезьяны на вопросы Човамби превращались в устах здешней детворы в эпические поэмы вроде «Илиады» и «Одиссеи».

Больше остальных был поражен способностями Тарзана светлокожий двенадцатилетний Лакоми, который упорно пытался научиться лазать и скакать по деревьям так же ловко, как это делал воспитанник Калы. Гибкий русоволосый сероглазый мальчишка не ведал страха перед высотой, несколько раз человек-обезьяна подхватывал его в последний миг, когда подросток летел вниз с оборвавшейся лианы или сломавшейся ветки.

Човамби рассказал Тарзану, что отцом Лакоми был белый авантюрист, охотник за слоновой костью, а мать мальчика — изгнанная своим племенем полукровка — погибла по дороге в эти края. Лакоми явно унаследовал от отца не только цвет кожи, волос и глаз, но и его

бесстрашие и предприимчивость. Лесной богатырь не знал, как сладить с этим чертенком, пытающимся свернуть себе шею на каждом высоком дереве в окрестных джунглях.

К счастью, вскоре внимание Лакоми невольно отвлек Арно.

Лекарства Лао настолько залечили пострадавшую в стычке с пантерой левую руку Джека, что, желая полностью прийти в форму, Арно начал вести «бои с тенью», очень забавлявшие жителей деревни. Подданные Човамби понятия не имели о боксе, и наконец самый высокий из воинов, Бузули, вызвал белого помериться силой.

Посмотреть на дружеское состязание собралась вся деревня. Все заранее сочувствовали другу Тарзана: Бузули мог завалить в одиночку даже крупную антилопу бонго, где уж худощавому белому юноше справиться с таким богатырем! Наверняка их поединок не продлится и двух минут...

Так и случилось.

Не прошло и двух минут, как могучий охотник шлепнулся на землю, широко разевая рот в напрасной попытке вдохнуть после нескольких молниеносных ударов по ребрам. Джек похлопал его по спине и спросил, отдышитесь ли он сам или послать за Лао?

Бузули отдышался сам, а Лакоми после этого начал ходить по пятам за Джеком, горя желанием научиться драться так, как дерутся белые люди.

Но Арно предложил мальчику развлечение получше.

Взяв длинную прочную веревку и завязав на ее конце скользящую петлю, он показал Лакоми, как можно накинуть лассо на столб, вкопанный в землю в тридцати шагах. Мальчишка визжал от восторга, и даже Тарзан заинтересовался этим упражнением.

Человек-обезьяна с детства тренировался с веревочной петлей, но никогда не пробовал бросать ее на такое расстояние — обычно он ловил добычу с деревьев, вздергивая ее кверху. Теперь Тарзан испробовал новый способ, и некоторое время они с Лакоми нетерпеливо отбирали друг у друга лассо, раз за разом повторяя свои все более удачные попытки.

— Это еще так, детские игры, — сказал Арно. — Вот мой кузен Нед может набросить петлю на горлышко бутылки, поставив ее в сорока шагах! А за то время, какое нужно, чтобы закурить сигарету, он может заарканить, повалить и связать годовалого бычка. Теперь у меня

впереди уйма свободного времени, и когда мы вернемся в Америку, я, наверное, проживу пару-другую месяцев на ферме Неда в Огайо. Если как следует потренируюсь, пожалуй, стану заправским ковбоем; а там, глядишь, начну и сам разводить скот...

Наконец белые собрались продолжить путь.

Люди Човамби соорудили для них новый плот, еще прочней предыдущего, а Тарзан выудил со дна реки ружья и патроны, которые, к счастью, находились в крепко завязанном кожаном мешке и не пострадали от влаги.

Всеми остальными вещами путников заново снабдили жители поселка; лишь штаны Арно, залатанные вдоль и поперек, да его крепкие охотничьи башмаки продолжали верой-правдой служить своему владельцу. Зато вместо рубашки, изодранной крокодилом, женщины поселка Човамби сшили ему пару новых.

Напоследок на плот погрузили мягкие шкуры и одеяла, и Лао вручила белым людям несколько сосудов с целебными настоями и мазями.

— Я не пытаюсь отговорить вас от попытки отправиться за золотом Опара, — сказала врачевательница, — потому что знаю: вы все равно сделаете то, что задумали. Теперь я не считаю народ Опара своим и готова рассказать, где жрецы хранят богатства, собранные нашими предками на протяжении многих поколений. Но взамен прошу одного — если завяжется битва, не отнимайте жизнь у моей младшей сестры Лэ! Вы легко узнаете ее, у нее черные волосы и серые глаза, как у меня, а на лбу три небольшие родинки, расположенные треугольником...

— Клянусь, ни один волос не упадет с головы твоей сестры! — торжественно пообещал Тарзан из племени обезьян.

— Древние Боги слышали твои слова! — так же торжественно отозвалась бывшая верховная жрица Опара. — А теперь я расскажу вам, как добраться до желтого металла, лежащего в сокровищнице города мертвых...

Рано утром, едва туман рассеялся над водой, жители деревни вышли к реке провожать Тарзана и его друга. Лакоми рвался отправиться с ними, и лишь строгое приказание вождя и еще более

грозный окрик Тарзана остановили мальчика, вознамерившегося пуститься вплавь за плотом.

Лакоми остался стоять на берегу рядом с Човамби и его женой, провожая плот горестным взглядом, в Лао громко крикнула вдогонку белым людям:

— Помните о своем обещании! Разружьте хоть до основания стены Опара, но если кровь Лэ прольется на камни этого города, даже все золото мира не спасет вас от мести Древних Богов!

XXXII. Жажда

Лэ, верховная жрица Опара, недовольно смотрела на девушку, предназначенную в жертву Древним Богам.

Приближалась середина месяца Синего Солнца, наиболее благоприятного для человеческих жертвоприношений — а светловолосая девушка по-прежнему лежала на постели, безучастная ко всему, кроме воды. Ее лихорадка прошла, по силы не возвращались, а израненные ноги не заживали...

Было ясно, что в таком состоянии пленница вряд ли сможет прийти до алтаря, как того требовал обычай. Если же ее принести в жертвенный зал на руках, кровь такого слабого создания будет негодна богам.

— Вы кормите ее, как я приказала? — гневно спросила Лэ низших жрецов, стоявших рядом.

— Да, великая. Сначала мы запихивали еду ей в рот, потом она стала есть сама. Она ест немного, но вполне достаточно, чтобы подняться на ноги... По-моему, она просто притворяется! — жрец гневно взглянул на девушку, из-за упрямства которой ему грозило суровое наказание.

— Вот как? Что ж, ей придется встать! — бросила Лэ. — Продолжайте кормить пленницу, но пить не давайте. Поставьте чашку с водой на середину комнаты — когда захочет, пусть достанет воду сама.

— Да, о великая! — быстро ответил мужчина, придя в восторг перед мудростью жрицы.

— Да позаботьтесь, чтобы пища была соленой!

Лэ в последний раз холодно посмотрела на бледную белокурую девушку и вышла из комнаты.

Джейн терпела весь день, но наконец попросила у своих тюремщиков дать ей напиток. С тем же успехом она могла бы обращаться к каменным стенам этой комнаты!

Жрец поставил чашку с водой в десяти шагах от постели и вышел, заперев за собой дверь. Девушка долго лежала, не сводя глаз с

вожделенной чашки. От жажды у нее мутилось в голове, во рту горело, как тогда, когда она покачивалась в шлюпке посреди океана. Но ведь там просто неоткуда было взять воду, тогда как здесь...

Джейн приподнялась и тут же снова откинулась на одеяла — стены комнаты завертелись вокруг нее. Она попыталась снова, потом еще раз, кое-как слезла с лежанки... Встала на четвереньки и поползла по каменному полу, даже не пытаясь подняться на ноги. Добравшись до чашки, она стала пить, как пьют звери, захлебываясь от жадности, и только под конец взяла сосуд в руки.

Выпив все до капли, Джейн легла, свернувшись калачиком, не имея сил на обратный путь. Но наконец холод заставил ее зашевелиться — и, с трудом дотащившись до постели, она забилась под одеяла.

Наутро жрец обнаружил на полу пустую чашку и радостно побежал сообщить Великой, что ее хитрость удалась. Не пройдет и нескольких дней, как пленница будет ходить, можно в этом поклясться! Древние Боги останутся довольны жертвой — вот уже много десятков лет на их алтарь не возлагали белого человека!

Когда Клейтон понял, что Джейн пропала, он заставил себя покинуть хижину и отправился в джунгли на розыски.

До самой ночи англичанин бродил в прибрежных зарослях в поисках девушки или ее следов. Один раз он прошел мимо дерева, под которым Джейн пряталась от Тюрана, но не заметил следов похитивших ее зверолодей — следов, которые Тарзан увидел бы так же ясно, как указатель на городском перекрестке.

Клейтон громко звал Джейн до тех пор, пока не привлек внимание льва. В последний миг Уильям успел взобраться на дерево и просидел там всю ночь, потому что Нума время от времени порывивал в чаще.

На рассвете, когда зверь ушел, Клейтон с трудом спустился с дерева и, дойдя до зарослей «кошачьего когтя», вдруг заметил на сучке лоскут от платья Джейн, а рядом — лужу крови. Лоскуток оторвался от одежды пленницы зверолодей, когда ее тащили сквозь кусты, а кровь принадлежала антилопе, которую лев задрал этой ночью — но Клейтон мгновенно решил, что Джейн Портер стала жертвой ужасного хищника.

Бесконечно долго он стоял, оцепенев от безраздельного горя, потом выронил лоскуток, который сжимал в руке, и побрел к берегу.

Он не сомневался, что Джейн нет в живых, и не хотел видеть то, что осталось от ее растерзанного тела.

Дотащившись до хижины, Клейтон свалился в лихорадке, с которой больше не пытался бороться. К чему пытаться победить болезнь, если девушка, которую он любил, погибла... Погибла по его вине! Он был плохим защитником и стал бы никудышным мужем, она правильно сделала, что отказалась стать его женой!

Клейтон метался в бреду на жалкой травяной постели, а русский злорадно наблюдал за ним, даже не пытаясь предложить больному еду и воду. Пищи англичанин все равно не тронул бы, но жажда превращалась для него в настоящую пытку. Между двумя приступами бреда он умудрялся кое-как дотаскиваться до источника, но боялся оставаться там — в таком состоянии он стал бы легкой жертвой для любого хищника. Уильяма больше не страшила смерть, но мысль о гибели в пасти зверя внушала ему непреодолимое отвращение.

Наконец Клейтон ослабел настолько, что уже не смог спуститься из шалаша. Целый день он промучился без воды, но наконец не выдержал и попросил Рокова принести ему напиток.

Русский молча слез по приставной лестнице и вскоре вернулся с кружкой в руках.

— Вот ваша вода, — отвратительно ухмыляясь, проговорил он. — Но сначала извинитесь передо мной за то, что вы постоянно унижали меня и не давали дотронуться до сучки, которая, по правде сказать, не годится даже для самого низкопробного парижского борделя...

— Заткнитесь! — прохрипел Клейтон. — Не смейте оскорблять девушку, которую я любил! Вы недостойны были дышать одним воздухом с Джейн Портер, а я... Боже, лучше бы я дал вам сдохнуть тогда в шлюпке — мир был бы чище сейчас!

— Вот ваша вода! — крикнул русский.

С этими словами он поднес кружку к губам и начал медленно пить. Остаток Роков выплеснул на пол и засмеялся.

— Будьте вы трижды прокляты... — прошептал Уильям Клейтон и закрыл глаза.

XXXIII. Опар

Тарзан и Арно смотрели на почти отвесные скалы, над которыми высились стены города Опар.

Они только что вскарабкались на покрытый редкими деревьями холм, дальше же начиналась иссеченная трещинами скала, уходящая на четыреста футов в высоту...

— Ты уверен, что это то самое место, о котором говорила Лао? — наконец нарушил молчание Джек.

— Да.

— Тот единственный путь, которым можно проникнуть в Опар? — уточнил Арно.

— Да, если не считать подземного хода, которым бежала сама Лао. Но мы вряд ли сможем его найти, не говоря уж о том, чтобы убедить стражей отворить нам восемь дверей. Поэтому остается взобраться в город по этой скале... Что, по-моему, будет не так уж трудно!

— Не так уж труд...

Взгляд Арно скользнул по вздымающейся над ними каменной громаде — от трещины к трещине, от одного выступа к другому — до тех пор, пока не уперся в козырек, нависающий у основания городских стен... Джек передернул плечами, отвернулся и начал спускаться с холма.

— Пошли отсюда! Мы совершили неплохую прогулку, но теперь мне ясно, почему за несколько тысячелетий Опар не взяли враги. Лучше уж сесть в долговую тюрьму, чем...

Джек обернулся и резко замолчал: человек-обезьяна висел на скале в десяти футах над землей и быстро лез выше.

— Тарзан! Вернись, черт тебя побери!

Приемыш гориллы подтянулся, уцепился за почти незаметную выбоину и поднялся еще на фут.

Его пальцы без труда находили опору, на которой можно было раскачаться и сделать очередной рывок, и вскоре он забрался так высоко, что Арно отвернулся, не в силах смотреть, как его друг висит над стофутовой бездной.

Спустя целую вечность он все же отважился взглянуть: Тарзан уже подобрался к козырьку на самой вершине скалы. В следующий миг человек-обезьяна перебросился через этот карниз, и Арно наконец-то смог перевести дух.

Но приемыш гориллы, даже не подумав отдохнуть, тут же начал карабкаться на стену Опара. Он двигался по ней так же проворно, как по скале, вскоре добрался до верха, закрепил веревку на крепостном зубце и исчез, соскользнув на другую сторону.

Арно глубоко вдохнул, медленно выдохнул — и начал методично и скурпулезно проклинать город Опар и его сокровища; свою алчность и боязнь высоты; коварство народа, набившего подвалы грудами желтого металла на соблазн таким идиотам, как он; Древних Богов, обожающих человеческие жертвы, а также зверолодей и кровожадных жрецов, среди которых сейчас бродит его друг...

Уже очень давно никто не заботился о домах, мимо которых шел Тарзан. Стены оплетали ползучие растения, которые могли виться, где им вздумается; из щелей потрескавшихся фундаментов росли побеги бамбука; кое-где корни больших деревьев умудрились раздвинуть каменные глыбы стен. Джунгли и дома на улицах этого города существовали бок о бок в упорной медленной борьбе, и когда-нибудь поле боя в этом сражении неизбежно должно было остаться за джунглями. Лес медленно и упорно отвоевывал фут за футом у зданий, созданных искусством древних мастеров.

Рано или поздно эти дома затянет зеленая чаща, но пока они все-таки скорее напоминали жилища людей, чем логова зверей.

Однако самих людей Тарзан пока здесь не видел.

Если, конечно, не считать людьми тех отвратительных созданий, о которых рассказывала Лао — потомков смешанных браков человека и обезьян. Уродцы выходили из домов и скрывались в них, неуклюже карабкались на плодовые деревья и сидели на корточках на полускрытых травой каменных ступенях.

Эти твари, унаследовавшие худшие черты обеих рас, не отличались чуткостью обезьян и наблюдательностью людей, поэтому Тарзану удавалось передвигаться среди деревьев и полуразрушенных домов, без труда минуя зверолодей — так, как если бы был для них невидимкой.

Наконец он увидел впереди массивное строение с куполообразной крышей, ухоженное гораздо лучше остальных, с очищенными от травы ступенями. Тарзан понял, что это и есть храм Древних Богов, о котором говорила Лао.

К ступеням вела дорожка, окаймленная двумя рядами высоких каменных столбов, каждое из которых увенчивала каменная скульптура крылатого зверя.

Чуткий и собранный, бесшумно ступая босыми ногами по каменным плитам, Тарзан вошел в здание, как вступил бы в логово льва. Он оказался в длинном коридоре с украшенными барельефами стенами — немymi свидетелями искусства древних мастеров. Да, о храме заботились больше, чем о всех остальных зданиях города, однако в потолке зияли пробоины, в которые свешивались плети ползучих растений.

Коридор вел в большую пустую комнату; здесь на стенах красовались доски из золота, испещренные какими-то непонятными письменами. Дальше следовали анфиладой пять других пустых безлюдных залов... А потом здание разделилось на два крыла.

Человек-обезьяна, не задумываясь, свернул направо.

Его окружало столько интересных и загадочных вещей, что порой он забывал о цели своего визита, рассматривая изображения неведомых зверей и битв; причудливую мозаику пола; огромные круглые очаги; фигурные фризы из синего стекла...

И повсюду человек-обезьяна видел многочисленные подтверждения слухов о сказочном богатстве хозяев Опара: так, в одной комнате высились золотые колонны, в другой золотом были инкрустированы стены...

Но ни разу Тарзан не встретил хозяев этого храма.

Нельзя сказать, чтобы он мечтал о подобной встрече, однако такое безлюдье держало его в постоянном напряжении. Человек-обезьяна всегда предпочитал знать, где находится его противник, но пока единственными стражами здешних богатств казались скульптуры фантастических крылатых зверей.

Он прошел еще пять комнат... И вдруг его слуха коснулся странный звук, заставивший воспитанника гориллы мгновенно нырнуть за одну из колонн.

По пустым комнатам полузаброшенного храма пронеслось монотонное унылое пение, как будто сами стены вдруг начали жаловаться на одиночество. С минуту Тарзан колебался, но любопытство взяло верх над осторожностью, и он начал красться туда, откуда звучал многоголосый напев на незнакомом языке.

Бесшумней пантеры вошел он в очередной пустой зал, вдоль разбитых стен которого тянулась каменная галерея.

Пение раздавалось из следующей комнаты.

Человек-обезьяна быстро вскарабкался на галерею, нырнул в пролом стене и очутился прямо над головами певцов.

Он бесшумно лег, укрывшись за каменным ограждением, оплетенным вьюнками. Сквозь пробитый потолок в верхнюю часть зала исподволь прокрадывались джунгли, но его нижняя часть содержалась в порядке и чистоте.

Там, внизу, на сверкающем каменном полу стояли двумя рядами мужчины и женщины в просторных белых одеждах, с золотыми чашами в руках, и тянули торжественно-однообразный мотив.

Лица этих людей никак нельзя было назвать привлекательными: бледная нездоровая кожа, тусклые волосы, узкие лбы и скошенные подбородки говорили о том, что много поколений близкородственных браков привели к вырождению некогда великой расы, создавшей величественный храм и другие здания Опара. Только несколько женщин сохранили некоторую миловидность; а самую молодую из них, стоявшую возле черного каменного алтаря, можно было даже назвать красивой...

Вдруг Тарзан вздрогнул и приподнялся: на лбу этой высокой черноволосой красавицы, одетой в леопардовую шкуру, чернели расположенные треугольником три крупные родинки.

То была Лэ, младшая сестра целительницы Лао! Но минуту спустя другое открытие заставило неистово заколотиться сердце человека-обезьяны: когда верховная жрица вытащила из-за пояса нож, он узнал в ней женщину из своего видения, направлявшую клинок в сердце распростертой на алтаре Джейн Портер!

Задыхнувшись, человек-обезьяна быстро посмотрел туда, куда устремились взоры всех мужчин и женщин: нет, в дверь комнаты вводили не светловолосую девушку, а быка из породы круторогих гигантов, пасущихся в джунглях возле туземных деревень.

Обычай требовал, чтобы за день до человеческого жертвоприношения на алтарь пролилась звериная кровь: тогда боги, войдя во вкус, благосклоннее примут кровь человека.

Лэ, верховная жрица Опара, ждала, когда быка подведут к алтарю и оглушат ударом дубины. После этого она острым ножом взрежет ему горло, и жрецы подставят золотые чаши под дымящуюся алую струю.

До сих пор Лэ еще ни разу не возглавляла жертвоприношения крупных животных, эту обязанность всегда выполняла ее старшая сестра Лао. Пока двое жрецов вели к алтарю черного остророгого великана, девушка старалась придать своему лицу торжественно-гордое выражение, какое всегда видела в таких случаях на лице сестры — но сердце Лэ колотилось очень быстро, и нож слегка подрагивал в ее руке.

Одурманенный дымом наркотика бык шел медленно и покорно, ходульно передвигая ноги.

С высокомерным видом Лэ ждала, когда самый сильный из жрецов обрушит на рогатую крутолобую голову окованную золотом дубину...

И тут случилось то, что иногда случается при подобных церемониях и чего в глубине души так боялась Лэ: в нескольких шагах от алтаря одурманенный бык вдруг мотнул головой, замычал и вырвался из рук ведущих его жрецов.

Действие наркотика кончилось, и громадный зверь с ревом бросился на окружающих его людей.

В считанные секунды трое из них были превращены в кровавые ключья копытами и рогами разъяренного чудовища; остальные метались по залу, пытаясь укрыться среди колонн. Верховная жрица, забыв про свое достоинство и высокий сан, с жалким криком бросилась к двери, но бык преградил ей дорогу и заставил попятиться в угол комнаты.

В ужасе Лэ отступала перед уставившимся на нее багровыми глазами быком — отступала до тех пор, пока не уткнулась спиной в угол. Дальше пятиться было некуда.

Бык фыркнул, копнул копытом каменный пол, как копал обычно землю перед атакой, и склонил голову с острыми окровавленными рогами.

Лэ упала на колени и вознесла молитву Древним Богам, отлично сознавая, что эта молитва будет самой короткой и последней в ее

жизни.

Однако еще никогда боги не откликались на молитву так быстро!

В следующий миг на спину чудовищу откуда-то сверху спрыгнул загорелый мускулистый гигант в одной набедренной повязке, с висящим у пояса ножом.

Бешеный рев оскорбленного зверя пронесся по комнате, отразившись эхом от колонн и высокого потолка. Бык заметался, пытаясь скинуть с себя наездника, но великан крепко держался за его рога, отгибая крутолобую голову к правой лопатке. Лэ, онемев, смотрела на эту невероятную битву: на то, как вздувались мускулы на руках могучего черноволосого человека, на то, как животное, уступая его усилиям, все больше слабело, на то, как кончик правого рога коснулся лопатки быка...

С резким хрустом шея животного сломалась, а силач, по-кошачьи мягко соскочив с рухнувшего на пол монстра, запрокинул голову и издал кошмарный, душераздирающий крик, от которого едва не рухнули остатки каменной галлерей!

Несколько минут жрецы в оцепенении смотрели на мертвого быка и на его победителя...

А потом разом бросились на человека, только что спасшего от верной смерти верховную жрицу Опара.

Тарзан повернулся к новым противникам, как разъяренный лев. Первых повисших на нем мужчин он расшвырял с такой силой, что трое из них, стукнувшись о колонны, остались лежать без памяти. Но их место тотчас заняли новые, а в дверь вбегали все новые люди и бросались в свалку. И все-таки жрецам никогда бы не удалось справиться с Тарзаном, если бы один из них, улучив удобный миг, не ударил великана окованной золотом дубиной по голове.

Этот жрец двадцать лет оглушал животных у алтаря, и его удар свалил человека-обезьяну, как жертвенного быка. Ноги Тарзана подкосились, и он рухнул в нескольких шагах от громадного зверя, которого только что убил.

XXXIV. Роков — жертва злой судьбы

Николай Роков решил отправиться вдоль берега на север, рассчитывая рано или поздно наткнуться на поселения белых людей; хуже, чем здесь, быть не могло, а бред умирающего англичанина действовал ему на нервы.

Роков убил бы беспомощного больного перед уходом, если бы его не удержала мысль, что это будет для Клейтона благодеянием.

Пустившись в путь на рассвете, к закату русский увидел впереди маленькую хижину и преисполнился надежды при виде человеческого жилья. Но хижина оказалась пустой. Он провел в ней пару дней, а потом, забрав оттуда все, что можно, снова двинулся на север.

Тем временем в лагере лорда Теннингтона люди укрепляли дома в ожидании периода зимних дождей и обсуждали, стоит ли послать кого-нибудь на север за помощью или лучше дожидаться конца зимы и тогда тронуться в путь всем вместе.

Элоиза Стронг продолжала горевать о Джейн Портер, хотя утешения Теннингтона помогали ей не отчаиваться.

— Надеемся на лучшее, — убеждал молодой человек. — Я знаю, у вас достаточно мужества, чтобы не терять надежду! Конечно, когда наша четвертая шлюпка затерялась в океане, вы потеряли больше, чем остальные, и все-таки...

— Да, — со вздохом проговорила она, — я не могла бы любить Джейн Портер сильнее, даже будь она моей родной сестрой.

— Я имел в виду не только мисс Портер, — впервые не выдержал Теннингтон.

Элоиза с удивлением посмотрела на него.

— Конечно, я очень уважала мистера Клейтона, хотя и знала его недолго... Как я благодарна вам, мистер Теннингтон! Вы все время утешаете меня, а ведь и ваше горе не меньше моего. Наверняка потеря друга причиняет вам такую же боль, как мне — потеря Джейн Портер...

— А потеря мсье Тюрана? — выпалил молодой человек. — Разве она не была для вас тяжелым ударом?

Во взгляде мисс Стронг появилось еще большее недоумение; потом она улыбнулась и покачала головой.

— Общество мсье Тюрана — последнее, о чем я жалею, находясь здесь, — ответила она.

Не только эти слова, но и взгляд, сопровождавший их, заставили быстро заколотиться сердце лорда Теннингтона.

— Мисс Стронг, вы имеете в виду... Вы...

«Давай же, сейчас или никогда!» — подбодрил себя несчастный влюбленный и, откашлявшись, приготовился единым духом высказать девушке все, что не решался сказать ей еще в Англии...

Как вдруг Элоиза, взглянув через его плечо, издала испуганный крик.

Теннингтон резко обернулся, схватившись за револьвер. Он был уверен, что мисс Стронг заметила подкрадывающегося к ним хищного зверя.

Но не зверь, а оборванный страшный человек показался из-за деревьев на мысе.

Англичанин вскинул револьвер...

И вдруг дикое существо окликнуло их по имени и со всех ног бросилось к ним. Потом дикарь назвал себя, и Джей Теннингтон с Элоизой Стронг побежали навстречу, с трудом веря своим ушам. Неужели это и впрямь тот, о ком они только что говорили — мсье Тюран?! Как же трудно узнать в этом грязном, изможденном, обросшем создании безукоризненного француза, который недавно изящно орудовал ножом и вилкой в салоне яхты «Леди Алисы»!

Подбежав к Тюрану, Элоиза и молодой англичанин засыпали его торопливыми вопросами. Откуда он взялся? Где остальные пассажиры с его шлюпки? Что с ними?

— Все погибли, — со слезами на глазах ответил Тюран. — Три матроса умерли от голода и жажды еще в море. Мисс Портер растерзал лев, и мы даже не нашли ее тела. Клейтон умер от лихорадки несколько дней назад. И подумать только, что все это время мы были на расстоянии всего нескольких миль от вас. Это ужасно, ужасно!

Теннингтон повернулся к страшно побледневшей Элоизке, и мисс Стронг, спрятав лицо у него на груди, отчаянно разрыдалась.

XXXV. Сокровища Опара

Тарзан очнулся от холода.

Шевельнувшись, он обнаружил, что лежит на каменном мокром полу и что в его щиколотки и запястья врезаются оковы, еще более холодные, чем пол.

Он сел и взялся рукой за голову, разламывающуюся от боли. На затылке вздулась огромная шишка, волосы слиплись от крови, но череп не был пробит.

Человек-обезьяна посмотрел на широкий металлический браслет на своей руке, потом на цепь, тянущуюся от него к стене: и браслет, и цепь посверкивали маслянистым желтым блеском. Тарзан попробовал браслет на зуб, прикусил одно из толстых звеньев...

Оковы на его руках и ногах были золотыми.

— Опар, где золота больше, чем камешков на речном дне... — пробормотал приемьш Калы и закрутил головой, осматривая комнату.

Она скорее напоминала заброшенный колодец, чем жилое помещение: абсолютно гладкие стены уходили вверх на сорок футов, заканчиваясь отверстием, забранным решеткой. Тарзан был почти уверен, что решетка тоже золотая.

По стенам маленькой комнаты стекала вода, скапливаясь лужицами на щербатом полу. Человек-обезьяна обхватил себя за плечи, чтобы согреться, потом попробовал встать, но натянувшаяся цепь не позволила ему выпрямиться во весь рост.

Если жители города Опар полагали, что подобные оковы могут удержать их могучего пленника, они жестоко ошибались. Приемьш гориллы однажды справился с кандалами из куда более крепкого металла и не сомневался, что сможет освободиться, как только окончательно придет в себя...

Он помотал головой, чтобы избавиться от звона в ушах — и услышал скрип петель открывающейся двери.

Человек-обезьяна пригнулся, готовый к драке.

Однако в комнату вошли не зверолоуды, не жрецы с дубинами и ножами, а стройная девушка в длинной белой одежде, перетянутой в

талии поясом из золотых звеньев, с ажурной золотой диадемой на черноволосой голове.

Лэ, верховная жрица Опара, и Тарзан из племени обезьян несколько секунд молча смотрели друг другу в глаза.

— Ты пришла поблагодарить меня за спасение от быка? — спросил человек-обезьяна на диалекте племен Западного Берега.

На этом своеобразном варианте французского он говорил с Лао и с народом Човамби и Вазири — но сероглазая девушка явно не поняла ни слова. Тарзан попробовал все остальные известные ему человеческие языки — безуспешно.

Лэ с любопытством рассматривала пленника, но не отвечала.

И вдруг из-за полураскрытой двери раздался голос, окликнувший жрицу на языке, знакомом Тарзану с детства — на языке его матери Калы, наречии лесных горилл. Резко обернувшись, девушка велела сунувшемуся за ней зверочеловеку удалиться, и тот сейчас же подчинился.

— Всегда ли мужчины вашего племени убегают при виде быка, оставляя женщину на растерзание зверю? — спросил человек-обезьяна.

Жрица вздрогнула и сделала шаг назад... Уж не ослышалась ли она?

Но нет, черноволосый гигант снова обратился к ней на языке обезьян:

— Я рад, что ты осталась цела. Не бойся меня, подойди!

— Кто ты? — прошептала Лэ, глядя на прикованного к стене пленника, который просил ее не бояться.

— Я — Тарзан. А тебя зовут Лэ, правда?

— Ты знаешь меня? Поэтому ты и спас мне жизнь?

— Я спас тебя потому, что в моем племени не принято бросать женщину в беде...

(Приемыш Калы говорил не «мужчина» и не «женщина», а «самец» и «самка», досадуя, что примитивный язык антропоидов не позволяет ему облекать мысли в подходящие слова).

— А еще я убил быка потому, что обещал твоей сестре Лао, что твоя кровь не прольется на камни Опара.

Вскрикнув, Лэ бросилась к Тарзану.

— Ты видел Лао? Когда?

— Три дня тому назад.

Лэ торопливо захлопнула дверь, вернулась к пленнику и начала забрасывать его вопросами, на которые тот едва успел отвечать.

Вскоре Тарзан понял, что в груди верховной жрицы идет жестокая борьба между привязанностью к сестре, объявленной в Опаре предательницей и вероотступницей, и преданностью догмам и нормам поведения, внушаемым девушке с детства.

Ум Лэ не уступал в живости уму ее старшей сестры, но в отличие от Лао нынешняя жрица не была бунтаркой. Разговаривая с Тарзаном, она то и дело оглядывалась на дверь, опасаясь, что кто-нибудь подслушает ее беседу с узником.

Наконец человек-обезьяна заговорил о том, что его больше всего интересовало:

— Ты выпустишь меня отсюда, Лао? Или крови быка мало, чтобы утолить жажду ваших богов?

Слово «боги» он произнес по-английски, ведь гориллы не имеют понятия о божествах.

Лэ опустила голову и долго молчала.

Тарзан не торопил ее, хотя потихоньку начал пробовать на прочность цепь своих кандалов.

— Я не смею тебя отпустить, — наконец проговорила верховная жрица. — Ты удивительный человек, такой человек, которого я всегда мечтала встретить. Я очень хочу, чтобы ты остался жив, и сделаю все, чтобы тебя не убили. Но это будет нелегко. Пока тебе придется остаться здесь, а я постараюсь придумать, как спасти тебе жизнь!

И, прежде чем Тарзан успел что-нибудь сказать, Лэ быстро вышла из комнаты и захлопнула дверь; было слышно, как заскрипели массивные засовы — один, другой, третий.

Человек-обезьяна трудился около пяти минут, прежде чем звенья золотой цепи лопнули. Эти усилия немного согрели его, и все же он продолжал дрожать и стучать зубами — в промозглой каменной клетке царил просто адский холод.

Тарзан подошел к двери и налег на нее плечом.

Он долго пытался вышибить или расшатать створки, однако ни одна из его попыток не увенчалась успехом; дверь как будто составляла единое целое со стеной.

Оставив дверь в покое, Тарзан посмотрел на далекую решетку на потолке, обошел всю камеру, ощупывая стены: в отличие от пола на них не было ни единой выбоины, ничего, за что могли бы ухватиться его цепкие пальцы. При всей своей невероятной ловкости выкормыш гориллы не смог бы подняться вверх по сорокафутовой гладкой стене.

Тарзан продолжал ходить по кругу, пытаясь согреться и в то же время лихорадочно обдумывая, как поступить. Он почти не надеялся, что Лэ уговорит других жрецов даровать ему жизнь. Но даже если и так — ему наверняка не вернут свободу! А прозябание взаперти, пусть даже в теплом помещении — это хуже, чем смерть...

Человеку-обезьяне все трудней становилось терпеть пытку холода, все сильнее давили на него каменные стены; он уже не ходил, а бегал, пока не споткнулся о кусок цепи, свисающий со вделанного в стену кольца.

Со злобным рыком Тарзан ухватил золотое кольцо толщиной в половину своего запястья и одним движением выдрал его из стены. Как ни странно, оно вылетело вместе с камнем, к которому крепилось, и в образовавшуюся дыру хлынула струя теплого воздуха. Человек-обезьяна несколько мгновений стоял, подставив руки под еле ощутимое, но восхитительное тепло; потом принялся бешено расшатывать камни рядом с отверстием.

Под его титаническими усилиями они подавались один за другим; вскоре дыра была уже такой, что Тарзан смог на всю длину просунуть в нее руку... И его пальцы не нащупали следующего слоя камней. Впереди была лишь пустота, наполненная теплом!

Человек-обезьяна энергично принялся расширять отверстие.

Вскоре он сумел просунуть в дыру голову и плечи и, извиваясь, как змея-Хиста, начал протискиваться вперед. Он надеялся, что окажется в соседней комнате, откуда сумеет найти выход, но, как ни нащупывал опору по ту сторону отверстия, его руки находили только пустоту. И в этой пустоте царила кромешная тьма.

Должно быть, пол находится намного ниже уровня дыры, — решил человек-обезьяна. Его туловище уже высунулось наружу по пояс, и, не желая больше торчать в таком дурацком положении, он резко перевесился вниз, чтобы все-таки опереться на невидимый пол...

Его ладони не встретили никакой опоры, и, вывалившись из дыры, Тарзан полетел в пустоту. Пол в этой комнате и впрямь был далеко

внизу, но пленник даже не предполагал, насколько далеко!

Ужасное падение в полной тьме длилось пять или шесть секунд, а потом пальцы Тарзана ухватились за край невидимого карниза. Только что узнику было холодно — теперь стало горячо, но он уже закинул колено за край каменного ограждения.

Хвала всем Древним Богам, за ограждением тоже была дыра!

Приемыш Калы втиснулся в отверстие, ободрав плечи и живот о неровности камня, и пополз вперед. Вскоре он понял, что попал в еще худшее положение, чем тогда, когда болтался над пропастью. Пробитый в стене ход был настолько узок, что Тарзан едва мог двигаться в нем, и вскоре на него навалилась дикая паника: он подумал, что вот-вот застрянет и останется замурованным заживо в этом темном тесном гробу.

Камни стискивали его со всех сторон, а человек-обезьяна продирался вперед, как безумный, не чувствуя, как шершавые глыбы сдирают кожу с его живота, груди и плеч. В смертельном ужасе, готовом погасить рассудок, Тарзан радовался только одному: что снял с груди пектораль, прежде чем отправиться в Опар. Будь на нем это украшение толщиной в двадцать книжных листов, он неминуемо бы застрял.

Но наконец, к его неопишуемому облегчению, туннель начал понемногу расширяться. Вскоре человек-обезьяна уже смог приподняться и долго стоял на коленях, тяжело дыша и наслаждаясь тем, что снова может более-менее свободно шевелиться.

Даже схватка с крокодилом вспоминалась ему сейчас с ностальгическим умилением: уж лучше утонуть или погибнуть от зубов водяного хищника, чем закончить жизнь погребенным в каменной толще!

Немного придя в себя, Тарзан пополз вперед на четвереньках и через десять футов встал, ощупывая в темноте расступившиеся стены. Это было похоже на заброшенную шахту. Нащупывая ногой пол каждый раз перед тем, как сделать шаг, беглец следовал изгибам каменной щели, совершенно не представляя, куда она может его вывести. Человек-обезьяна был рад уже тому, что снова стоит во весь рост и идет.

Прошло минут восемь или десять — и вдруг впереди мелькнул слабый свет, который показался Тарзану восхитительней сияния

жаркого солнца в зените. Забыв о всякой осторожности, он ускорил шаги, почти бегом завернул за угол...

И сразу уткнулся в решетку, за которой виднелась лестница, освещенная косыми солнечными лучами.

В сравнении с этими лучами решетка, сделанная из чистого золота, показалась Тарзану тусклой, ничего не стоящей безделушкой. К тому же она преграждала ему путь к свободе — поэтому человек-обезьяна с ненавистью вырвал ее и швырнул на лестницу.

В несколько прыжков Тарзан достиг верхней ступеньки и осторожно выглянул наружу: заброшенная улица казалась пустой и тихой. Путь был свободен, но перед тем, как покинуть здание, Тарзан на всякий случай оглянулся, чтобы убедиться, что сзади нет врагов...

Внизу, у подножья короткой лестницы, сверкала золотая дверь с изображением птицы с распростертыми крыльями. То был священный орел Армузд, сторожащий вход в сокровищницу Опара.

Несколько минут человек-обезьяна стоял неподвижно, глядя на эту дверь. Все его существо рвалось на волю — но разве мог он отказаться от цели, когда она была так близка?

Лесной богатырь начал медленно спускаться по лестнице.

Замок со сломанной дужкой глухо звякнул о камень ступеньки, и Тарзан из племени обезьян вступил в зал, в который на протяжении десяти тысячелетий не входил ни один человек, кроме жрецов Опара.

В ярком свете, струящемся из перечеркнутых решетками узких окон, блестели сложенные вдоль стен многослойные ряды прямоугольных золотых слитков — сотни, тысячи, тысячи тысяч тонн драгоценного металла, скопившегося в огромном зале на протяжении многих веков!

Тарзан, приемыш гориллы, широко раскрытыми глазами смотрел на сокровища Опара, рядом с которыми Голконда была просто маленькой шкатулкой с матушкиными драгоценностями.

Джек Арно не понимал, как человек — даже такой необыкновенный человек, как Тарзан — мог подняться по этой скале.

Сам он сумел залезть только на высоту тридцати футов и ни за что не смог бы объяснить, как ему это удалось. Зато он прекрасно знал, чем вскоре закончится его сумасшедший подъем — через минуту-другую его руки разожмутся, и он полетит спиной вперед к подножью

скалы, где, если повезет, сразу разmozжит себе череп, а если не повезет, сломает спину, ноги и все остальное, что нужно сломать, чтобы превратиться в беспомощного калеку.

Джек стиснул зубы и снова попробовал нашарить выше что-нибудь, за что можно было бы ухватиться. Но его пальцы неизменно натыкались на почти гладкий камень, и он опять вцепился в выбоину, на которой висел... Да, скорее висел, чем держался за нее, потому что ноги его опирались на выступ не шире трех пальцев. Продвинуться выше ему не удавалось, так же как и спуститься вниз — он загнал себя в безвыходную ловушку. И через пару минут, когда дрожащие от напряжения руки и ноги откажутся ему служить, он...

Вдруг что-то пролетело мимо Арно десятью футами правее и с треском ухнуло в кусты у подножья скалы. Обернуться и посмотреть, что это такое, Джек не мог — он прилип к камню, как пластырь. Его пальцы сводило от напряжения, пот заливал глаза, а усталость вот-вот должна была победить страх перед падением, и тогда...

— Держись! — раздался вдруг сверху голос Тарзана.

Еще никто и никогда не встречал голос свыше с таким радостным облегчением и с такой надеждой.

Арно не мог поднять голову, чтобы посмотреть на человека-обезьяну, но слышал, как маленькие камешки скатываются у того из-под ног... И наконец Тарзан возник рядом, повиснув на уступе, который до этого не смог нащупать Арно.

— Хватайся за меня! — велел Тарзан, подставляя плечо.

Но Арно не сразу воспользовался этим любезным приглашением, увидев кровь, текущую по ободранному плечу человека-обезьяны, и обрывок толстой золотой цепи, свисающий с золотого браслета на его запястье.

Мешки, найденные Тарзаном в сокровищнице Опара, оказались настолько прочны, что выдержали падение с пятисотфутовой высоты.

— Может, и не стоило так жадничать, — проворчал человек-обезьяна, выволакивая их из кустов. — С другой стороны, лучше было сразу взять больше, чем ходить по несколько раз...

Арно нетерпеливо развязал веревку — и издал невнятное восклицание при виде содержимого мешка.

— Боже мой!

Он вытащил один из слитков длиной в локоть и чуть не уронил его себе на ногу.

— Боже мой!

Джек начал шарить в мешке, не в силах поверить, что это объемистое вместилище набито точно такими же кирпичами из чистого золота.

— Боже мой!

Человек-обезьяна еще никогда не слышал, чтобы его друг выражался так скудно и однообразно.

— Боже мой! — простонал Джек, переводя ошалелый взгляд с раскрытого мешка на вторую — еще больший по объему.

— Этого хватит, чтобы расплатиться с твоими долгами? — осведомился Тарзан.

Арно медленно поднялся на ноги и опять чуть было не сел — человеку-обезьяне пришлось подхватить его под локоть.

— Этого хватит, чтобы купаться в роскоши несколько сотен лет! Боже мой!

— Постучать тебе по спине? — спросил Тарзан. — Похоже, ты подавился этими двумя словами.

Джек тронул золотой браслет на руке друга и снова воскликнул:

— Боже мой!

Человек-обезьяна махнул рукой, чуть не хлестнув при этом обрывком цепи Джека по уху, и нагнулся, чтобы завязать мешок.

К тому времени, как он справился с этим делом, Арно уже немного пришел в себя; он посмотрел на ободранную спину Тарзана, на золотые оковы на его руках и ногах — и вполголоса спросил:

— Как все было? Трудно пришлось?

— Проще простого, — гигант, чуть поморщившись, вскинул на плечо веревку, так что один мешок повис у него на спине, а другой на груди. — Не труднее, чем снять деньги со счета в любом из парижских банков!

Плот на три дюйма осел под тяжестью сокровища, сваленного на его середину. Любой из этих мешков мог бы запросто перевернуть легкое сооружение из бамбука, свали Тарзан свой груз на краю.

— Что-то не припомню, чтобы я когда-нибудь возвращался из банка с разбитой головой, — заметил Арно, смазывая рану на голове

Тарзана целебной мазью Лао. — И уж точно ни в одном из парижских банков мне не приходилось драться с быками!

— Не мог же я допустить, чтобы этот зверь растерзал сестру Лао, — Тарзан попытался лизнуть царапины у себя на груди.

— Не дергайся, — Джек принялся обрабатывать ссадины на спине приятеля. — И еще никогда в жизни я не видел воочию золотых оков! Нет, выражение «золотые путы», «золотые оковы» мне доводилось слышать не раз, но вот уж не надеялся когда-нибудь увидеть их воочию!

Тарзан что-то раздраженно проворчал, дергая цепь на руке. Он не разделял восторга Джека перед этой омерзительной вещью. Золотые или железные, кандалы есть кандалы — и они вызывали у него величайшее отвращение.

— Сумеешь их снять? — осведомился Арно.

— Конечно!

— И еще ни в одном из банков меня не свежевали заживо... Ты уверен, что за тобой нет погони?

— Думаю, они не скоро обнаружат, что кто-то побывал в их сокровищнице. Похоже, они спускаются за золотом только тогда, когда им требуется металл для отливки новых кандалов и кастрюль.

— Но Лэ и другие жрецы и жрицы вскоре увидят, что ты сбежал. Может, золото и не имеет для них особой ценности, но им не часто выпадает случай принести в жертву человека... Помнишь, что рассказывала Лао?

— Помню, — мрачно отозвался Тарзан.

Он отчетливо помнил не только рассказ Лао, но и свое видение в хижине, затянутой дымом ната-маки. Нет, конечно, то был просто бредовый сон, порожденный тоской по Джейн и магией врачевательницы...

И все-таки, оглянувшись на вздымающиеся над джунглями вдалеке стены Опара, Тарзан сказал:

— Отгоним плот к зарослям на другом берегу и там заночуем. Если даже за мной будет погоня, в самую последнюю очередь меня станут искать так близко от города!

XXXVI. Жертвоприношение

Сначала Джейн добиралась до воды на четвереньках, но с каждым разом чашку отодвигали все дальше, а потом начали ставить ее в высокую нишу в стене. И наконец настал тот момент, когда, держась за стену, пленница поднялась и пошла.

Ее тюремщики остались очень довольны. Их нисколько не интересовало, что израненные ноги девушки по-прежнему не заживают, как и царапины на теле — следы путешествия в Опар. Чем больше воспалялись раны, тем больше жертва хотела пить, а потому тем больше ходила — вот и все, что интересовало жрецов.

Хотя жизнь едва теплилась в этом истощенном теле, было ясно, что девушка сумеет дойти до алтаря.

И Лэ, верховная жрица, дала распоряжение готовиться к обряду. Человека всегда приносят в жертву на следующий день после заклания быка: если боги, чей аппетит разожгла звериная кровь, не получат вслед за ней человеческой, они обрушат на город самые ужасные беды.

На рассвете Тарзан проснулся от резкого верещания: две мартышки подрались среди ветвей. Он приподнялся, следя за сварой, пока вся стая с возбужденными криками не умчалась прочь.

Потом в чаще затявкали шакалы; вскоре тьявканье перешло в злобный визг.

Человек-обезьяна сел, охваченный странным беспокойством.

Арно спал, как убитый, но с Тарзана окончательно слетел сон. Он не понимал, что происходит. Густой туман, поднимающийся над рассветными джунглями, толстым одеялом укутывающий реку, вдруг наполнился угрозой и ощущением надвигающейся беды.

Снова раздался злобный визг: на этот раз подала голос пантера.

Тарзан вскочил на ноги, качнув плот.

Джек приподнял голову, зевнул и сел.

— Что случилось?

— Не знаю... — человек-обезьяна напряженно прислушивался и озирался.

Над вершинами деревьев на той стороне реки виднелись стены Опара — и именно оттуда шла тревожная злобная сила, медленно густея, как дым разгорающегося пожара. Оттуда же спустя минуту донесся еле слышный вой, не принадлежавший ни одному из лесных тварей, знакомых Тарзану.

— В чем дело?

Человек-обезьяна уже знал, в чем — и, схватив шест, сильным толчком сдвинул плот с отмели.

— Я должен вернуться в Опар.

— Что-о?!

Арно вскочил.

— Ты спятил?!

— Нет. Я знаю, что происходит, — Тарзан изо всех сил гнал плот к другому берегу.

— Так объясни!

— Человеческое жертвоприношение... Вспомни рассказ Лао!

Туман заходил ходуном от рева и плеска двух сцепившихся неподалеку крокодилов.

— Когда в городе готовятся принести в жертву человека, от магии заклинаний звери теряют разум!

Плот ткнулся в берег, человек-обезьяна бросил шест, выхватил из шалаша моток свернутой веревки и привесил к поясу.

Арно дернул его за локоть.

— Тарзан, ты ведь прекрасно знаешь — Джейн Портер никак не может быть в Африке, а тем более в Опаре! Неужели из-за какого-то бредового видения ты сунешься в город, где...

Но Тарзан уже стоял на берегу, и Арно выпрыгнул следом.

— Тебе лучше залезть на дерево, — бросил ему человек-обезьяна.

— Ну уж нет! Я, конечно, могу совершать подобные подвиги в полнолуние под стук барабана Дум-Дум, но...

— Сейчас здесь будет твориться то же самое, что во время танца Дум-Дум, — сказал Тарзан.

Вновь глухой вой донесся со стороны каменной громады, возвышающейся над джунглями, и человек-обезьяна задрожал от тревоги и нетерпения.

— Мне надо идти! Жди здесь!

— Тарзан, нет!!

Но приемьш Калы уже исчез в тумане, стремительный и неуловимый, словно призрак.

Арно долго звал его, но впустую — он сам знал, что напрасно срывает голос. Джек вернулся на плот и в сердцах пнул один из мешков, отбив себе ногу. Он не знал, что сейчас вызывает у него большую ненависть — золото или он сам.

Четверо жрецов вошли в комнату Джейн Портер и подняли ее с лежанки.

Девушка не противилась — у нее на это не было ни желания, ни сил. Перенесенные страдания почти убили в ней волю к жизни, и только слабый огонек надежды еще теплился в ее душе.

Этот огонек заставлял ее озираться по сторонам, пока она шла по холодному мрачному коридору, с трудом переставляя израненные ноги.

Ее привели в уже знакомую комнату с бассейном; на этот раз Джейн не стала сопротивляться, а только закрыла глаза, когда жрецы начали снимать с нее одежду. Она давно поняла, что всякая попытка воспротивиться унижению всегда приводит здесь к новому, еще худшему — поэтому молча покорилась.

Она безвольно вытерпела процедуру омовения, дала обрядить себя в длинный просторный балахон из толстой белой ткани, расшитый узорами по подолу. Ее не заинтересовало, что эти узоры были золотыми; Джейн почувствовала лишь, как жесткая вышивка зацарапала ей колени.

Но ее тело и так было покрыто незаживающими царапинами и ссадинами, и она равнодушно снесла новую легкую боль.

Куда болезненней оказалось расчесывание волос, но Джейн ни разу не вскрикнула, пока жрецы орудовали золотыми гребнями.

Наконец ей на шею одели гирлянду из душно пахнущих голубых цветов, подняли на ноги и повели...

Она не знала, куда, и почти не интересовалась этим.

Вскоре Джейн услышала однообразный мотив, такой тоскливый, словно в нем слились все невзгоды, скорбь и несчастья мира...

Девушка приостановилась, но ее толкнули в спину, и она снова пошла.

Еле передвигая ноги, пошатываясь, порой придерживаясь за стену, Джейн Портер в сопровождении четырех жрецов шла в жертвенный

зал храма Древних Богов города Опара.

Тарзан взобрался на скалу и на городскую стену в три раза быстрее, чем взбирался на них в прошлый раз. Но сегодня ему не удалось пройти по городу так легко и просто, как он сделал это вчера: зверолоды рыскали повсюду, как гиены в поисках добычи; в их глазах горело злобное безумие. Не раз Тарзан видел, как волосатые твари сцеплялись друг с другом в жестоких драках, видел, как они запрокидывали головы и выли... Изю всех улиц Опара несея протяжный вой — с крыш домов, с деревьев, из полузаброшенных зданий...

Тарзан сам чувствовал, как от сгущающейся в воздухе странной силы в нем пробуждается ярость, какую он чувствовал только в битвах или во время танца Дум-Дум. Воспитанник гориллы с радостью бросил бы вызов целой сотне зверолодей — но у него была другая цель, и он крался по городу, прячась за деревьями и домами, ловко уклоняясь от встреч с уродцами, пока не добрался до храма Древних Богов.

Конечно, Арно прав: здесь никак не может быть Джейн Портер...

Но он должен сам убедиться в этом.

Человек-обезьяна метнулся ко входу в храм — и зарычал от бешенства, тревоги и разочарования: высокая двустворчатая дверь была заперта.

Лэ, верховная жрица Опара, дала знак подвести жертву к алтарю.

Все молитвы наконец отзвучали, кроме самой последней — в ней богов испокон веков просили даровать взамен пролитой крови благословение и процветание великому городу. Если бы Лэ могла изменить древний ритуал, она прибавила бы к этим просьбам еще одну — вернуть ей Тарзана из племени обезьян.

Верховная жрица смотрела, как хрупкую белокурую девушку ведут к алтарю — в отличие от быка, эта жертва не вызывала у нее никаких опасений. Девушка шла, пошатываясь, как одурманенное наркотиком животное, и когда переступила проведенную красным черту, ее подхватили и положили на черную глыбу, еще не отмытую от крови убитого Тарзаном зверя.

Жрецы приковали ее за руки и за ноги к золотым кольцам по краям алтаря...

Только теперь, видимо, поняв, что ее ждет, девушка слабо вскрикнула и забилась.

Это был хороший знак: Древние должны увидеть, что им приносят в жертву сильного человека, а не умирающего от болезни или истощения.

Окунув палец в поднесенную жрецом чашу с соленой водой, Лэ провела на лбу девушки горизонтальную черту. Потом воздела руки, в одной из которых сжимала нож — и Последняя Молитва зазвучала под пробитыми сводами жертвенного зала, заглушив тихий крик Джейн Портер.

Тарзан бежал по крыше храма Древних Богов, стремясь туда, откуда слышался уже знакомый ему напев. Он перепрыгивал через дыры, огибал маленькие деревца, пустившие корни на крыше — и наконец достиг отверстия, через которое можно был заглянуть в зал, где пели жрецы. В зал, где он вчера боролся с быком и спас Лэ.

Человек-обезьяна лег на живот, посмотрел вниз...

У него вырвался не то вздох, не то рыдание, когда он увидел распростертую на черном камне маленькую хрупкую фигурку с разметавшимися белокурыми волосами.

Это было видение из его бреда.

На алтаре лежала Джейн Портер, и Лэ в белом жреческом одеянии уже поднимала над ней нож!

Красный туман поплыл перед глазами Тарзана, кровь застучала в висках, затряслись руки.

Он рванулся, чтобы прыгнуть в пролом — безразлично, что его ждало падение с высоты сорока футов! — но человеческий разум возобладал над слепой яростью зверя.

Со сдавленным клопочущим рыком Тарзан вскочил, быстро размотал веревку и привязал один ее конец к деревцу, растущему на крыше.

Пение смолкло.

Джейн Портер смотрела, как черноволосая женщина возносит вверх сверкающий узкий нож, и даже не пыталась молиться. Она не

пыталась призывать и Тарзана, с именем которого засыпала и просыпалась каждый из томительных дней, проведенных здесь.

Последний огонек надежды угас в ее душе, там остались только предсмертный ужас и отчаяние.

Жрица произнесла несколько слов на непонятном языке и стала опускать лезвие, нацелив его в сердце жертвы...

Страшный крик, в котором смешались вой, рычание и рев, вдруг обрушился сверху, заставив жрецов шарахнуть в стороны и задержав руку верховной жрицы.

Из пролома в потолке упала веревка, по ней соскользнул на пол черноволосый демон и подобно пантере прыгнул к алтарю. Джейн Портер узнала его еще прежде, чем увидела его лицо.

— Тарза-а-а-ан!!!

Девушка вложила в этот вопль все оставшиеся у нее силы, рванулась, пытаясь протянуть к возлюбленному руки — и потеряла сознание.

Тарзан из племени обезьян ринулся через ряды жрецов, расшвыривая их так, как не расшвыривал взбесившийся бык.

Он оборвал цепи золотых оков белокурой девушки и подхватил ее на руки. Огонь, горящий в его глазах, все сказал верховной жрице Опара, но все-таки Лэ крикнула:

— Зачем тебе эта женщина?

— Она моя!!! — прорычал человек-обезьяна, перекинул безжизненное тело через плечо и с нечеловеческой ловкостью вскарабкался по веревке вверх.

Жрица заметалась, как пантера, у которой похитили детенышей. Но через минуту ее отчаяние уступило место злобе.

— Идите!! Соберите зверолодей!! — властно крикнула она окружившим ее растерянными мужчинам и женщинам. — Скажите низшим, что впервые за много тысяч лет с алтаря Древних Богов похитили жертву! Пусть ловчие приведут сюда девушку и ее похитителя!!...Или то, что от них останется, — с мстительной улыбкой добавила Лэ.

XXXVII. Воссоединение

Тарзан с Джейн Портер на руках бежал по улицам Опара, слыша за спиной нарастающий вой погони.

Добравшись до городской стены, он положил девушку на землю, оторвал от ее одеяния длинный прочный лоскут и связал ей руки в запястьях. Закинул руки Джейн себе на шею и стал взбираться по веревке, закрепленной на зубце городской стены. В прошлый раз, торопясь на помощь Арно, повисшему на скале, человек-обезьяна не стал отвязывать веревку, и теперь она ему пригодилась.

Три минуты спустя он уже спускался с другой стороны стены, а еще через минуту полз вниз по скале с неподвижной девушкой на спине. При мысли о том, что, может быть, жизнь уже покинула это почти невесомое тело, Тарзан готов был кричать от отчаяния... Но сейчас не время было терять голову — и он продолжал спускаться так быстро, как только мог.

Очутившись внизу и не тратя времени на то, чтобы развязать Джейн, он опять подхватил ее на руки и бросился напрямик через джунгли к реке. Похоже, уродцы не решились повторить его путь, однако в любую минуту зверолоды могли воспользоваться подземным ходом... Тарзан понятия не имел, где он начинается и откуда могут появиться враги.

Погоня заревела в чаще слева от него в тот миг, когда впереди блеснула река. Человек-обезьяна побежал так, что обогнал бы даже антилопу бонго, и еще издали крикнул Арно:

— Отчаливай!

Джек вскочил, едва заслышав крик, а когда Тарзан с бесчувственной Джейн Портер на руках прыгнул на плот, Арно уже держал шест и мгновенно оттолкнулся от прибрежного песка.

Но зверолоды, большой толпой высыпавшие на берег, и не думали отказываться от погони. Одни из них с разгону плюхались в воду и пособачьи плыли за плотом, другие продирались сквозь заросли вдоль реки, завывая, рыча и издавая обезьяньи крики.

Уродцы на берегу вскоре отстали: на своих коротких кривых ножках они не могли передвигаться достаточно быстро, зато

прыгнувшие в воду плыли, как крокодилы, и уже почти достигли плота.

Тарзан поднял шест, чтобы разmozжить голову любому, кто подплывет достаточно близко; Джек вскинул ружье.

Когда один из зверолодей приблизился на расстояние десяти футов, Арно выстрелил. Этот выстрел не только пробил уродцу череп, но и навел дикую панику на остальных. Жители Опара явно никогда еще не сталкивались с огнестрельным оружием, и прогрехотавший над рекой гром заставил их что было сил поплыть обратно к берегу. Выбравшись на сушу, низшие зашлись разочарованным злобным воем...

Но Тарзан больше не интересовался ими. Теперь он был поглощен единственной мыслью — жива ли девушка, неподвижно лежащая у его ног?!

Человек-обезьяна бросил шест, упал на колени возле Джейн Портер, приподнял ее и с отчаянной надеждой прижался ухом к ее груди.

Сердце билось!

С лихорадочной поспешностью Тарзан разрезал повязку на запястьях Джейн и стал растирать ее маленькие исхудавшие ручки, умоляя очнуться. Очувившийся рядом Джек подал ему кружку с водой; Тарзан побрызгал в лицо девушки, потом полил воду ей на шею и грудь, надеясь, что холод приведет ее в чувство.

Прошло несколько бесконечных минут, в течение которых человек-обезьяна переходил от надежды к отчаянию, прежде чем ресницы Джейн наконец дрогнули и она открыла глаза. Эти большие серые глаза смотрели сквозь Тарзана, как будто не замечая...

Но потом Джейн Портер скользнула взглядом по склоненному над ней лицу — и с тихим стоном потянулась к человеку, который вовсе не был ее предсмертным бредом! Нет, он был настоящим, сильным, живым и глядел на нее с любовью и тревогой!

Тяжелые золотые оковы с обрывками цепей не позволили девушке обхватить возлюбленного за шею, Тарзан сам обнял ее и бережно прижал к груди...

И тогда впервые за многие дни Джейн сумела разрыдаться и плакала очень долго, как обиженный ребенок, который наконец-то смог найти облегчение в слезах.

Тарзан нежно баюкал ее, шепча слова любви и утешения. Но он не сразу поверил своим ушам, когда услышал слабый, как шелест легкого ветра, шепот:

— Я тоже люблю тебя больше жизни...

— Джейн!

Тарзан, отстранившись, взгляделся в ее лицо.

Может, страдания помutilи ее рассудок и она приняла его за Уильяма Клейтона? Или таким образом она пытается отблагодарить его за спасение с алтаря? Или...

Увидев тревогу и недоверие на его лице, Джейн собрала все силы, чтобы убедить возлюбленного, что говорит чистую правду. И ей это удалось, потому что она никогда еще не видела на человеческом лице такого счастья, какое было на лице Тарзана, когда он снова прижал ее к груди.

И еще никогда Джейн не чувствовала себя такой счастливой, как в этот день, засыпая под тихий плеск воды в объятьях любимого мужчины, рядом с которым можно было ничего не бояться.

XXXVIII. Выздоровление

Если когда-либо существовал человек, внезапно перенесенный из ада в рай, то таким человеком была Джейн Портер.

Первые дни ее сон иногда прерывался ужасной мыслью, что появление Тарзана — просто порождение ее больного измученного ума, и она просыпалась с жалобным стоном... Чтобы тут же убедиться: нет, все случившееся правда, она больше не в Опаре и не в хижине рядом с Роковым, и не в шлюпке посреди океана, и не среди безжалостных уродливых зверолодей.

Она лежит на мягких одеялах на плоту, медленно скользящем по реке, а Тарзан примостился рядом, готовый выполнить малейшее ее желание. Джейн глубоко вздыхала, улыбалась — и засыпала снова.

Теперь, когда в ее жизни произошла такая разительная перемена, Джейн страстно желала поскорей поправиться и встать на ноги, но, конечно, пережитые испытания надолго подорвали ее силы.

Тарзан смазывал ее раны какой-то целебной мазью, дважды в день меняя повязки у нее на ногах, и она удивлялась тому, как легко позволяет раздевать себя и прикасаться к себе мужчине, который не был ее мужем. Воспитанная в строгих правилах, сама отличавшаяся большой застенчивостью, Джейн послушно подчинялась заботам юноши, позволяя лечить себя, мыть и делать все, что делал для нее отец, когда она в детстве тяжело болела и не подпускала к себе няньку. И как же отличались нежные прикосновения рук Тарзана от бесцеремонных прикосновений грубых рук жрецов или волосатых лап зверолодей!

Но одно очень тревожило Джейн: наверное, ее тощее, покрытое ссадинами и царапинами тело кажется могучему широкоплечему лесному богу уродливым и жалким. А ее ввалившиеся щеки, ее руки со следами от оков — такие худые и прозрачные, что ей самой противно на них смотреть — какое они должны внушать ему отвращение!

Наконец Джейн не выдержала и сказала об этом Тарзану; но еще прежде, чем он успел ответить, девушка увидела в его взгляде такую любовь, что тревога раз и навсегда оставила ее. Теперь Джейн Портер

знала: для своего возлюбленного она всегда будет самой прекрасной женщиной в мире.

Джейн на глазах поправлялась и крепла, радуясь каждому часу своей новой чудесной жизни.

Больше ей не приходилось бродить по джунглям в поисках жалких крох пищи — ее кормили деликатесами, какие подают не в каждом ресторане: свежельовленной жареной рыбой, изысканными фруктами, цветами дикого банана, клубнями ямса, запеченными на углях... Изголодавшейся девушке приходилось сдерживать себя, чтобы не объедаться.

Ей больше не приходилось дрожать от страха, вслушиваясь в рыканье хищников в чаще. Услышав поблизости львиный рев, она только крепче прижималась к Тарзану и снова засыпала — так спокойно, как если бы ее разбудил шум дождя, стучащего по крыше.

Ей больше не надо было опасаться унижений и оскорблений со стороны Николая Рокова и других людей...

Ей больше не нужно было подниматься на израненные ноги, чтобы добраться до чашки с водой — Тарзан с радостью носил ее на руках и неохотно отказался от этой привилегии даже тогда, когда она почувствовала, что уже в силах вставать и ходить.

Так текла ее райская жизнь на плоту, медленно скользящем среди поросших джунглями берегов.

Джейн было до того хорошо и спокойно, что только на третий день она спросила, куда они плывут — и не слишком заинтересовалась ответом. С Тарзаном она могла плыть куда угодно, ничуть не стремясь побыстрее добраться до цели.

Так же мало заинтересовало ее и сообщение о том, что в мешках, привязанных к трем средним стволам плота, лежит несметное сокровище, вынесенное из Опара. Все, связанное с этим городом, Джейн хотелось забыть, как кошмарный сон, и она вежливо отказалась от предложения Арно развязать один из мешков и продемонстрировать ей золотые слитки.

Лишь одно омрачало счастье Джейн Портер: мысль о Клейтоне, больном и беспомощном, оставшемся рядом с таким безжалостным зверем, как Николай Роков.

Девушка заговорила о бывшем женихе на второй день пребывания на плоту и увидела, как потемнели синие глаза Тарзана при

упоминании имени Уильяма Клейтона.

До сих пор человек-обезьяна не расспрашивал Джейн о том, как та очутилась в Африке, считая, что бедняжка еще слишком слаба для таких разговоров — но теперь, тихо всхлипывая, девушка сама начала рассказывать возлюбленному ужасную историю крушения «Леди Алисы».

Тарзан слушал, не перебивая, и в его глазах вспыхнул дьявольский огонь, когда она заговорила про Тюрана-Рокова.

— Ты оказалась с этим мерзавцем в одной шлюпке посреди океана? Благодарение богу, что ты осталась жива!

— Да, но Уильям...

Джейн сбивчиво объяснила, что Клейтон остался во власти начинающейся лихорадки — и во власти Николая Рокова, что еще того хуже!

— Да, этот человек — мор, чума и проказа, вместе взятые! — мрачно согласился Тарзан. — Но забудь о нем, Джейн, теперь он для тебя просто тень из прошлого...

— Я думаю не о нем, а об Уильяме Клейтоне!

Человек-обезьяна испытующе посмотрел на нее: в нем готова была проснуться прежняя ревность к этому человеку. Но вскоре он понял, что тревога Джейн вызвана не любовью к бывшему жениху, а обычным человеколюбием и жалостью.

Тарзан попытался выяснить, где находится хижина, в которой остались Клейтон и Роков, но похитившие девушку зверолюди так долго тащили ее по джунглям, что всякое представление о направлении и времени спуталось в ее голове. Наконец человек-обезьяна и Джейн поняли, что им не удастся выяснить местоположение хижины. Значит, остается лишь надеяться на то, что Клейтон все-таки одолел лихорадку и сейчас жив.

Успокоив себя этой надеждой, Джейн уснула...

А на следующий день пробудилась такой окрепшей и бодрой, что Тарзан наконец начал подробно расспрашивать ее обо всем, что случилось со времени их расставания. Джейн Портер тоже горела желанием узнать, что делал ее возлюбленный все эти долгие месяцы.

Рассказы и воспоминания длились с перерывами не один день.

Они лежали рядом на разостланных шкурах и одеялах и тихо поверяли друг другу все беды и радости, пережитые в дни разлуки. Бед

было больше, чем радостей, но теперь, когда они снова были вместе, перенесенные несчастья уже казались им не такими огромными.

Джейн, затаив дыхание, слушала, как ее возлюбленный столкнулся с Роковым на корабле во время истории с шулерством и как спас от русского Ольгу де Куд...

— Она очень красива? — тихонько спросила девушка, сжимая руку Тарзана.

— По сравнению с тобой — нет, — убежденно ответил Тарзан, и Джейн засмеялась.

Потом она узнала, что в действительности произошло на улице Моль — а человек-обезьяна рычал от ярости, стискивая кулаки, когда она рассказывала, что ей пришлось пережить из-за Николая Рокова.

— Я обязательно его найду! — пообещал выкормыш Калы. — И тогда даже пытки в деревне каннибалов покажутся ему желанным исходом его никчемной гнусной жизни!

— Пусть лучше для тебя он тоже станет тенью из прошлого, — попросила Джейн.

Тарзан ничего не ответил, но девушка поняла — он никогда не забудет и не простит. Оставалось только посочувствовать Рокову, у которого есть такой страшный и неумолимый враг!

Джейн придвинулась ближе к Тарзану, и они зашептались снова...

А Джек Арно сидел на дальнем конце плота с удочкой в руках, всем своим видом показывая, что его вообще здесь нет.

Шли дни; Джейн окрепла настолько, что захотела ходить, и Тарзан соорудил ей подобие мягких башмаков, выкроив их из звериных шкур.

Теперь человек-обезьяна иногда оставлял девушку под присмотром Арно, а сам отправлялся в лес за дичью и фруктами. Но гораздо чаще в джунгли уходил Джек, и хотя он далеко не каждый раз приносил добычу, зато отсутствовал всегда подолгу.

Оставшись вдвоем, Тарзан и Джейн ничуть не скучали...

Однако человек-обезьяна всегда вел себя по отношению к любимой девушке с такой рыцарственностью, что Джейн Портер порой не верилось, что этот юноша вырос в джунглях среди зверей. Раньше она думала, что воспитание во многом определяет сущность человека — но как же быть с Николаем Роковым, воспитанным в аристократической семье, искусно умеющим прикинуться

джентельменом — и с ее возлюбленным, воспитанным дикой гориллой, но обладающим всеми качествами, какими должен обладать настоящий мужчина и джентльмен?

Какое счастье, что этот удивительный лесной бог отдал сердце именно ей!

XXXIX. Водопад

Джейн уже настолько окрепла, что во время остановок могла пройти по берегу футов сто, не опираясь на руку Тарзана. Но такие остановки плот совершал все реже. Приближалось время зимних ненастий, и человек-обезьяна торопился как можно скорее добраться до мест обитания белых людей: он понимал, как трудно будет слабой девушке переносить сокрушительные тропические бури в жалком деревянном шалаше на бамбуковом плоту.

Во время болезни Джейн Тарзан почти не отходил от нее и спал лишь урывками. Следить за тем, чтобы плот не столкнулся с коварным топляком или (как это однажды уже случилось) с бегемотом, приходилось в основном Джеку Арно. Теперь, когда они продолжали двигаться даже ночью, такие вахты порядком вымотали его. Мужчине, как бы он ни был силен, всегда труднее перенести недостаток сна, чем еды, и Тарзан тоже осунулся от недосыпания.

Джейн Портер уже много раз просила, чтобы ей позволили присматривать за плотом, но Тарзан и слышать об этом не хотел.

Короткие порывы шквалистого ветра, все чаще пронсящие над джунглями, валили много прибрежных деревьев; по реке плыли полузатопленные стволы и крокодилы, искусно прикидывающиеся такими стволами. Недаром человек-обезьяна, наученный горьким опытом, крепко-накрепко привязал мешки с сокровищем к трем средним бамбуковым стволам...

Однажды утром Тарзан сменил на вахте Арно, следившего за движением плота всю ночь. Джек повалился возле мешков с золотом и сразу уснул, а Тарзан и Джейн, сидя на краю плота, молча любовались проплывающими мимо джунглями, над которыми только что встало солнце.

Медленная плавная смена одних зеленых деревьев другими действовала на Тарзана, как колыбельная песня. Он пытался бороться с дремотой, но это было так же трудно, как бороться с крокодилом. Впереди, насколько хватало глаз, расстилалась ровная водяная гладь. Решив, что он снова взглянет на реку, как только плот минует ближайший изгиб берега, человек-обезьяна опустил голову на

колени... И в тот же миг челюсти сна вцепились в него и утащили в мутную черную глубину.

Увидев, что ее возлюбленный заснул, Джейн тихонько подняла шест, выпавший из его разжавшейся руки. Она много дней наблюдала, как орудуют такой длинной бамбуковой палкой Тарзан и Арно, и не сомневалась, что сама сможет справиться с этим несложным делом. А двое мужчин пусть как следует отдохнут, они совсем замучились из-за нее...

И Джейн Портер, преисполненная сознания важности дела, за которое взялась, заступила на свою первую в жизни вахту.

Постепенно плот выплыл на самую середину реки. Девушка не мешала его движению: она помнила, что самое опасное — это столкновение с полузатонувшим деревом, а посередине потока плавало гораздо меньше сломанных сучьев и веток, чем у берегов. Джейн готова была схватиться за шест, как только появится опасность столкновения с топляком, но пока такой опасности не было, и она просто сидела, внимательно глядя на реку — так же, как это только что делал Тарзан...

И, так же, как Тарзана, ее все больше одолевала дремота. Джейн явно переоценила свои силы: не прошло и десяти минут, как она уже крепко спала, свернувшись калачиком рядом с человеком-обезьяной.

Тарзан проснулся от странного шума. Какое-то время он пребывал в дремотном оцеплении, потом поднял голову и огляделся.

Плот плыл по середине реки, и человек-обезьяна, встав, поднял шест, чтобы направить его ближе к берегу. Однако здесь было так глубоко, что десятифутовая бамбуковая палка не достала дна.

И вдруг Тарзан понял, что означает ровный шум, разбудивший его. Впереди грохотал водопад.

Человек-обезьяна замер, сжимая бесполезный шест, и ум его лихорадочно заработал в поисках выхода из опасной ситуации, в которой они оказались. Насколько опасна эта ситуация, он полностью сознал лишь тогда, когда увидел, с какой скоростью мчатся по стремнине мелкие сучья и ветки. Их плот подхватило и несло то же стремительное течение, какое несло этот мусор, а от берега их отделяло не меньше ста футов. Вряд ли он сумеет проплыть это

расстояние до того, как течение сбросит его в водопад... А что уж тогда говорить о Джейн и Арно!

Арно приподнял голову, тоже разбуженный шумом.

— Что за дьявол?.. — он сразу осекся, вспомнив о присутствии мисс Портер.

С тех пор, как на плоту появилась женщина, Джек воздерживался от резких выражений, но спросонья чуть не нарушил жесткую диету.

— Нас несет к водопаду, — коротко и исчерпывающе объяснил приятелю Тарзан.

— А?!

Джек взвился на ноги, и это резкое движение разбудило Джейн.

— Что случилось?

— Ничего страшного, мисс Портер!

Улыбка, которой попытался успокоить девушку Арно, выглядела так же неубедительно, как и его бодрый тон. Джейн Портер мгновенно осознала угрожающую им страшную опасность и вскочила. Это она во всем виновата! Как она могла уснуть!

— Ты сможешь забросить лассо на ветку дерева на берегу? — спросил Джека человек-обезьяна.

— Нет! Слишком далеко!

Арно пришлось повысить голос, чтобы перекрыть приближающийся шум.

— Тарзан, можно обвязаться веревкой и попробовать доплыть до берега, чтобы привязать плот!

— Не выйдет! Течение наверняка снесет пловца в водопад! — крикнул в ответ Тарзан. — Лучше подождем, пока у мыса плот приблизится к берегу, и тогда пустим в ход шести!

Он ободряюще улыбнулся Джейн.

— Не бойся, все будет хорошо!

Девушка кивнула, не отрывая глаз от своего возлюбленного. Она настолько верила в него, что не сомневалась: Тарзан исправит ее ужасную оплошность, и вскоре она посмеется над своим недавним испугом...

Впереди уже виднелось то место, где вода рушилась вниз с уступа, образованного ложем реки.

Но на полдороге к водопаду, у далеко вдающегося в реку мыса, течение приближалось к берегу, и там скопились настоящие дебри из

упавших деревьев. Один ствол цеплялся за другой, ветви и корни плотно переплетались с ветвями и корнями деревьев на размытом берегу, в результате чего пловучему бурелому удавалось противостоять натиску мощного потока.

Едва плот поравнялся с этим скоплением мертвых деревьев и шест коснулся дна, Тарзан налег на него изо всех сил; почти сразу шест сломался, и человек-обезьяна выхватил тот, что держал Арно.

Благодаря его стараниям плот подошел к путанице поваленных деревьев футов на сорок, а Джек тем временем привязал конец лассо к одному из причальных кольшков плота и раскрутил веревку над головой. Как только топляк оказался достаточно близко, Арно накинул петлю на торчащий из воды сук.

От рывка Джейн не удержалась на ногах, а мужчины вцепились в туго натянувшуюся веревку и стали подтягивать плот к полузатопленным деревьям. Он отвоевали у течения десять футов, когда человек-обезьяна понял, что сук вот-вот сломается и что на вторую попытку времени у них уже не будет.

Тарзан мгновенно заложил веревку вокруг причальных кольшков, прыгнул к Джейн и закутал ее в одеяло.

— Не бойся! — крикнул он, подхватывая ее на руки.

— Я не боюсь...

И все-таки Джейн испугалась, когда человек-обезьяна вдруг бросил ее в хаос переплетенных друг с другом деревьев и кустов.

Все случилось очень быстро: не успев даже вскрикнуть, девушка упала на зеленую шапку мако, увенчивающего пловучую баррикаду, и Арно сразу кинул туда же один из мешков с вещами.

Мгновением позже сук, вокруг которого было захлестнуто лассо, сломался, а еще через миг его примеру последовал шест в руках Тарзана...

И плот понесся прочь от скопления топляков.

Тонкие пружинящие ветви кустарника, на который упала Джейн, смягчили удар, а одеяло спасло ее от царапин. Но, глядя вслед летящему по реке плоту, на котором остались Тарзан и Арно, девушка закричала так как, как будто получила смертельную рану.

Арно быстро отцепил лассо от обломка сука, отвязал другой конец от кольшка, снова свернул веревку... Но, оглядевшись, безнадежно

повесил ее через плечо: они опять были почти на середине реки, где от лассо было так же мало проку, как от их сломавшихся шестов.

Однако дальше русло сужалось, и возле самого водопада над рекой простирались разлапистые ветви огромного дерева паго. Если их поднесет достаточно близко к дереву, тогда, пожалуй...

Тарзан тоже смотрел на дерево, но думал совсем о другом.

А Арно перевел взгляд на белое облачко, отмечающее вершину водопада, и вдруг почувствовал, как у него ослабели ноги, а в животе стало холодно, словно он нахлебался ледяной воды. Опустившись на колени на подрагивающий от рева водопада бамбуковый настил, Джек замороженно уставился на грохочущий впереди ужас...

Там, в алмазных россыпях мириадов мелких брызг, над рекой вставала яркая радуга.

Джейн продиралась сквозь заросли, не замечая колючек, спотыкаясь о корни деревьев, выпутываясь из сетей лиан. Достигнув наконец того места, где джунгли отступили от берега, она пустилась бежать во весь дух. Хрупкая слабая девушка, только недавно начавшая ходить, теперь мчалась, как лань, не отрывая глаз от плота, летевшего к водопаду.

Как бы ей хотелось, чтобы все это было кошмарным сном!

Обессиленная не столько усталостью, сколько ужасом, Джейн наконец остановилась.

Дрожа, как в лихорадке, она смотрела, как подхваченный безжалостным течением плот несется к радуге, сияющей над рекой...

То же самое она чувствовала, когда над ней, беспомощной, скованной по рукам и ногам, верховная жрица Опара заносила острый нож.

— Тарза-а-а-ан!!!!

Плот был уже в сорока футах от водопада; и едва он поравнялся с огромным деревом на берегу, человек-обезьяна схватил в охапку Джека Арно и бросил его вперед и вверх, вложив в этот бросок всю свою невиданную силу.

Джейн хотела закричать, но у нее перехватило дыхание.

Она увидела, как Арно влетел в гущу простирающихся над водой ветвей, как ухватился за одну из них, подтянулся и скрылся в листве.

Плот уже почти пролетел мимо дерева, когда Тарзан, собравшись в комок, словно пантера, совершил рекордный прыжок и вцепился в последнюю одинокую ветку, нависающую чуть ли не над самым водопадом.

У девушки вырвался крик облегчения...

И тут же — вопль неистового ужаса: ветка обломилась, и человек-обезьяна рухнул в бушующий поток, который подхватил его и швырнул вниз вслед за плотом вместе с тоннами грохочущей вспененной воды.

Арно и Джейн молча бежали по берегу, отказываясь верить в непоправимость того, что произошло.

Пару раз Джейн спотыкалась и падала; Арно помогал ей встать, и они продолжали свой отчаянный бег, пока не достигли подножия водопада. Здесь каскад грохочущей воды срывался с шестидесятифутового утеса, кипя и дробясь среди камней; в этом аду просто невозможно было уцелеть и выжить... И все-таки они с безумной надеждой продолжали вглядываться в беснующийся поток.

Вдруг Джейн закричала так, что заглушила рев водопада — а в следующий миг и Арно, едва веря своим глазам, увидел среди белой пены черноволосую голову и загорелые плечи. Тарзан держался за камень, выступающий из воды, и стремительный поток бурлил вокруг него, порой захлестывая с головой.

— Тарза-а-а-н!!!

Арно еле успел перехватить девушку, ринувшуюся к реке.

— Назад, мисс! — рявкнул он, сорвал с плеча лассо и начал раскручивать петлю над головой.

— Быстрее, господи, быстрее! — задыхающимся голосом молила Джейн.

Арно и сам знал, что если человек-обезьяна не удержится на своей скользкой опоре, его понесет, ударяя о другие камни, пока не вышвырнет изуродованным бездыханным трупом миль на двадцать ниже по течению. Но именно поэтому никак нельзя было промахнуться — а от Тарзана его отделяло больше сорока футов.

— Быстрее... Пожалуйста, быстрее! — дрожа, заклинала Джейн.

И снова пронзительно закричала:

— Тарза-а-а-а-ан!!!

Тарзан, оглушенный ужасным падением, полузахлебнувшийся, не видящий ничего, кроме кипящей вокруг воды, услышал этот крик.

Когда поток ударил человека-обезьяну о валун, он сразу инстинктивно в него вцепился, а теперь тот же самый поток старался оторвать его от камня и увлечь дальше, навстречу смерти.

Онемевшие руки Тарзана уже отказывались держаться за скользкую поверхность, его то и дело с головой захлестывала вода, и грохот водопада звучал, как издевка над человеком, осмеливающимся спорить с его непреодолимой злобной мощью...

Вконец обессиленный приемыш Калы уже готов был сдаться, отказавшись от бессмысленной борьбы — но тут сквозь оглушительный гром воды до него донесся отчаянный крик Джейн. Этот крик заставил Тарзана напрячь каждый мускул окоченевшего, избитого тела. Ему было, ради чего бороться за жизнь — поэтому еще несколько бесконечных мгновений он продолжал цепляться за камень...

А потом что-то хлестнуло его по плечу.

Арно бросил лассо, и петля упала на плечо и голову человека-обезьяны.

Джек заорал, чтобы Тарзан сунул руку в петлю, но тот либо не услышал, либо не понял, и веревку снесло потоком.

Арно с лихорадочной поспешностью выбрал ее и свернул снова.

— Тарзан!! Ты должен сунуть руку в петлю! Кому говорят, чтоб тебя!..

Джейн Портер еще никогда не слышала таких испепеляющих ругательств и богохульств, какими сопровождал Джек Арно свои дальнейшие указания. Да и сейчас она вряд ли слышала их: не сводя глаз с Тарзана, она пронзительно кричала, умоляя его держаться.

Веревка опять хлестнула Тарзана по плечу — но на этот раз, отцепившись от камня, человек-обезьяна успел просунуть руку в петлю.

В тот же миг поток закрутил его и понес...

Но лассо уже затянулось у него подмышкой, охватив наискосок грудь; Тарзан ощутил страшный рывок, ушел с головой под воду...

И почти сразу гулкий грохот, так долго оглушавший его, смолк.

Джейн бросилась к Арно и с отчаянной силой, непостижимой в таком хрупком теле, стала помогать ему тянуть лассо. Девушке казалось, что прошло не меньше часа, прежде чем из воды показались голова и плечи Тарзана. Джек продолжал тянуть, как одержимый, и наконец веревка выволокла человека-обезьяну на мелководье; Арно и Джейн схватили его за руки и вытащили на берег.

Джейн с плачем целовала Тарзана, но он не шевелился. Казалось, жизнь покинула распростертое на траве могучее загорелое тело.

— В сторону, мисс!!

Арно оторвал обезумевшую от ужаса девушку от захлебнувшегося человека. Он перевернул друга лицом вниз, положил животом себе на колено и сильно нажал ему на спину. Из рта человека-обезьяны выплеснулась вода, но он по-прежнему не дышал.

— Давай же... — бормотал Джек, продолжая нажимать. — Давай, дьявол тебя раздери!..

Видя, что это не помогает, он положил Тарзана на спину и начал поднимать его руки вверх, а потом, сгибая в локтях, сильно прижимать к грудной клетке.

— Давай, ублюдок, скотина, обезьяний сын!..

Бормотание Арно постепенно перешло в крик, однако он ни на миг не прерывал своих ожесточенных манипуляций.

И наконец для двух перепуганных людей наступил тот благословенный момент, когда Тарзан содрогнулся и тихо кашлянул.

В тот же миг Арно опять перевернул его на живот и сильно стукнул кулаком по спине.

Человек-обезьяна издал новый булькающий кашель, изо рта и носа у него потоком хлынула вода. Джек поддерживал его на весу до тех пор, пока не убедился, что Тарзан выплеснул всю воду, которой нахлебался, и снова может ровно дышать.

Пока еще человек-обезьяна не мог ничего другого, однако и это было спасением для близкой к безумию Джейн.

Джек сорвал с себя рубашку, принялся энергично растирать ею друга — и делал это до тех пор, пока тот не начал дрожать.

— Побудьте с ним, мисс Портер! — крикнул Арно, вскакивая на ноги.

Странная просьба — как будто Джейн могла хоть на минуту отойти от своего возлюбленного!

Пока Арно бегал за мешком с вещами и одеялом, оставшимся на топляке, Джейн лежала рядом с Тарзаном, возвращая ему жизнь теплом своего тела, поцелуями и ласковыми словами.

Арно бегом вернулся, приподнял голову Тарзана и прижал к его губам горлышко тыквенной бутылки с настоем Лао.

Человек-обезьяна никогда бы не подумал, что спиртное сможет доставить ему такое блаженство. Он сумел сделать четыре глотка, и с каждым глотком живительный огонь все больше разливался по его телу.

А когда Арно завернул его в одеяло, Тарзан наконец-то сумел приоткрыть глаза и прошептать имя Джейн.

Он услышал в ответ тысячу нежных слов, почувствовал, как Джейн обнимает его, глядя его мокрые волосы. Потом тепло от разведенного Джеком костра окончательно согрело его — и Тарзан из племени обезьян погрузился в глубокий, как омут, сон.

XL. Затишье после бури

Испытание, надолго уложившее бы в постель любого другого человека, обошлось Тарзану всего в шесть или семь часов крепкого сна.

Ближе к вечеру он проснулся и, к безмерному облегчению Джейн, поднялся на ноги. Он ощущал ломоту и боль во всем теле, но бодро заявил, что совершенно здоров.

Зато девушка выглядела такой больной, словно сама пережила падение в водопад. Соорудив на берегу шалаш из ветвей, Тарзан уложил Джейн Портер на постель из листьев и травы. Человеку-обезьяне пришлось прилечь с ней рядом, потому что даже сквозь дремоту Джейн то и дело вскрикивала и искала рукой его руку. Наконец она все-таки уснула — а проснулась уже от ярких солнечных лучей, бьющих в отверстие шалаша.

Мгновенный испуг оттого, что Тарзана не было рядом, сразу прошел, когда она услышала его голос снаружи.

Тарзан и Арно, сидя неподалеку от шалаша, исследовали содержимое мешка, который Джек выкинул с плота перед крушением.

— Надо же было выбросить именно этот мешок! — ворчал человек-обезьяна. — Лучше бы спас тот, в котором были рыболовные снасти и топор!

— Как будто у меня было время проверять, что там внутри, — оправдывался Джек. — Скажи спасибо, что теперь у нас есть спички, нож, пара котелков и снадобья Лао... Да, а еще твоя золотая пектораль. Я мог бы схватить мешок и похуже!

— Доброе утро! — сказала Джейн.

Тарзан обернулся и радостно улыбнулся, Арно смущенно пробормотал что-то невнятное.

Оказывается, на углях уже пекся завтрак; через несколько минут питательные вкусные клубни маниока были готовы.

Во время еды начался спор, что делать дальше: двинуться ли немедленно по берегу к ближайшей бамбуковой роще, чтобы побыстрее построить новый плот, или подождать здесь дня два-три, пока Джейн не почувствует себя лучше.

Джейн Портер категорически заявила, что готова тронуться в путь и вполне сможет идти. Грохот близкого водопада, напоминавший о перенесенном кошмаре, действовал ей на нервы, и она хотела поскорей оставить его позади.

Наконец человек-обезьяна согласился отправиться в путь, но при одном условии: и речи быть не может о том, чтобы девушка пробиралась пешком через прибрежные джунгли, он ее понесет! Однако Джейн, считавшая, что Тарзан пострадал куда больше ее, немедленно возразила.

Какое-то время влюбленные жарко спорили, пока их спор не прервал Арно.

Джек почти не принимал участия в обсуждении и старался не встречаться глазами с Джейн Портер. В его памяти одно за другим всплывали ужасные выражения, которые он выкрикивал вчера, и он чувствовал себя все отвратительней.

Наконец он решился и поднял глаза от костра.

— Мисс Портер, позвольте принести вам свои извинения...

Джейн и Тарзан перестали препираться и удивленно посмотрели на него.

— Обычно я не употребляю в присутствии женщин подобных выражений, но... Но... Не знаю, может ли мне послужить оправданием некоторая необычность ситуации...

Джейн, смотревшая на Арно в полном недоумении, наконец-то поняла, о чем идет речь. Она чуть не прыснула, но тут же приняла серьезный и даже разгневанный вид.

— Мистер Арно! — холодно проговорила она. — Должна признаться — меня еще ни разу в жизни так не оскорбляли!

— Нет, поверьте, я никак не хотел...

— А я-то думала, что вы джентльмен! Но ни один джентльмен не произнес бы при даме таких ужасных слов, какие вы употребляли вчера!

— Да... Я понимаю...

— И уж тем более ни один джентльмен не позволил бы себе крикнуть даме: «Назад, мисс!» «В сторону, мисс!»

— Я так сказал?!

— Нет, мистер Арно, не сказали, а заорали! А правильнее сказать — рывкнули!

— О господи...

Столь щедрый на высказывания вчера, Арно не нашел больше слов и молча потупил голову.

И тут Джейн не выдержала — подбежала к нему и обняла, смеясь до слез.

— Ох, Джек, Джек!

Тарзан смотрел на эту сцену без всякой ревности, а Арно совсем растерялся.

— Это надо понимать как разрешение и впредь прибегать к подобному лексикону? — наконец спросил он, догадавшись, что его разыграли.

— Только в самых крайних случаях, — вытирая слезы, ответила Джейн Портер. — Но я надеюсь, что подобных случаев никогда больше не будет, — тихонько добавила она.

— Хочешь, я научу тебя ругаться на обезьяньем языке? — предложил другу Тарзан. — Тогда ты сможешь отводить душу, не боясь никого обидеть.

Джек смерил его ледяным взглядом.

— Мистер Тарзан, я возмущен до глубины души! Что бы подумала мадам Арно, если бы узнала, что вы пытаетесь научить меня ругаться по-обезьяньи?!

— Да ведь она уже махнула на тебя рукой, помнишь?

— Это еще не повод, чтобы завершать мое грехопадение!

Джейн, смеясь, погладила грешника по руке и прижалась к человеку-обезьяне.

— Наверное, нам пора отправляться в путь?

Тарзан залил угли водой из котелка, сунул его в мешок и повесил мешок за спину.

Джек стоял у самой воды, глядя на несущуюся вдаль взбесившуюся реку, на дне которой лежали золотые слитки общим весом более четверти тонны — а впридачу золотые оковы Тарзана и Джейн.

— Вот так реки и становятся златоносными, — задумчиво проговорил Арно.

Человек-обезьяна подошел к другу и положил руку ему на плечо.

— Ничего! У нас остались моя пектораль и твой золотой браслет, этого хватит, чтобы добраться до Америки. А там как-нибудь

выкрутимся, вот увидишь!

Джек посмотрел на радужное сияние над водопадом и улыбнулся.

— Конечно, выкрутимся. Не впервой! Только мертвец не может выкрутиться, а мы живы!

Он засвистел и пошел по берегу, а Тарзан поднял на руки Джейн, заглушив поцелуем ее слабые протесты, и зашагал вслед за Арно.

Но хотя Арно шел впереди, Джейн Портер первой заметила несколько бамбуковых стволов, запутавшихся в кустарнике, нависшем над водой. Девушка крикнула и показала на них рукой.

Джек припустил бегом, Джейн выскользнула из объятий Тарзана и побежала следом, человек-обезьяна обогнал их обоих.

Вскоре все трое уже стояли возле кустов и смотрели на два мешка, крепко-накрепко прикрученных к чудом уцелевшему среднему звену плота.

Джейн Портер, Тарзан и Джек Арно переглянулись и начали хохотать, как безумные.

XLI. В миссии

Новый плот, сделанный без помощи топора из пережженных углями бамбуковых стволов, получился неуклюжим и грубым, но ему недолго пришлось играть свою роль.

Через три дня джунгли круто отступили от берега, и путешественники увидели впереди возделанные поля, на которых работали чернокожие, а еще дальше — ограду селения.

Тарзан резко налег на шест, направив плот под ветви растущих у воды деревьев, густо оплетенных ползучими растениями.

— Почему мы прячемся? — спросила Джейн. — Ведь мы наконец-то добрались до людей!

— Потому что нам пока неизвестно, что это за люди, — ответил человек-обезьяна.

Теперь, когда ему нужно было беречь и защищать Джейн, он проявлял несвойственную ему прежде осторожность.

— Ты прав, — согласился Арно. — В любом случае, прежде чем познакомиться со здешними жителями, стоит позаботиться о безопасном месте для нашего сокровища. Лучше не вызывать нездорового оживления, являясь в эту деревню с четвертью тонны золота в багаже!

Предложение показалось Тарзану и Джейн вполне разумным, и человек-обезьяна отправился в джунгли на поиски подходящего места для тайника. Вскоре он обнаружил как раз то, что требовалось: вывороченное с корнями гигантское дерево в двухстах ярдах от берега. Если вырыть под этим погибшим лесным гигантом яму, золото пролежит под ним в полной целости и сохранности до тех пор, пока владельцы не решат его забрать.

Прежде чем закопать мешки, Тарзан переложил в заплечную торбу свою пектораль и несколько звеньев цепи от золотых оков. Человеку-обезьяне не хотелось расставаться с подарком вождя, а пригоршни кусков золота хватило бы, чтобы безбедно прожить полгода в самом дорогом отеле Балтимора.

Завершив эти приготовления, Тарзан вернулся на плот и снова довел его до границы джунглей. Почти сразу обрабатывавшие поле

негры заметили их, и среди чернокожих началась суматоха.

На крики туземцев из ворот поселка выбежали трое белых с ружьями, и прошло нескольких напряженных минут, прежде чем Арно и Тарзан убедили обитателей миссии, что они не бандиты и не беглые каторжники. Пожилой белый человек и двое юношей опустили ружья после некоторых колебаний: уж больно странно выглядели сошедшие с плота двое мужчин, особенно могучий загорелый до черноты дикарь в одной набедренной повязке с луком за спиной! Но присутствие Джейн развеяло опасения, и вскоре странники уже входили в гостеприимный дом отца Бертрана.

Этим вечером впервые за долгие месяцы Джейн Портер заснула на настоящей кровати, застеленной чистым бельем, под тиканье часов, напоминающих часы в ее комнате в предместье Балтимора.

Прошло два дня.

Джейн, окруженная заботами жены и дочерей преподобного отца Бертрана, совсем оправилась от пережитого. Одетая в платье старшей дочери миссионера, она теперь ничем не напоминала ту полуживую истощенную девушку, которую Тарзан вынес на руках из проклятого города Опара.

В отличие от своей возлюбленной Тарзан был не в восторге оттого, что ему снова приходится носить одежду цивилизованного человека. Но жизнь среди людей накладывает свои обязательства — и человек-обезьяна скрепя сердце облачился в полотняный костюм, который сшили ему чернокожие женщины деревни. Что ж, ради Джейн он облачился бы даже в железные латы, и ему льстила та гордость, с какой мисс Портер представила его семейству пастора как своего жениха.

Теперь Тарзан и Джейн считались официально помолвленными; оставалось только ждать возвращения в Балтимор, чтобы сыграть свадьбу. Как ни любила мисс Портер Тарзана, она не хотела выходить замуж без благословения отца.

До Балтимора, конечно, было недалеко, но приемьш Калы ждал своего счастья так долго, что вполне мог подождать еще пару месяцев. Главное, что Джейн была теперь его, и никто не в силах был их разлучить!

Ради Джейн Тарзан решил пожить в миссии недели две, прежде чем двинуться к городу в устье реки. По словам отца Бертрана, до этого города было около шести дней по реке, и человеку-обезьяне хотелось, чтобы его невеста как следует отдохнула перед путешествием.

Но на третий день их пребывания в миссии случилось событие, заставившее Тарзана усомниться в правильности своего решения.

XLII. Чимисет

За утренним чаем в гостиной, как всегда, собралась вся семья отца Бертрана, делившая с миссионером нелегкую жизнь на краю африканских джунглей: жена, трое дочерей и два сына.

Джек Арно рассказывал о том, как мисс Портер, он сам и Тарзан оказались в Африке и что они здесь пережили. Благодаря искусству рассказчика длинная замысловатая история выглядела вполне правдоподобно и в то же время напоминала увлекательный роман — все семейство пастора уже третий день слушало Арно, затаив дыхание.

Вдруг снаружи раздались крики и в комнату ворвался негр с серым от страха лицом.

Джек замолчал на полуслове, Тарзан быстро встал.

— Что случилось?

Выслушав сбивчивый ответ чернокожего, человек-обезьяна недоуменно покрутил головой.

— Кто, ты говоришь, растерзал твою свинью?

— Чимисет! Чимисет! — стуча зубами, ответил негр.

— Я не слышал о таком звере. Может, ты называешь так льва или пантеру?

— Нет, господин! Это не лев, не пантера, а чимисет! Он в тысячу раз страшнее льва и пантеры!

Тарзан пожал плечами и недоверчиво хмыкнул. Но, взглянув на бледные напряженные лица людей за столом, человек-обезьяна понял, что лепет перепуганного чернокожего, который он принял было за пьяный бред, пастор и его семья отнюдь не считают бредом.

— Какое животное в этой местности называют чимисетом? — спросил он отца Бертрана.

— Не думаю, чтобы в английском языке или в латыни было для него наименование, — ответил старший сын преподобного отца, двадцатилетний Майкл, который единственный из семьи сохранил самообладание. — Я видел эту тварь один раз издали, и могу сказать одно: с виду она очень похожа на медведя.

— Медведь в Африке? Не может быть! — хмыкнул Арно.

— Я не сказал, что это медведь, я сказал, что чимисет похож на медведя. Но то, что он творит, не станет делать ни один медведь в мире!

— Да, — подтвердил преподобный отец. — И здешние негры боятся чимисета больше всех остальных хищников джунглей...

Его жена вдруг встала и увела дочерей из гостиной, позвав с собой и гостью — похоже, она считала, что дальнейший разговор будет не для женских ушей. Джейн Портер волей-неволей пришлось уйти, хотя она многое дала бы, чтобы присутствовать при разговоре мужчин.

Преподобный Бертран подождал, пока мисс Портер прикроет за собой дверь.

— Честно говоря, я в большой растерянности, — признался он. — Сначала я считал все разговоры местных жителей о чимисете обычным суеверием и не сомневался, что лошадь, которую две недели назад растерзал какой-то хищник, стала жертвой льва или леопарда. Но спустя два дня погибла чернокожая женщина, и тогда...

— Зверь вытащил свою жертву ночью из запертой хижины, — продолжил Майкл, видя, что отец замолчал. — И знаете как?

— Обычно хищники проникают через непрочно сложенную кровлю или плохо закрытое окно, — сказал Тарзан.

— А этот людоед вошел в дом прямо сквозь стену! — взволнованно сообщил молодой человек. — Пролом был шириной и высотой в четыре фута, внутри хижины все было залито кровью... От несчастной женщины мало что осталось, как и от лошади, задранной накануне.

— Когда это случилось, в деревне началась паника, — снова заговорил отец Бертран. — Однажды мне довелось видеть деревню, терроризированную львом-людоедом — поверьте, это и в сравнение не идет с тем страхом, какой охватил нашу миссию при появлении чимисета!

— Вы сказали, что видели его? — обратился Арно к Майклу.

— Да, — кивнул юноша. — После гибели женщины я попытался устроить засаду на это чудовище. Привязал в качестве приманки поросенка к дереву на краю деревни и провел в развилке две ночи с ружьем в руках. Но, должно быть, на вторую ночь я задремал, и зверь успел сожрать приманку... Надо сказать, ему не потребовалось на это много времени. Я увидел, как он направляется к зарослям, и выстрелил

вслед, но животное скрылось. Мне хотелось верить, что я смертельно ранил людоеда, потому что после этого две недели все было спокойно...

— И вот теперь чимисет появился снова! — возбужденно перебил старшего брата семнадцатилетний Тимоти.

— Может, это еще и не он...

— В прошлый раз ты тоже говорил, что это не он, пока сам его не увидел! — возразил мальчик.

— Да поможет нам бог! — пробормотал глава семейства.

Человек-обезьяна подумал, что если бы он вверял свою жизнь исключительно заботам бога, он бы не прожил в джунглях и двух недель.

— Пошли, — бросил Тарзан негру, съезжившемуся у порога. — Я хочу посмотреть на твою растерзанную свинью.

— Ну, что ты об этом думаешь, Тарзан? — спросил Джек Арно.

Человек-обезьяна стоял над жалкими останками свиньи, и вид у него был весьма озадаченный.

— Сказать по правде, я никогда не видел ничего подобного, — вполголоса признался он. — Могу поклясться, что в джунглях, где я вырос, не водилось хищников, способных совершить такое, — он кивнул на дыру в стене загона. — И я никогда не видел зверя, оставлявшего бы такие следы!

Арно присел на корточки и еще раз осмотрел чудовищной величины след, похожий на отпечаток лопаты с длинными мощными когтями.

— След и вправду похож на медвежий, но все-таки это не медведь. И уж, конечно, ни один медведь не стал бы пробивать дыры в хижинах и загонах. Кто это мог сделать, черт побери?

— Если бы я знал, — тихо отозвался Тарзан, глядя в сторону близких джунглей.

Потом он посмотрел на перепуганных чернокожих мужчин и женщин, с надеждой обступивших белых людей, и твердо добавил:

— Но я узнаю.

Той же ночью чудовище явилось вновь.

Чимисет проломил стену одной из хижин и растерзал двенадцатилетнего мальчика на глазах у его родных. То, что началось в деревне вслед за этим, напомнило Тарзану дикую панику в охваченном огнем селении Мбонги.

По всему поселку горели огни, жители с воплями метались туда-сюда: никто не чувствовал себя в безопасности даже в крепко запертом доме. Семья погибшего мальчика была в таком ужасе, что едва могла рассказать, что случилось...

Но Тарзану, проснувшись при первом же далеком крике и через пару минут очутившемся на месте происшествия, обо всем рассказали следы.

Зверь, обладавший поистине чудовищной силой, пробил брешь в стене хижины и, вместо того, чтобы сломать добыче шею, как поступили бы лев или леопард, буквально растерзал мальчика в клочья. Части трупа не доставало, и Тарзан с копьем в руке дошел по кровавому следу до джунглей. Человек-обезьяна хотел уже нырнуть в заросли, чтобы настичь людоеда, но ему помешала Джейн Портер.

Джейн, всегда считавшая Тарзана непобедимым, при виде кровавого ужаса в полуразрушенной хижине совсем потеряла голову. Если бы ее жениху предстояло столкнуться со львом или пантерой, она бы не стала его удерживать, но раздерганное воображение нарисовало девушке такое чудовище, что она с плачем вцепилась в Тарзана, не давая человеку-обезьяне войти в лес.

Видя, что его невеста близка к обмороку, приемьш Калы нехотя отказался от мысли расправиться с чимисетом этой же ночью. Он повел Джейн домой, невольно радуясь тому, что дом пастора Бертрана — единственное двухэтажное строение в деревне и что спальни в нем находятся на втором этаже.

Дрожащие перепуганные женщины вскоре разошлись по своим комнатам, а пастор, два его сына, Тарзан и Джек Арно, ухитрившийся проспать большую часть суматохи, собрались внизу в гостиной на военный совет.

XLIII. Погоня

В те минуты, когда плот с тремя спящими людьми мчался к водопаду, на него из прибрежных зарослей со злобной радостью смотрели полсотни волосатых существ, не похожих ни на людей, ни на зверей.

Ловчий отряд Опара, посланный жрицей Лэ в погоню за Тарзаном и похищенной белокурой девушкой, уже много дней преследовал беглецов. Ни одному из зверолодей не приходило в голову отказаться от погони и вернуться в город: приказ верховной жрицы должен быть выполнен, сколько бы сил и времени на это не ушло. Лэ знала, что делала, посылая по следу Тарзана зверолодей — ни одна свора гончих не сравнилась бы в упорстве и неумолимости с потомками обезьян и людей.

Низшие жители Опара не могли похвалиться человеческим интеллектом, зато обладали хитростью и упорством диких зверей и не сомневались, что рано или поздно настигнут добычу. Уродцы знали, что к северу от Опара река делает крутой поворот, и решили перехватить плот на другой стороне многомильной петли. Да, беглецы и ускользнули от них по реке, но та же самая река в конце концов принесет людей прямо в лапы преследователям!

Однако вскоре планы ловчего отряда спутало неожиданное событие.

Едва зверолоды отошли от берега, как заметили в чаще какое-то странное существо. Это существо оказалось светлокочим мальчиком — и охотничий инстинкт заставил зверолодей немедленно устремиться в погоню. Ловчие были натасканы на человека, а сейчас именно такая жертва убегала от них сквозь колючий бурелом и подлесок.

И пятьдесят коротконогих уродцев с воем ринулись за подростком, удирающим сквозь прибрежные джунгли.

На следующий день после того, как Тарзан и Арно покинули деревню, Лакоми не выдержал и сбежал. Выскользнув за палисад, он

пустился догонять двух белых людей, знавших столько интересных вещей, неведомых его соплеменникам.

Лакоми родился и вырос в туземной деревне, но, подобно Тарзану среди горилл, часто чувствовал себя одиноким среди темнокожих сверстников. Дело было не в цвете кожи, а в том беспокойном духе, который мальчуган унаследовал от отца и деда, в той энергии авантюристов и первооткрывателей, которая разбросала англосаксов по всему земному шару.

В двух белых людях, посетивших его деревню, Лакоми наконец-то увидел тех, кто думал и чувствовал так же, как он. Эти храбрецы задумали выкрасть золото из проклятого города, о котором все жители его деревни говорили с ужасом и содроганием!

Люди Човамби боялись всего неизвестного — Лакоми же, наоборот, притягивали опасности и тайны. Мальчик отдал бы все на свете, чтобы вместе с Тарзаном и Арно бросить вызов зверолюдям и жрецам Опара — вот почему он оставил деревню и пустился в путь по берегу реки, надеясь догнать плот со своими белыми друзьями.

Лакоми опоздал совсем ненамного — ровно настолько, чтобы вместо Тарзана и Арно натолкнуться возле Опара на уродливых волосатых тварей, которые с диким воем тотчас устремились за ним в погоню.

Подросток мчался, как антилопа, и если бы чаща не была такой густой, зверолюди никогда бы его не поймали... Но в путанице кустарников и ползучих растений преимущество было на стороне покрытых шерстью, хотя и не таких быстроногих монстров. Уродцы с легкостью проламывались сквозь кусты, а одетый лишь в короткую набедренную повязку мальчик поневоле останавливался перед колючими зарослями и бросался в сторону, ища обходные пути.

И в конце концов ловчие окружили его.

Схватившись за нож, Лакоми приготовился к безнадежной битве с толпой ужасных уродливых существ, но ему не дали вступить в бой. Со сноровкой, достигнутой долгой практикой, один из зверолодей бросил в голову мальчика камень и сбил его с ног.

Уродец не собирался убивать мальчишку, а хотел лишь оглушить его. Что за польза от мертвого человека? — зато за каждую жертву, притащенную живьем, зверолюди получали от верховной жрицы веселящий напиток саш, секрет приготовления которого знали только

высшие города Опара. А за этого человека награда наверняка будет особенно щедрой, ведь на алтаре Древних Богов нечасто проливается кровь белых людей!

Ловчие подобрали оглушенного ударом ребенка и принялись энергично приводить его в чувство.

Они не могли вернуться в Опар, чтобы немедленно передать пленника жрице Лэ. Черноволосый мужчина и светловолосая девушка, в погоню за которыми их послали, все еще оставались на свободе, и если бы ловчие сейчас вернулись, вместо награды их ожидало бы суровое наказание. Поэтому зверолюди поставили очнувшегося мальчика на ноги и снова устремились к главной цели, волоча за собой будущую жертву.

Лакоми, выросший среди джунглей, гораздо больше Джейн был приспособлен к путешествию по лесной чаще. Однако зверолюди, поглощенные желанием как можно скорее настигнуть плот, так обращались со своим маленьким пленником, что тот наконец приблизился к состоянию Джейн на ее пути в Опар. Ведя в город Джейн, ловчие не особенно торопились — теперь же они пробирались через лес со всей доступной им быстротой, редко останавливаясь для еды и сна.

В тот же день, когда его поймали, Лакоми попытался сбежать, но его перехватили и крепко избили. Ночью во время привала Лакоми повторил свою попытку; на этот раз ему удалось ускользнуть от монстров, забраться на высокое дерево и затаиться в ветвях. Мальчик уже думал, что спасся, когда один из зверолюдей увидел обломанный беглецом сук. Пока десяток уродов карабкался на дерево, где укрылся пленник, Лакоми попытался сделать то, что сотни раз делал на его глазах Тарзан. Он прыгнул, чтобы ухватиться за ветку соседнего дерева, а потом перепрыгнуть на следующее — но в темноте промахнулся и полетел вниз сквозь тонкие ветки и путаницу лиан.

Лианы задержали его падение, и Лакоми остался жив, но падение так оглушило его, что зверолюди до полудня тащили пленника на спине, передавая друг другу. Потом, решив, что жертва достаточно пришла в себя, они опять поставили мальчика на ноги, привязали к его шее ремень и погнали дальше.

Когда они наконец остановились на ночлег, ремень на шее Лакоми прикрутили к суку дерева. Но даже если бы его не привязали, мальчик все равно не попытался бы бежать: пока ловчие разводили костер и готовили пищу, он лежал пластом на траве, безучастный ко всему, что творилось вокруг.

Мало-помалу Лакоми превращался в такое же отупевшее животное, в какое превратилась Джейн в лапах зверолодей. Он едва поспевал за рысющими через лес уродами, а если начинал отставать, его подгоняли кулаками или рывком стягивающего шею ремня. На привале он падал на землю и лежал, не шевелясь, пока его не поднимали на ноги и не гнали дальше. Скучная пища, которую зверолоды швыряли пленнику, вскоре вовсе перестала его интересовать: усталость оказалась сильнее голода. Если бы не ночные привалы, мальчик наверняка скоро вообще не смог бы двигаться, так же, как когда-то Джейн.

Спустя неделю ловчий отряд вышел к реке на милю выше водопада. Зверолоды решили устроить засаду в прибрежных джунглях и ждать, пока поток не вынесет в их лапы плот с тремя белыми людьми. Они заняли удобную позицию на высоком, поросшем лесом холме, откуда река просматривалась до самого водопада, и разбили лагерь на склоне недалеко от вершины.

На этом холме ловчий отряд пробыл три дня, и за это время их измученный пленник пришел в себя и отчасти восстановил силы.

На вторую ночь Лакоми начал трудиться над ремнем. Слабые пальцы мальчика не смогли развязать прочные узлы, и тогда он начал перегрызать ремень зубами. Днем Лакоми отсыпался и жадно проглатывал каждый кусок, который швыряли ему уроды — а по ночам грыз ненавистный ремень, державший его в плену. Мальчик решил любой ценой вырваться на свободу, пусть даже за новую попытку бегства его убьют. Смерть — это тоже свобода, а жизнь, которую он вел рядом с отвратительными жестокими полуобезьянами, все равно не была жизнью.

На третий день дозорный с дерева подал долгожданный сигнал, и через минуту весь отряд уже был на ногах. Волоча за собой пленника, ловчие побежали вниз с холма к реке.

Вскоре они оказались на возвышенности недалеко от берега, и при виде людей на плоту, скользящем посередине реки, Лакоми заметался

на привязи, как щенок. Если бы Тарзан и Арно могли его увидеть! — но они крепко спали, а ремень, сдавливающий горло мальчика, превратил его крик в глухой стон.

Видя, что плот вот-вот пронесется мимо, Лакоми рванулся что было сил... И изгрызенная привязь лопнула.

Первым побуждением Лакоми было броситься к реке, но он вовремя одумался. Во время переправ через небольшие речки мальчуган убедился, что зверолюди плавают, как рыбы, хотя из-за коротких кривых ног не могут быстро бегать. И, к неистовой ярости уродов, их строптивая добыча повернулась и кинулась в лес.

Если бы потомки обезьян были посообразительней, они разделились бы на два отряда, один из которых поймал бы беглеца, а второй занялся людьми на плоту. Однако такое сложное решение было ловчим не по плечу — и все они как один ринулись за ближайшей добычей.

Когда минуту спустя Тарзан проснулся, вскочил на ноги и схватился за шест, он даже не подозревал, что в это время пятьдесят волосатых монстров с ревом мчались по прибрежным джунглям вдогонку за белокожим мальчишкой. Когда же плот рассыпался на куски в неистовстве рушащейся с утеса воды, ловчие были так поглощены погоней, что даже не заметили этого.

Если бы не побег Лакоми, зверолюди перехватили бы Тарзана, Арно и Джейн ниже водопада. И поскольку в то время человек-обезьяна не способен был защищаться, а все ружья вместе с плотом поглотила река, трех белых людей наверняка утащили бы в проклятый город Опар, о котором с таким содроганием вспоминала Джейн.

Но, разъяренные очередным бегством мальчишки, зверолюди на время забыли про свою главную цель. Они, конечно, изловили бы пленника, если бы Лакоми не спас счастливый случай.

В тот миг, когда мальчик уже готов был упасть от изнеможения, он увидел под корнями дерева вход в нору трубкозуба. Этот забавный длиннорылый зверь величиной со свинью, питающийся термитами, имел огромные сильные когти и, обороняясь, мог покалечить даже льва, но затравленный подросток не боялся сейчас ничего, кроме погони за спиной. Лакоми подбежал к дереву и по-змеиному скользнул в прорытый трубкозубом лаз.

Подгоняемый ревом зверолодей, мальчик быстро полз под царапающими его спину обрывками корней, потом протиснулся между сдавившими его плечи камнями и на четвереньках вполз в небольшую пещеру.

Тут силы оставили беглеца, и он лег ничком на рыхлую землю, с дрожью прислушиваясь к близкому вою зверолодей. Наконец Лакоми понял, что его преследователи не могут протиснуться в узкую нору. Но вдруг они решат выкурить его отсюда дымом?

И, едва отдышавшись, мальчик вновь поднялся на четвереньки и принялся обследовать в темноте стены норы. Обычно трубказуб прорывает в свое жилище лишь один ход, но Лакоми к своей огромной радости обнаружил другой лаз напротив того, который его сюда привел.

Мальчуган протиснулся в него и полз так долго, что стал уже отчаиваться увидеть выход. Но вот впереди забрезжил свет; Лакоми одолел последний отрезок пути и осторожно выглянул из заросшего травой отверстия. Кругом было тихо, только птицы ссорились в листве деревьев.

Беглец выскользнул наружу, нырнул в заросли папоротника и затаился.

Но он так и не услышал ни треска веток под ногами зверолодей, ни их отвратительного лопотания.

Он был свободен!

XLIV. Странствования Лакоми

Сперва зверолюди пытались пролезть в нору вслед за мальчишкой, потом принялись раскапывать вход руками, но вскоре наткнулись на скалу.

Мысль о выкуривании дымом не пришла им в голову, вместо этого они решили взять беглеца измором.

И монстры разбили лагерь возле норы. Они были настолько злы на жалкого человеческого подростка, оставившего их с носом, что приготовились ждать столько, сколько потребуется. Рано или поздно голод выгонит мальчишку из убежища! Уродам было трудно представить, чтобы какое-то живое существо заморило себя голодом и жаждой из-за любви к свободе.

Вся беда зверолюдей заключалась именно в недостатке воображения, иначе они сразу обрыскали бы все окрестности в поисках второго хода. Но вместо этого они сидели около лаза и терпеливо ждали, пока мучимая голодом добыча сама приползет к ним в лапы.

Поняв, что за ним больше не гонятся, Лакоми задумался, что ему делать дальше.

Он мог вернуться в деревню Човамби, оставшуюся далеко позади, а мог отправиться вдогонку за плотом. Лакоми избрал последний путь.

Он провел два часа в напрасных попытках избавиться от ремня, и наконец, смирившись с этой отвратительной штукой на шее, затрусил сквозь джунгли на север.

Дорога до миссии, занявшая у Тарзана, Арно и Джейн три дня, заняла у мальчика больше недели. Будь на месте Лакоми его выросший в городе сверстник, джунгли наверняка убили бы его... Но даже для подростка, умевшего находить еду и ориентироваться в африканской чаще, это был тяжелый путь.

Недоедание и побои зверолюдей так ослабили Лакоми, что он двигался очень медленно, часто останавливаясь для отдыха и сбора пищи. Плоды и орехи только заглушали голод, но не утоляли его;

мальчик мечтал о мясе, но уроды отобрали у него нож, и он не мог смастерить лук со стрелами или копье.

Бывший пленник зверолодей ночевал на деревьях, а наутро снова пускался в путь, надеясь добраться до людей прежде, чем совсем ослабеет.

Под вечер шестого дня странствий Лакоми над джунглями разразилась большая буря, она из тех, с которых начинается сезон зимних дождей.

Ближе к вечеру вдруг подул резкий ветер, который все сильнее терзал вершины деревьев; на смену душной жаре пришла грозная прохлада. Над лесом вспыхивали молнии, а потом хлынул такой ливень, что никакие ветки не могли защитить прячущихся под ними зверей.

Но у зверей были теплые шкуры, тогда как у маленького странника, заползшего под нижние ветви дерева такири, не было даже такой непрочной защиты. От набедренной повязки Лакоми давно остались жалкие клочья, и потоки дождя нещадно хлестали его тощее голое тело, заставляя мальчика дрожать и стучать зубами.

Наконец гроза отгремела, дождь прекратился, но Лакоми никак не мог согреться. Он выбрался из-под дерева и побрел, обнимая себя за плечи, поглощенный одним желанием: найти любое убежище, где будет тепло и сухо.

И когда мальчуган увидел на поросшем кустарником склоне нечто вроде входа в пещеру, он ни минуты не колебался. В его мозгу всплыло воспоминание о том, как однажды звериная нора спасла его от преследования волосатых уродов. А теперь эта пещера спасет его от холода, какой бы зверь там не обитал!

Лакоми был так плохо, что он даже не попытался соблюдать осторожность. Он продрался сквозь кустарник, растущий у входа, и вошел в берлогу неведомого животного. Здесь явно жил какой-то хищный зверь: об этом говорили отвратительная вонь и кости в углу пещеры. Но зато в другом углу валялась огромная куча сухих листьев и травы, примятая обитателем логова — и, едва увидев ее, мальчик уже не видел ничего другого.

Он упал на эту восхитительную звериную постель и, дрожа, начал зарываться в листья.

Все крупные хищники — ночные твари, значит, эта пещера или брошена, или ее хозяин ушел на охоту. Лакоми еще сильнее задрожал при мысли о том, что за хищник может здесь обитать. А вдруг чудовище, обглодавшее до костей столько крупных животных, сейчас вернется?

Но он успокоил себя мыслью, что пробудет здесь совсем недолго. Ему нужно только согреться и немного отдохнуть, и он сразу отправится дальше...

Лакоми зарылся с головой в листву, свернулся клубочком и закрыл глаза.

XLV. Ночной кошмар продолжается

Тарзан впервые потерпел неудачу в попытке выследить зверя. Наутро после гибели мальчика он вооружился скорострельным ружьем и пошел по следам чимисета, но на берегу речушки с каменистым дном след исчез, и хотя Тарзан прошел на милю вверх и вниз по течению, он так и не увидел, где зверь выбрался на берег. Человеку-обезьяне оставалось лишь предположить, что загадочный людоед умеет не только пробивать стены хижин, но и отлично плавать.

Тарзан рыскал в окрестностях речки до темноты, а к вечеру, раздраженный неудачей, вернулся в поселок.

За день чернокожие успели воздвигнуть по углам палисада четыре площадки; отец Бертран, Арно, Майкл и Тарзан договорились дежурить на них по ночам в надежде, что зверь выйдет на ловца.

Негры совсем обезумели от страха, до утра на улицах горели костры и только перед самым рассветом жители деревни улеглись спать. В этот день никто не работал на полях и не охотился в джунглях.

Белые мужчины тоже весь день отсыпались, а следующей ночью вновь заступили на вахту.

На сей раз человек-обезьяна привязал возле ворот деревни большую свинью, надеясь, что хищник польстится на животное и подойдет под выстрел. Тарзан предпочел бы использовать против загадочного чимисета лук и стрелы, но здешние негры не знали секрета отравленных стрел, а варить отраву сам человек-обезьяна не умел.

Волей-неволей ему пришлось удовольствоваться скорострельным крупнокалиберным ружьем, копьем и ножом...

Но чимисет пренебрег свиньей.

Вместо этого он приблизился к деревне с другого конца и прошел сквозь палисад между вышкой, на которой с молитвой и винтовкой «экспресс» дежурил отец Бертран, и площадкой, на которой залег с карабином его старший сын.

Тарзан услышал выстрелы, потом — отчаянный крик, вслед за тем — дикий визг, какой могла бы издать свинья, если бы хищник все-таки

избрал ее своей жертвой... Человек-обезьяна слетел с площадки и помчался через деревню туда, откуда раздавался шум.

Пока он бежал, ему снова вспомнилась горящая деревня Мбонги. Среди костров с криками метались люди, визжали перепуганные женщины, и никто не мог толком ответить на вопросы Тарзана. Чернокожие настолько ошалели от страха, что отвечали только мычанием да взмахами рук.

Наконец человек-обезьяна добрался до хижины, стоявшей недалеко от южной стороны палисада. В ее стене зияла дыра, и еще до того, как Тарзан вошел внутрь, он уже знал, что там увидит... Человек-обезьяна долго стоял посреди залитой кровью комнаты, глядя на то, что сотворил чимисет с жившим в этой хижине человеком.

Когда Тарзан вышел наружу, к нему подбежали отец Бертран, Майкл и Арно.

Пастор и его сын были почти в таком же шоке, как чернокожие. По их словам, зверь появился внезапно и бесшумно, словно призрак; они оба выстрелили, но похожий на медведя хищник все равно проломил ограду и скрылся в поселке. Чимисет почти сразу затерялся среди хижин, а потом раздался этот страшный визг...

Как чудовище скрылось, никто не видел — ни белые люди, ни негры.

Пастор заглянул в хижину и чуть не потерял сознание. Его пришлось под руки вести к дому, и всю дорогу преподобный громко читал молитвы.

До утра в доме пастора никто не спал.

Все семейство отца Бертрана и его гости сидели в гостиной и ждали, когда рассветет.

Пастор до сих пор был очень бледен, но еще бледней были его дочери и жена. Казалось, обрушившийся на деревню ужас парализовал волю и черных, и белых людей; они не чувствовали бы такого страха, если бы имели дело со львом-людоедом или с леопардом... Но животное, проходящее сквозь ограду и стены? Зверь, неуязвимый для пуль? Может, это кара господня?

Никто не знал, чем занять руки и ум; только Джек Арно под укоризненными взглядами преподобного и его жены сосредоточенно раскладывал на столе пасьянс.

Тарзан спокойно дремал в кресле в углу, и Джейн Портер знала, что последует дальше.

Она вздрогнула, но ничуть не удивилась, когда при первых лучах зари ее жених поднялся и сказал:

— Я отправляюсь в джунгли, чтобы выследить это чудовище. И пока не убью его, не вернусь.

Человек-обезьяна посмотрел на бледное лицо своей невесты, хотел еще что-то добавить, но девушка, уже стоявшая рядом, останавливающим жестом положила маленькую ручку на могучую загорелую руку Тарзана.

— Прости, что я недавно помешала тебе убить людоеда, — тихо проговорила она, — если бы не мое малодушие, чимисет уже был бы мертв. Прошу тебя об одном: когда начнешь действовать, не думай обо мне! Я была бы недостойна тебя, если бы из-за меня ты смирил свое отважное сердце и не сделал того, что должен сделать.

Ни Тарзан, ни Джейн даже не подозревали, что почти то же самое двадцать с лишним лет назад сказала леди Элис, мать Тарзана, его отцу, лорду Грейстоку, перед тем, как на «Фувальде» разразился мятеж.

Тарзан молча поцеловал Джейн.

— Я пойду с вами, — сказал Майкл.

— Нет, — решительно возразил человек-обезьяна. — Я смогу двигаться гораздо быстрее, если буду один.

Арно смешал карты и тихо чертыхнулся — наверное, его пасьянс не сошелся.

Пастор начал громко читать молитву.

Пока Тарзан шел через деревню, чернокожие мужчины и женщины падали ему в ноги, моля покончить с ночным кошмаром. Но ни один человек кроме Джека Арно не решился проводить черноволосого богатыря до джунглей.

Кровавый след кончался на широкой тропе, проложенной в зарослях возле деревни антилопами бонго. Эти крупные копытные долгое время паслись ночами на возделанных полях, пока ружья белых людей и луки чернокожих не прогнали их прочь.

Тарзан снял с себя ботинки и рубашку.

— Возможно, мне придется воспользоваться древесными дорогами, чтобы обыскать округу, — сказал он, отдавая одежду Арно. — Пожалуйста, присмотри за Джейн, пока меня не будет. Я могу надолго задержаться.

— Конечно, не беспокойся. Понимаю — от такого неуклюжего парня, как я, на этой охоте тебе будет мало толку, так уж хотя бы...

Человек-обезьяна вдруг сделал знак Арно замолчать: его чуткий слух уловил звук чьих-то шагов. Джек быстро обернулся, схватившись за ружье — и тут же опустил винтовку.

Из-за поворота тропы вышел мальчик — лохматый, тощий, почти голый. Он брел нога за ногу, низко опустив голову, а когда приблизился, Тарзан и Арно переглянулись, не веря своим глазам.

— Лакоми?!

Мальчик вздрогнул, вскинул голову и увидел Тарзана и Арно.

На мгновение он остановился, а потом пошел к ним навстречу так быстро, как только мог. Через полминуты друзья уже стояли рядом с грязным, исхудавшим, жалким созданием, в которое превратился самый ловкий и отважный мальчуган деревни Човамби.

Лакоми посмотрел на них и сел на тропу.

Он нашел тех, кого искал. Его трудный путь был закончен.

Пока Джек забрасывал Лакоми сотней вопросов, Тарзан присел на корточки, вытащил нож и осторожно разрезал сыромятный ремень на покрытой синяками шее ребенка. Избавившись от ненавистного ремня, Лакоми благодарно улыбнулся и попытался ответить хотя бы на некоторые вопросы Арно.

Вскоре Тарзан и Джек уже знали достаточно, чтобы отложить выяснение подробностей на потом. Но еще больше рассказа о зверолодях их поразило упоминание о логове неведомого хищника, в котором мальчуган провел последнюю ночь.

— Ты не шутишь? — недоверчиво сказал Джек.

— Нет, там вправду живет какой-то огромный зверь, — Лакоми был очень доволен впечатлением, которое на белых людей произвела его храбрость. — У него вот такие следы, — мальчик пальцем нарисовал на земле след в пол-локтя с длинными когтями.

— Ты можешь показать, где эта пещера? — быстро спросил человек-обезьяна.

— Да. Это недалеко.

— Отлично! Раз недалеко, значит, я иду с вами, — сказал Джек Арно. — Нет, Тарзан, если речь не идет о прыжках по деревьям, я вполне могу за тобой угнаться. А два ствола надежнее, чем один!

Это и впрямь оказалось недалеко, но все-таки путь занял у них порядочно времени. Лакоми шел медленно и с трудом, и Джеку приходилось поддерживать мальчика.

Наконец они достигли места, густо поросшего кустарником. Лакоми дошел до зарослей мако и показал на брешь в кустах.

— Это там!

Тарзан, настороженный и внимательный, исследовал клочки серобурой шерсти, повисшей на сломанных ветках.

— По ту сторону кустов поляна, а за ней логово... — прошептал Лакоми и сел на траву.

Человек-обезьяна в раздумьи посмотрел на своего маленького проводника, закинул его на спину, поднялся с ним на ближайшее большое дерево и посадил в развилку в десяти футах над землей.

— Жди здесь, — велел он.

Потом приемыш Калы спустился и взял прислоненное к стволу ружье.

— Идем, только тихо, — шепнул он Арно.

Сидя на дереве, Лакоми проводил взволнованным взглядом черноволосого богатыря и его друга, с ружьями наизготовку скользнувших в брешь в кустах.

Он и не подозревал, что сейчас со склона за ним, Тарзаном и Арно наблюдают зоркие глаза зверолодей.

Ловчий отряд наконец-то настиг добычу! Но одно удержало уродов от немедленного нападения: близость кошмарного зверя, которого в Опаре звали керитом и которого испокон веков боялись так же, как Древних Богов. Этот чудовищный хищник, как будто пришедший из мрака стародавних времен, внушал зверолодям такой ужас, что они решили подождать, пока их жертвы отойдут подальше от логова ночного убийцы.

Каково же было удивление потомков обезьян, когда они увидели, что двое людей лезут прямо в пасть кровожадному зверю!

XLVI. Бой

Выбравшись из зарослей мако без единой царапины на своем могучем полуобнаженном теле, человек-обезьяна оказался на поляне, примыкающей к склону холма. А в ста шагах отсюда посреди кустов на склоне чернел вход в пещеру.

Тарзан принялся к странному запаху, идущему из логова, и понял, что зверь внутри — и что с подобным животным ему еще никогда не доводилось встречаться.

Приемыша Калы охватило привычное возбуждение перед боем, усиленное сознанием необычности предстоящей схватки. Привыкший сражаться в одиночку, он нетерпеливо сделал знак Арно отойти в сторону — и издал пронзительный боевой клич, вызывая врага на бой.

Изнутри логова немедленно донесся низкий клопочущий рев: хищник принимал вызов.

Мгновенье спустя обитатель пещеры показался на свет, протиснувшись в пятифутовое отверстие — и человек-обезьяна несколько мгновений молча смотрел на представшее его глазам чудовище.

До сих пор он видел медведей только на картинке и не имел возможности сравнить с ними появившегося из пещеры громадного зверя. Но Арно, перевидевший на веку немало косолапых, сразу понял, что чимисет имеет только отдаленное сходство с этим животным.

Гигантское чудовище, имевшее не меньше пяти футов в плечах, напоминало медведя массивностью и косолапой походкой; его неуклюжие лапы заканчивались огромными тупыми когтями, причем задние конечности явно были слабее передних, из-за чего спина чимисета круто понижалась от лопаток к крестцу. Бурые мохнатые лохмы хищника топорщились на загривке, переходя на крестце и ляжках в такую короткую шерсть, что они выглядели почти голыми. Вытянутая заостренная морда отнюдь не напоминала медвежью, так же как и пасть с длинными белыми зубами. Маленькие уши стояли торчком, красные глаза величиной с тарелку говорили о ночном образе жизни этого зверя.

От всего облика хищника веяло первобытной мощью и необузданной злобой — должно быть, подобные твари властвовали над джунглями много тысячелетий назад, сражаясь с противниками гораздо сильнее человека...

Ружье задрожало в руках Арно, когда круглые подслеповатые глаза ночного ужаса джунглей в упор уставились на него. А человек-обезьяна понял, что ему предстоит такая схватка, какой он не выдерживал еще ни разу в жизни.

Тарзан рассматривал небывалого хищника не больше трех секунд, а потом выстрелил, целясь ему в голову. Почти одновременно раздался выстрел Арно, однако пули, уложившие бы на месте любого другого зверя, чимисета как будто только взбодрили и швырнули в атаку.

Хищник атаковал так стремительно, что лишь в самый последний миг человек-обезьяна сумел подпрыгнуть, ухватиться за лиану и взмыть над головой оглушительно ревущего гиганта.

С непостижимой быстротой и ловкостью чимисет взмахнул передними лапами, стараясь располосовать двухдвоймовыми когтями ускользнувшего от него врага. Когти лишь на волосок не достали Тарзана и, полыхая злобными глазами, зверь повернулся к другому человеку.

Арно лихорадочно дергал заевший затвор ружья, но не успел он дослать патрон, как, встав во весь рост на качающейся ветке, сверху выстрелил Тарзан. Человек-обезьяна ждал, что хищник сейчас рухнет замертво, ведь пуля попала ему под лопатку, но вместо этого чимисет ринулся на Арно, как взбесившийся ураган.

Только то, что глаза зверя заливала кровь от раны на лбу, позволило Джеку в последний миг отскочить от налетевших на него девятисот фунтов бешеной злобы. Чудовищная лапа, превратившая бы его в кровавое месиво, ударила мимо, зато чимисет толкнул его плечом, и Арно показалось, будто его сбил курьерский поезд.

Он отлетел в сторону на два десятка шагов, ударился о дерево и потерял сознание.

Людоед развернулся, ища глазами добычу, и человек-обезьяна понял, что через несколько секунд от его друга останется то, что осталось от всех других жертв чимисета.

Тарзан больше не верил, что неуязвимую тварь можно прикончить пулей: и, отбросив ружье, он с новым боевым кличем прыгнул с дерева

прямо на спину чудовищу.

Лакоми, вскарабкавшийся на самую вершину дерева, с ужасом смотрел на бой Тарзана с невиданным огромным зверем. От страха у мальчика кружилась голова: он только сейчас понял, в логове какого монстра осмелился провести последнюю ночь.

Подросток тихо взвизгивал, следя за невероятным сражением, а когда Тарзан прыгнул на спину чимисету, Лакоми чуть не потерял сознание.

Но пятьдесят зверолодей, затаившихся в ветвях деревьев на холме, смотрели на неслыханную битву с таким же содроганием, с каким смотрел на нее обессилевший от ужаса мальчишка.

Оказавшись на мохнатой спине чимисета, Тарзан вогнал ему нож между затылком и шеей — но в следующий миг чудовище сбросило его. Человек-обезьяна откатился в сторону от обрушившихся на него плоских, как лопаты, лап; тупые когти глубоко вспахали землю на том месте, где он только что лежал.

Опять Тарзана спасла лишь обезьянья реакция и ловкость, он вскочил и стремительным прыжком снова очутился на спине чимисета. Получив еще одну рану, зверь решил раздавить ненавистного врага всей тяжестью, упал и начал кататься по земле. Он не переставая бешено ревел, и его рев напоминал человеку-обезьяне неумолкающий рев водопада.

Вместо того, чтобы раздавить Тарзана, бурый гигант только расплющил валяющееся на траве ружье — сам же приемыш Калы успел отпрыгнуть в сторону.

Чимисет вскочил и ринулся к Тарзану; человек-обезьяна чудом увернулся от оскаленной пасти, но хищник мотнул головой, и удар залитой кровью морды обрушился на черноволосого богатыря, как удар тарана.

Человек-обезьяна упал и кубарем покатился по траве.

С трудом приподнявшись на локте, он увидел, что чимисет идет к нему, и кровь стекает с оскаленных клыков зверя.

Но в этот момент очнулся и зашевелился Арно. Он дотянулся до лежащего рядом ружья, передернул затвор и выстрелил, используя в качестве упора свое колено. Джек промахнулся, однако выстрел отвлек

чимисета. Хищник развернулся с непостижимой для такого огромного тела быстротой, и жизнь Арно не продлилась бы и пяти секунд, если бы человек-обезьяна не успел оправиться от падения.

Тарзан вскочил, метнулся вперед и, вцепившись в маленькое круглое ухо зверя, прижался боком к его лопатке. Длинный клинок охотничьего ножа дважды погрузился в шею чимисета, вспарывая сонную артерию, фонтан горячей алой крови щедро окатил человека-обезьяну.

Рев гигантского хищника перешел в клокочущее бульканье. Чимисет мотнул головой, снова сбив противника с ног, но его движения были уже замедлены и неверны. Тарзан откатился в сторону, поднялся, ища глазами оброненный нож...

Монстр шел к нему, хрипя и рыча; он был уже совсем рядом, когда человек-обезьяна наконец подобрал нож и собрался в комок для нового прыжка...

Но прежде, чем приемыш Калы успел совершить такой прыжок, чимисет сделал последний короткий шаг — и рухнул к ногам черноволосого богатыря.

Залитый кровью с головы до ног, тяжело дышащий Тарзан смотрел на гигантского зверя, чьи глаза начинали медленно стекленеть. Потом поставил ногу на голову поверженного великана...

И затаившие дыхание зверолоуди, Лакоми и Арно услышали дикий, ликующий вопль, возвещавший о самой великой победе Тарзана из племени обезьян.

Этот вопль донесся и до миссии на краю джунглей, заставив пастора Бертрана затянуть новую молитву. Но Джейн Портер он показался небесной музыкой: теперь она знала, что ее возлюбленный жив и одолел ужасного зверя!

Тарзан, густо залитый кровью, все еще возбужденно скалящий зубы, подошел к Арно и наклонился над ним.

— Как ты — цел?

Джек приподнялся.

— Лучше посмотри, не сломалось ли дерево, о которое я стукнулся... Черт, кажется, у меня в заднем кармане была фляга с бренди...

Тарзан достал эту флягу и дал Арно хлебнуть.

— Нужно убираться отсюда, — сказал он, закидывая ружье Джека за плечо. — С чимисетом покончено, но поблизости могут рыскать пятьдесят зверолодей!

— Черт! Умеешь же ты говорить ободряющие вещи, — пробормотал Арно, снова припадая к горлышку фляги.

Прежде чем уйти, Тарзан отрезал переднюю лапу чимисета, чтобы показать ее жителям деревни. Пусть люди знают, что ночной ужас джунглей никогда больше не явится в их селение!

Человек-обезьяна привесил лапу к поясу, и друзья покинули залитую кровью лужайку, на которой лежала огромная туша самого страшного хищника африканских дебрей.

Подойдя к дереву, на котором он оставил Лакоми, Тарзан не увидел мальчика на нижней развилке. Беглец из поселка Човамби лежал на ветке в пятидесяти футах над землей и не отозвался на оклик человека-обезьяны.

Тарзан проворно вскарабкался на дерево и нашел мальчишку совсем без сил. Пережитое во время плена и скитаний по джунглям, страшное зрелище, только что разыгравшееся перед его глазами, исчерпали выносливость подростка.

Тарзан стащил Лакоми вниз, а Арно поделился с ним остатками бренди; после этого мальчуган попытался встать, но тут же снова осел на траву.

Человек-обезьяна взвалил Лакоми на широкую спину и пошел к миссии. Ему не терпелось увидеть и успокоить Джейн, но он был вынужден сдерживать шаг, чтобы за ним поспевал Арно.

Сам человек-обезьяна казался отлитым из железа. Бой с чимисетом как будто только умножил его силы; победа, одержанная в битве со страшным зверем, переполняла Тарзана гордостью, и он уже мысленно рассказывал Джейн о своем подвиге...

Как вдруг прислушался и остановился.

Сжимая одной рукой тонкие запястья мальчика, другой рукой Тарзан сорвал с плеча ружье.

Однако ружье было сейчас таким же бесполезным, как и в сражении с чимисетом: впереди из-за деревьев высыпало не меньше двадцати зверолодей. Тарзан быстро обернулся и увидел, что сзади

тоже стоят волосатые уродцы, сжимающие в длинных руках дубинки и копья. И справа, и слева в джунглях чернели волосатые тела низших жителей Опара.

Лакоми задрожал на спине Тарзана. Джек поднял с земли толстый сук, понимая всю нелепость такого движения.

Однако, как ни странно, зверолюди не спешили кидаться в атаку: они молча смотрели на залитого кровью черноволосого великана и на отрезанную лапу керита, привязанную к его поясу.

Еще никогда зверолюди не видели, чтобы кто-нибудь бросил вызов ужасному кериту. Еще никогда они не видели, чтобы кто-нибудь сражался так, как этот загорелый гигант. Еще никогда они не думали, что кто-нибудь может одолеть ночной ужас джунглей. Но человек, в погоню за которым их послали, бросил вызов чудовищу, сражался и победил!

Если в сердцах зверолодей оставалось место каким-нибудь чувствам, эти чувства пробудились при виде битвы Тарзана с чимисетом.

Низшие никогда не разговаривали со своими жертвами: добыча, которую они ловили для жрецов Опара, отличалась в их глазах от дичи только тем, что дичь они убивали сразу, а людей притаскивали в город живьем.

Однако победитель керита настолько не походил на обычную жертву, что один из зверолодей обратился к нему на обезьяньем языке:

— Кто ты, убивший керита и кричавший так, как кричат большие лесные обезьяны?

— Я Тарзан из племени обезьян, — гордо ответил выкормыш Калы. — Если вы пришли за моей жизнью или моей свободой, я буду драться с вами так, как дрался с керитом!

Зверолюди быстро заговорили между собой.

— Лэ велела нам привести в Опар тебя и беловолосую самку, которую ты похитил, — сказал наконец один из уродцев.

— Лэ не получит ни меня, ни ее! — раздувая ноздри, заявил Тарзан.

— Эта самка принадлежит тебе? — последовал вопрос сзади.

Человек-обезьяна не обернулся, чтобы взглянуть на ловчего за спиной, он смотрел только на тех врагов, которые преграждали ему путь.

— Она принадлежит мне! — крикнул воспитанник гориллы, теряя самообладание. — Я убью каждого, кто к ней прикоснется!

Джек молча слушал переговоры Тарзана с окружившей их стаей уродов, не понимая, почему зверолюди не бросаются в бой. Черт, как же будет обидно, победив в схватке с чимисетом, попасться в лапы каким-то выродившимся ублюдкам обезьян!

Ублюдки снова залопотали, переговариваясь друг с другом.

— Мы отпустим тебя, могучий человек, — наконец заявил зверочеловек, стоящий перед Тарзаном. — И не тронем твою самку. Но мы должны привести Лэ какую-нибудь жертву, иначе она разгневется. Отдай нам детеныша, которого ты держишь на спине — однажды он уже был нашей добычей и принадлежит нам!

Ловчий сопроводил свое требование таким выразительным жестом, что даже не знавший обезьяньего языка сразу мог догадаться, чего он хочет.

Лакоми на спине Тарзана вздрогнул и закаменел.

Человек-обезьяна посмотрел в черные глаза уродца и оскорбительно рассмеялся.

— Этот детеныш удрал от тебя, и он тебе не принадлежит! Ты его не получишь!

Зверочеловек шагнул вперед.

— Хорошо, если хочешь оставить его себе, мы не отнимем у тебя добычу. Но вместо украденной тобой беловолосой жертвы мы заберем этого беловолосого человека!

И ловчие начали приближаться к Арно — но становились, услышав низкий, клокочущий, хриплый рык человека-обезьяны.

— Если вы дотронетесь до него, я разорву вас в клочья! — злоеще пообещал Тарзан.

В его голосе была такая угроза, что уроды остановились. Их было полсотни против одного загорелого гиганта, держащего на спине обессиленного ребенка; ведь человек, к которому этот гигант не разрешал подойти, вряд ли выстоял бы в бою даже с самым слабым из зверолюдей... И все-таки ловчие не решались вступить в битву — такой почтительный трепет внушал им могучий победитель керита.

— Мы не можем вернуться в Опар совсем без добычи! — твердо сказал самый старый зверочеловек, с седой, как у гориллы, шерстью.

— Да? Тогда отнесите Лэ тушу керита и скажите, что Тарзан из племени обезьян посылает ей это в подарок! — прорычал приемьш Калы, готовясь к схватке.

К его огромному удивлению, зверолюди отнеслись к предложению вполне серьезно.

Они отступили, сбились в кучу и залопотали, размахивая руками. Наконец один из уродов торжественно сказал:

— Ты прав, Тарзан из племени обезьян. Лэ не будет сердиться, если получит шкуру керита. Еще ни никто из высших Опара не застилал свою постель такой шкурой!

Зверолюди, вытянувшись цепочкой, затрусили сквозь заросли прочь. Когда последний из них скрылся в джунглях, Лакоми длинно вздохнул и обмяк, похоже, потеряв сознание. Джек Арно с таким же длинным вздохом отбросил в сторону сук.

— Пойдем, — сказал ему человек-обезьяна. — И смотри — ни слова Джейн о том, что мы видели зверолодей!

XLVII. Признание

Джейн так и не узнала, как близко к ней подобрались тени из прошлого — те отвратительные зверолоды, которых она изо всех сил старалась забыть.

После того, как Тарзан живым и невредимым вернулся из джунглей, одолев ужасного зверя, ничто больше не омрачало покоя и счастья девушки...

Кроме заботы о больном мальчике, которого принес в миссию ее жених после победы над чимисетом. Джейн ухаживала за Лакоми так, как ей подсказывала ее заботливая нежная натура, и мальчуган на удивление быстро поправлялся.

Вскоре отец Бертран совершил над ним обряд крещения, которого этот маленький язычник так долго был лишен. Но даже крещение не помешало выздоровлению мальчика, которого отныне звали христианским именем Питер, и подросток был на ногах еще до того, как успел привыкнуть к своему новому имени.

Гораздо трудней, чем к этому имени, Питеру-Лакоми оказалось привыкнуть к странным правилам, царившим в доме отца Бертрана, и к неудобной одежде белых. Но смысленный подросток схватывал все так же быстро, как когда-то Тарзан — и человек-обезьяна имел возможность наблюдать со стороны процесс превращения дикаря в цивилизованного человека, который он сам прошел всего полтора года назад.

Но что было делать с Лакоми дальше?

Пастор Бертран, вдохновенно взявшийся за воспитание и обучение мальчика, предложил оставить его в миссии — со многих точек зрения это было идеальным вариантом. Но когда об этом заговорили с Лакоми, тот пришел в такую панику, как будто его хотели отдать зверолодам.

Мальчишка уже успел привыкнуть к мысли, что он вместе с Тарзаном, Арно и Джейн отправится в большой мир белых людей, и даже слушать не хотел о том, чтобы остаться в доме отца Бертрана. Тарзан пытался объяснить мальчику, как трудно ему будет жить в цивилизованном мире, но почти сразу понял бессмысленность таких

объяснений. Лакоми прислушивался к его увещаниям не больше, чем сам Тарзан когда-то прислушивался к увещаниям Арно... А потом в отчаянии прибегнул к заступничеству Джейн.

Этот искусный маневр решил дело: девушка не смогла устоять перед мольбами мальчугана, а Тарзан не смог устоять перед просьбой невесты.

Итак, Лакоми-Питеру суждено было отправиться в большой город, а после — в Америку, где Джейн собиралась отдать его в одну из частных школ. А пока Питер играл в деревне с чернокожими детьми, поражая их воображение рассказами про битву с чимисетом. По его рассказам выходило, что он принимал в этой битве непосредственное участие и без него Тарзан никогда бы не справился с ночным ужасом джунглей.

Еще в ту пору, когда чимисет терроризировал деревню, несколько чернокожих воинов отправились на поиски нового места для поселения. Если бы человек-обезьяна не убил хищника, люди наверняка покинули бы поселок, после чего миссию отца Бертрана вскоре затянули бы джунгли.

Теперь уже никто не думал переселении, но отряд, отправившийся к океану, все еще не возвращался...

Пока однажды днем во время предобеденной молитвы семья и гости пастора не услышали раздавшиеся снаружи громкие крики.

— Надеюсь, это не чимисет, — заметил Джек Арно, с облегчением поднимая склоненную голову.

Нет, это был не чимисет, а отряд разведчиков, наконец-то вернувшийся из долгого странствия. Вся деревня высыпала встречать воинов, спеша обрадовать их известием, что они напрасно совершили столь долгий путь. Черноволосый богатырь уже убил людоеда, теперь им не придется покидать насиженные места!

Вскоре крики приблизились к дому отца Бертрана, и в окно стало видно, что четверо негров несут к жилищу пастора носилки с безжизненно распростертым на них человеком.

Все белые высыпали наружу, и когда носилки поставили у порога, у Джейн вырвался горестный вопль: она узнала облаченного в ветхие лохмотья больного. Девушка бросилась к исхудавшему, обезображенному страданиями существу, которое некогда было ее

женихом и красивым английским лордом, и упала рядом с ним на колени.

Сначала ей показалось, что Клейтон мертв, но в ответ на ее громкий плач он приоткрыл глаза.

— Джейн, — еле слышно сорвалось с его потрескавшихся губ. — Значит, я уже умер?

— Нет, Уильям, нет! — плача, повторяла Джейн Портер. — Ты не умер! И ты не умрешь! Мужайся!

Подобие нежной улыбки промелькнуло в глазах Уильяма Клейтона, но нежность сменилась удивлением, когда он увидел над собой Тарзана.

Тарзан смотрел на человека, которого когда-то так ненавидел. Но теперь даже тень ревности не шевельнулась в его душе, хотя Джейн плакала над своим бывшим женихом, называя его ласковыми словами. К этому жалкому изможденному созданию невозможно было ревновать.

И человек-обезьяна взял на руки своего двоюродного брата и понес его в дом, полный решимости не дать угаснуть слабой искре жизни, еще тлеющей в этом костлявом теле.

Пока жена пастора и его дочери хлопотали, готовя комнату для больного, Тарзан положил Клейтона на диван в гостиной, влил ему в рот воду с несколькими каплями бренди, смочил холодной водой горячий лоб и тощую грудь.

— Все будет в порядке, старина, — заверил человек-обезьяна. — Вас подлечат, и вы сами не заметите, как будете на ногах!

Англичанин слабо качнул головой.

— Слишком поздно, — прошептал он. — Но это даже лучше. Я хочу умереть...

— Не говорите так, Уильям! — плакала Джейн. — Вы поправитесь!

Жена пастора прибежала с кружкой бульона, и Тарзан, приподняв больного, стал поить его, как поил бы ребенка. Но он видел, что в этом человеке уже угасла воля к жизни. Клейтон сделал всего три глотка и откинул голову назад, дрожа от лихорадки.

— Где мсье Тюран? — сквозь слезы наконец рискнула спросить Джейн.

— Роков? — Клейтон оскалил зубы, что при его худобе выглядело страшно. — Он бросил меня, когда болезнь разыгралась... Он — дьявол... Когда я попросил у него воды... Потому что был слишком слаб, чтобы сходить за ней... Он напился, стоя рядом, а остатки вылил на пол и рассмеялся мне в лицо!

Арно судорожно вздохнул, Тарзан яростно стиснул зубы.

Умиравшему воспоминание о Рокове как будто придало сил, и он попробовал приподняться.

— Да, — прорычал он. — Я хочу жить! Я хочу жить, чтобы разыскать и убить это чудовище!

Но сделанное усилие настолько истощило его, что он опрокинулся на спину и замер.

— Не беспокойтесь о Рокове, — Тарзан положил руку на голову Клейтона. — Он получит все, что заслужил, я позабочусь об этом!

— Спасибо... — прошелестел Клейтон.

— Может, вы хотите исповедоваться? — тихо спросил отец Бертран.

— Да, — Уильям открыл глаза и посмотрел на стоящую на коленях рядом с диваном Джейн Портер. — Но не перед богом, а перед женщиной, которую люблю... Джейн!

— Я здесь, — шепнула она, взяв его за руку.

— Я виноват перед вами и перед ним, — англичанин взглянул на Тарзана. — Я слишком сильно любил вас и поэтому боялся признаться...

— Вам не в чем признаваться, Уильям! — перебила Джейн. — Это я виновата перед вами. Я не должна была...

— Подождите... Я должен... сказать... Но... нет... Наверное, у меня не хватит сил... на это... даже сейчас... Джейн... Когда я умру, выньте у меня из кармана бумагу... Там все написано... Джейн... Джейн...

— Я здесь! — прошептала девушка, обнимая умирающего. — Я рядом, Уильям!

Клейтон в последний раз открыл глаза, чтобы взглянуть на склоненное над ним залитое слезами лицо, потом по его телу прошла длинная дрожь, он с легким вздохом вытянулся и затих.

Пастор начал читать молитву. Минуту спустя в комнату вошла жена отца Бертрана — и узнала, что ее хлопоты больше не нужны. Душа

больного отошла к богу, осталось только позаботиться о погребении тела.

Тарзан закрыл лицо Уильяма Сесилия Клейтона углом диванного покрывала.

Несколько минут Джейн, стоя на коленях, повторяла за пастором слова молитвы. Потом вдруг вспомнила о последней просьбе Клейтона и робко нащупала в его лохмотьях вчетверо сложенную бумажку.

Поднявшись на ноги, Джейн Портер сквозь слезы начала читать признание, написанное ее женихом, но так и не попавшее к ней в руки. Дважды прочла она короткое послание, не веря своим глазам.

Потом подняла вопрошающий взор на Тарзана.

— Это правда?!

— Что? — неуверенно переспросил человек-обезьяна.

— То, что здесь написано, — и Джейн протянула Тарзану листок, в котором говорилось, что Уильям Сесиль Клейтон не имеет никаких прав на титул и богатства, принадлежащие его двоюродному брату. И что этот двоюродный брат, истинный наследник покойного лорда Грейстока — Тарзан из племени обезьян!

Пробежав глазами признание Клейтона, человек-обезьяна смутился так, словно его самого уличили в узурпации прав, принадлежащих другому человеку.

— Это правда? — повторила Джейн, заглядывая в глаза жениху.

— Да, правда, — тихо признался Тарзан.

— Почему же ты мне ничего не сказал? Почему отказался от титула, богатства, поместья и вернулся в Африку, чтобы похоронить себя здесь заживо?!

— А зачем мне были титул, богатства и поместья без тебя, Джейн? — человек-обезьяна смущено посмотрел на свою невесту. — И ведь ты тогда собиралась замуж за Клейтона... Если бы я отстоял свои права, я ограбил бы не только его, но и тебя!

Возможно, ей не следовало бы этого делать, но Джейн Портер обняла и поцеловала Тарзана возле еще неостывшего тела Уильяма Клейтона.

XLVIII. Спасательная экспедиция

Клейтона похоронили на территории миссии, и тройной ружейный залп прогремел над могилой молодого англичанина, храбро встретившего свою смерть.

Простившись с гостеприимным отцом Бертраном, Тарзан, Джейн Портер, Арно и Лакоми отправились в город, откуда можно было вернуться в большой мир, и добрались туда без всяких приключений.

Большая часть сокровищ Опара осталась лежать в тайнике в джунглях, Тарзан взял с собой только несколько слитков, однако и этого с лихвой хватило бы, чтобы надолго обеспечить им роскошную жизнь и расплатиться со всеми долгами Джека Арно.

Лакоми доставлял своим покровителям не больше хлопот, чем доставил бы любой выросший в городе сорванец, и Джейн с удовольствием учила его английскому языку, радуясь, что может отвлечься от тяжелых воспоминаний о смерти Клейтона.

Позади у нее было много страшного и тяжелого, но впереди лишь одно облачко застилало солнечный горизонт. Получив наконец-то возможность телеграфировать в Америку и сообщить отцу, что она жива, Джейн Портер узнала из ответной телеграммы, что об остальных потерпевших крушение пассажиров «Леди Алисы» по-прежнему нет никаких известий.

Джейн не хотела и думать о том, что ее лучшая подруга Элоиза Стронг погибла. Нет, три другие шлюпки наверняка тоже пробило к берегам Африки — а это значит, что Элоиза сейчас вместе с Теннингтоном и командой «Леди Алисы» терпит такие же ужасные лишения, какие еще недавно терпела сама Джейн...

Тарзан поддерживал в невесте убеждение, что мисс Стронг спаслась, но уверял девушку, что все несчастья, якобы неизбежно уготованные выброшенным на берег восемнадцати людям с «Леди Алисы» существуют лишь в ее воображении. У Теннингтона и его товарищей есть оружие и инструменты, в его группе шестнадцать сильных здоровых мужчин — наверняка они неплохо обустроились и спокойно ждут помощи. Если его отец, лорд Грейсток, продержался на

берегу Африки целый год, имея на руках жену и малютку-сына, неужели отряд Теннингтона не сумеет позаботиться о себе?

Спокойные доводы возлюбленного успокаивали Джейн, но она с нетерпением ждала, когда же Тарзан и Арно найдут подходящее судно, чтобы двинуться вдоль берегов Африки на поиски потерпевших кораблекрушение.

Такое судно вскоре нашлось — прочная двухмачтовая шхуна «Газель» была зафрахтована вместе со всем экипажем; капитан ее, мистер Нортон, имел двадцатилетний опыт плавания в Атлантике.

К счастью, Тарзан и Арно приблизительно знали, где искать Элоизу Стронг и Теннингтона. Негры из миссии отца Бертрана объяснили, в каком именно месте на берегу они нашли древесную хижину с умирающим человеком; три других шлюпки, подхваченных тем же течением, наверняка вынесло на берег не так далеко от первой.

И «Газель» с Тарзаном, Джейн, Арно и Лакоми на борту отправилась вдоль африканского побережья на юг.

Несмотря на начинающиеся зимние штормы, «Газель» упорно продвигалась вперед; экипаж и пассажиры не забывали обследовать в бинокли каждый ярд побережья, но местность казалась безлюдной и дикой. Миля за милей тянулись поросшие джунглями то пологие, то холмистые берега без всякого признака человеческого жилья.

Джейн уже начала отчаиваться, как вдруг утром шестого дня ее разбудил крик вахтенного и далекий ружейный выстрел.

Полуодетая девушка выскочила на палубу и с ликованием увидела на берегу четыре маленьких домика, а возле самой воды — машущих руками и стреляющих в воздух людей. Несмотря на расстояние, она узнала высокого Теннингтона, широкоплечего капитана в морском кителе и...

— Элоиза!! — закричала мисс Портер, протягивая к подруге руки.

— Уж спускают шлюпку, Джейн, — спокойно сказал Тарзан, очутившись рядом с невестой. — Я же говорил, что все будет в полном порядке, а ты не верила!

Девушка посмотрела на него сияющими глазами.

— Я верила, Тарзан! Я всегда тебе верила! — ответила она.

Джейн едва дождалась, пока Тарзан перенесет ее на берег, выскользнула из его рук и во весь дух побежала к подруге. Элоиза Стронг, которая минуту назад с удивлением убедилась, что глаза ее не обманывают — в шлюпке и впрямь сидит Джейн Портер — бросилась навстречу. Обе девушки обнялись и долго не разжимали объятий.

Теннингтон и его товарищи засыпали вопросами спасших их людей — каким образом двухмачтовая шхуна оказалась на этом пустынном побережье? Как они нашли потерпевших кораблекрушение? Откуда на шхуне взялась мисс Портер?

Джейн и Элоиза оставили мужчин выяснять все эти вопросы, а сами, взявшись за руки, направились к домику, где жили мисс Дэн и мисс Стронг. Им столько надо было друг другу рассказать!

Спасенные не успели еще прийти в себя от неожиданной радости, как лорд Теннингтон нарушил оживленную беседу одной брошенной вскользь репликой.

— Скоро полдень, — сказал он, взглянув на солнце, — мсье Тюрану пора бы уже вернуться!

Молодой англичанин невольно вздрогнул, увидев, как изменилось лицо его собеседника.

— Мсье Тюран?! — прорычал Тарзан. — Вы хотите сказать, что он здесь?!

Спасенный удивленно посмотрел на своего спасителя, озадаченный такой бурной реакцией на самое невинное замечание.

— Да, он пришел к нам в лагерь дней двадцать тому назад и сказал, что единственный остался в живых из пассажиров четвертой шлюпки. Мсье Тюран рассказал, что мисс Портер унес лев, а Уильям умер от лихорадки... Теперь мы с радостью убедились, что Джейн жива, и мне не терпится услышать историю ее спасения...

— Где сейчас Тюран? — невежливо перебил человек-обезьяна.

По выражению лица черноволосого богатыря Теннингтон понял, что тот спрашивает вовсе не из пустого любопытства.

— Он отправился в лес подстрелить что-нибудь к обеду. Француз ушел еще на рассвете, вот почему я сказал, что ему пора бы уже вернуться... Представляю, как он удивится, когда увидит мисс Портер!

— Еще больше он удивится, когда увидит меня! — зловеще пообещал Тарзан.

— Тарзан... Можно тебя на минуту? — окликнул прислушивавшийся к разговору Джек Арно.

Он взял приятеля за локоть и отвел в сторону.

— Он здесь, — сквозь зубы проговорил Тарзан, не отрывая взгляда от чащи. — Этот зверочеловек здесь, и теперь он мой!

— Послушай, не забывай, что закон строго карает за умышленное убийство!

— Какое мне до этого дело?! — рявкнул Тарзан.

— Очень большое, — серьезно возразил Арно. — Если ты прикончишь Рокова и тебя посадят в тюрьму, это разобьет сердце Джейн Портер. Так стоит ли месть этому ничтожному человеку двух сломанных жизней — ее и твоей?

— Ты хочешь, чтобы я его отпустил?! — ярость, исказившая лицо человека-обезьяны, показала Арно, насколько неистовым может быть воспитанник гориллы в ненависти, как и в любви.

— Нет, конечно. Но пусть все идет законным путем! Мы посадим его под замок до Америки, а в Балтиморе передадим властям...

Тарзан перестал стискивать кулаки.

— Ты прав, — хрипло проговорил он. — Кое о чем я не подумал. Было бы слишком гуманно просто свернуть шею этому негодяю, ведь со смертью кончаются все счеты. Но медленное умирание за решеткой — вот участь, которую заслужил Николай Роков! Да, я возьму его живьем, и он очень долго будет расплачиваться за все, что совершил!

Арно кивнул.

— Что ж, тогда пойду попрошу капитана Нортоня приготовить надежную каюту для самого «почетного гостя». Может быть, у него даже найдутся и кандалы, хоть и не золотые... Но, по правде говоря, Роков не заслужил золотых!

Уже половина потерпевших кораблекрушение была перевезена на шхуну, а Элоиза Стронг и Джейн Портер все не выходили из хижины.

Никто не мешал их беседе, понимая, сколь многим хочется поделиться двум лучшим подругам, так долго находившимся в разлуке. Даже мисс Дэн долгое время не мешала своей подопечной, но в конце концов все-таки решила пойти поторопить Элоизу. Им пора отплывать на «Газель», где девушки смогут продолжить свою беседу в нормальной, цивилизованной обстановке!

Компаньонка мисс Стронг направилась к хижине, постучала, открыла дверь... И тотчас страшный визг пронесся над побережьем, заставив всех мужчин, имевших под рукой оружие, схватиться за ружья и револьверы.

Тарзан и лорд Теннингтон наперегонки бросились к хижине, отстранили в сторону продолжавшую визжать мисс Дэн...

Они увидели лежащую на полу возле стола Элоизу Стронг. Джей испуганно вскрикнул, увидев на виске девушки кровь, но куда более громкий крик вырвался у Тарзана, потому что Джейн Портер исчезла!

XLIX. Месть Рокова

Николай Роков, возвращаясь из джунглей, издалека услышал громкие незнакомые голоса.

Его первой радостной мыслью было то, что в их лагерь наконец-то прибыла помощь, и теперь они смогут вернуться в цивилизованный мир. Николай ускорил шаги, но вдруг резко остановился: один из голосов показался ему странно знакомым. Нет, не может быть!

Крадучись, как хищное животное, Роков добрался до края джунглей и выглянул из-за прикрытия ствола.

В глазах у него потемнело, когда он увидел на берегу рядом с Теннингтоном высокого черноволосого человека, которого сразу узнал по широким плечам и гордой посадке головы. Но самое страшное, что, держась за руки с Элоизой Стронг, к хижине шла Джейн Портер!

Роков застыл, пытаясь разобраться в сумятице сбивчивых мыслей.

Итак, Джейн Портер спаслась! И теперь эта американская сучка наверняка попытается засадить ему в тюремную камеру, куда давно мечтает его отправить и выкормыш гориллы. С другой стороны, как мисс Портер сумеет доказать справедливость своих обвинений? Его слово стоит слова американки! Правда, она может сообщить французской полиции, что Поль Тюран в действительности — Николай Роков... Черт дернул его в минуту слабости признаться в этом!

Какое-то время русский стоял в нерешительности, а потом решил послушать, о чем рассказывает подруге Джейн Портер. Если ему грозит только смешное обвинение в попытке изнасилования, он вернется вместе с Теннингтоном и остальными в цивилизованный мир и легко выкрутится из этой истории — не впервой! Но вот столкновение с де Кудом и его дружками из министерства, обвинившими русского в шпионаже, будет, пожалуй, поопасней, чем существование в одиночку в африканских джунглях...

Роков пополз к хижине и залег под окном, незамеченный и людьми на берегу, и девушками в доме. Николай начал прислушиваться к доносившемуся до него разговору... И чем дольше он слушал, тем страшнее становилось его лицо.

Только сейчас он понял, какая опасность ему грозила! Если бы он показался Тарзану из племени обезьян, его жизнь вряд ли продлилась бы даже минуту. Роков уже давно подозревал, что Джейн Портер влюблена в дикого выкормыша гориллы, и вот теперь он не только убедился в правильности своих предположений, но и узнал, что Тарзан отвечает американке такой же страстной любовью. А еще русский узнал, что могучий человек из джунглей поклялся отомстить Рокову-Тюрану за все зло, причиненное его невесте, и за издевательства над умирающим Уильямом Клейтоном!

— Я тоже ненавижу этого человека, дорогая, — со вздохом сказала Джейн подруге, — но я так боюсь, что Тарзан не совладеет с собой и убьет негодяя, как только его увидит!

— И пусть убивает! — кровожадно воскликнула Элоиза. — Разве Тюран не заслужил смерть? Подумать только — Джей в свое время ревновал меня к этому мерзавцу!..

— Господи, Элоиза, что ты такое говоришь? — ахнула Джейн Портер. — Неужели ты не понимаешь, чем подобная месть грозит Тарзану? Я даже подумать не могу о том, чтобы он снова предстал перед судом — на этот раз по обвинению в умышленном убийстве!

Дальше Роков-Тюран уже не стал слушать. Пока на него выплескивались разоблачительные речи Джейн, он успел продумать план действий, продиктованный страхом и мстительной злобой.

Наверное, не существовало на свете людей, которых Николай Роков ненавидел бы больше, чем Тарзана из племени обезьян и его невесту. Каждый из этих людей успел унижить его, каждый из них осмелился ему угрожать — а вот теперь они хотели отнять у него жизнь или свободу! Ничего, сейчас он покажет обезьяньему ублюдку и его самке, каково встать поперек дороги Николаю Рокову!

И русский, распахнув незапертые ставни, одним прыжком очутился внутри хижины.

— Элоиза! Элоиза! Очнитесь! — Теннингтон смочил лоб любимой девушки холодной водой.

Мисс Стронг вздрогнула, открыла глаза и увидела склоненные над собой встревоженные лица.

— Что со мной?... — простонала она. — Где Джейн?..

— Вы же были с ней вместе! — воскликнул Тарзан. — Ради бога, что здесь случилось?

Элоиза поднесла руку к виску, в котором пульсировала боль, сморщилась и села на лежанке, куда уложил ее Теннингтон.

— Мы сидели и разговаривали... А потом... Потом... О господи! — мисс Стронг вдруг вспомнила последние секунды перед тем, как жестокий удар лишил ее чувств, и схватила за руку Теннингтона.

— Потом здесь появился Тюран! Он ударил меня по голове и, наверное, похитил Джейн!

Бедная Элоиза вскрикнула и зажала уши, когда жених ее подруги, вскинув голову, испустил такой страшный вопль, какой она ни разу в жизни не слышала ни от человека, ни от зверя.

Далеко в джунглях вопль человека-обезьяны достиг ушей Рокова-Тюрана, и русский злобно усмехнулся: значит, Тарзан наконец обнаружил пропажу своей невесты! Что ж, к тому времени, как сын гориллы настигнет похитителя, тот уже будет недосыгаем для его звериной злобы.

И Роков, поправив на плече бесчувственное тело оглушенной девушки, устремился сквозь джунгли дальше — к торчащей над лесом одинокой скале.

На вершине этой трехсотфутовой скалы была пещера, которую русский и Теннингтон обнаружили во время одной из охотничьих вылазок. Они наверняка бы не догадались о существовании странного логова, если бы не увидели толстую лестницу, сделанную из лиан и палок, свисающую почти с самой вершины.

Роков и Теннингтон рискнули подняться по примитивному сооружению и очутились в пещере размером с большую комнату. Там они обнаружили остатки постелей из шкур, обглоданные кости в углу и следы старого костра. Охотники долго ломали голову, что за существа когда-то устроили себе логово в этой пещере.

С одной стороны, выжженное пятно на полу и грубая лестница говорили о том, что здесь побывали люди. С другой стороны, ни один человек не смог бы взобраться сюда! Скала имела почти отвесные и гладкие, как стекло, стены; только в некоторых местах из трещин торчали маленькие деревца... Но деревца росли слишком далеко друг

от друга, чтобы их можно было использовать для подъема. Нет, даже обезьяна не смогла бы вскарабкаться наверх и прикрепить лестницу к огромному камню у входа в пещеру!

Оставалась единственная возможность: в дальней стене имелась щель, за которой, судя по движению воздуха, находилось еще одно помещение. Может, там есть какой-нибудь лаз, ведущий к подножию горы? Но Роков и Теннингтон напрасно пытались протиснуться в щель — она была слишком узка.

Для двоих охотников навсегда осталось загадкой, что за существа грелись у этого костра; черные волосы на постелях, которые Тарзан сразу опознал бы как шерсть зверолодей, ничего не сказали молодому лорду и его спутнику.

Теннингтон вскоре вообще перестал думать о диковинном логове — у него хватало других забот — но русский часто приходил сюда и поднимался в пещеру, восхищаясь ее неприступностью. Он так и не нашел никакого лаза у подножия горы и, как все хищные животные, гордился своей укромной берлогой. Если бы он знал, для чего ему вскоре понадобится эта пещера!

Оставив ружье внизу, Роков с Джейн Портер на плече поднялся по висячей лестнице. Это был очень трудный подъем, но ненависть придала русскому сил. Бросив девушку посреди логова, он спустился за ружьем — правда, Николай успел прихватить в хижине мисс Стронг револьвер, оставленный Элоизе Теннингтоном для защиты от хищников, но полагал, что лишнее оружие не помешает. Наконец Роков поднялся в пещеру в последний раз, втянул лестницу внутрь и ликующе захохотал.

Все получилось, как он задумал! Теперь никакой выкормыш обезьяны не сможет до него добраться. Да, теперь он властвует над жизнью и смертью своих заклятых врагов!

Под этот громкий хохот Джейн Портер наконец очнулась и, еще не открыв глаза, вспомнила, что произошло.

А когда девушка распахнула глаза и встретила взглядом с гнусно ухмыляющимся Николаем Роковым, она взметнулась на ноги и бросилась к выходу из пещеры.

Только в самый последний миг Джейн Портер успела замереть на краю, и вскрикнув, судорожно схватилась рукой за горло. Под ее

ногами зияла пропасть, а далеко внизу зеленело бескрайнее море джунглей.

Дрожа всем телом, девушка обернулась — и Роков приветствовал ее улыбкой безраздельного злобного торжества.

— Добро пожаловать в мой дворец, мисс Портер! — издевательски проговорил он. — Чувствуйте себя как дома!

L. Осада

Лорд Теннингтон, задыхаясь от быстрой ходьбы, остановился у подножия скалы и показал рукой вверх.

— Он убрал лестницу, значит, он там!

Тарзан жадно осмотрел склон от поросшего травой и мелкими деревцами земляного подножья до каменной отвесной стены, оканчивающейся входом в пещеру. Поняв, что по сравнению с этой скалой укрепления Опара — ничто, человек-обезьяна побежал вокруг горы, надеясь отыскать подходящее для подъема место.

Шестеро матросов с «Леди Алисы» и Теннингтон не последовали за ним: они знали, что остальные склоны горы выглядят точно так же. Только Лакоми бросился за Тарзаном, а Арно устремился в другую сторону, намереваясь обследовать скалу с запада.

Через неполный час все опять были в сборе.

Все это время Теннингтон кричал, окликая Рокова и требуя сказать, жива ли мисс Портер, но ни единого звука не донеслось в ответ из пещеры.

Когда Тарзан вернулся, на него было страшно смотреть. Всем стало ясно, что человек-обезьяна не нашел никакой возможности подняться наверх и вырвать невесту из лап озверевшего мерзавца. Лицо приемьша Калы подергивалось от ярости, сквозь стиснутые зубы вырывалось глухое рычание; матросы испуганно поглядывали на разъяренного черноволосого гиганта.

Тарзан, запрокинув голову, долго молча смотрел на далекий вход в пещеру — и наконец разразился оглушительным криком:

— Роков!!! Я убью тебя, негодяй!!!

Все отшатнулись от Тарзана, но его крик не только ошеломил Теннингтона и матросов, но и заставил наконец похитителя высунуть нос из укрытия.

В отверстии пещеры появилась человеческая фигура, и Николай Роков, посмотрев на беснующегося внизу Тарзана, громко захохотал.

— Давай, убей меня, выкормыш гориллы! Только сначала заберись сюда! А пока твоя невеста составит мне компанию! Не сомневаюсь,

скоро мисс Портер поймет, чем отличается общество такого павиана, как ты, от общества такого человека, как я!

С этими словами Роков скрылся в пещере.

Тарзан взревел и бросился вверх по склону. Он легко одолел первые сорок футов, где на мягкой земле росли небольшие деревья, потом каким-то немыслимым чудом прополз еще тридцать футов по казавшейся совершенно гладкой стене... И, сорвавшись, полетел вниз под испуганные крики наблюдавших за ним людей.

Человек-обезьяна извернулся в воздухе, ухватился на ветку тонкого дерева и вместе с ней упал на землю.

Оттолкнув подбежавшего к нему Арно, Тарзан заметался, рыча, не спуская глаз с недоступной для него пещеры.

И вдруг к обезумевшему жениху Джейн Портер подскочил перемазанный в земле Лакоми, который все это время рыскал по склонам скалы, как гончий пес.

— Тарзан, я нашел, нашел!

Человек-обезьяна непонимающе уставился на него налитыми кровью глазами — что мальчуган мог найти такого, что ускользнуло бы от него самого?

Но Лакоми продолжал тянуть богатыря за собой, и, движимый отчаянной надеждой, Тарзан со всех ног бросился туда, куда показывал мальчик.

Все остальные побежали следом.

Мальчуган вскарабкался по западному склону до густого кустарника, и, раздвинув ветви, показал нечто, напоминающее вход в большую нору.

— Она ведет вверх! — возбужденно объяснил Лакоми. — Все вверх и вверх, на много шагов!

— Роков предполагал, что во второй комнате пещеры может быть лаз, — вспомнил Теннингтон. — Так что, возможно, этот ход и впрямь ведет туда, где находится мисс Портер. Но он слишком узок, только ребенку и впору в него пролезть...

Тарзан зарычал от сознания собственного бессилия. Впервые в жизни он ненавидел свою мощную грудь и широкие плечи! Он рванулся было вверх по склону, но остановился, стиснув кулаки.

— Я прополз тридцать шагов, — быстро рассказывал мальчик, — но потом ход перекрыли камни, и я не смог их разобрать...

Человек-обезьяна начал раскачиваться от душевной боли. Там, наверху, Джейн, наверное, звала его на помощь — а он стоял здесь и ничем не мог ей помочь!

— Я пролезу сюда, — вдруг сказал Арно, сидевший на корточках возле норы. — И посмотрю, что там можно сделать с камнями.

Все посмотрели на него, как на безумца.

— Но может быть, этот ход вовсе не ведет в пещеру? — предположил Теннингтон.

— Мы должны сейчас использовать каждый шанс, верно? — Арно уже снимал охотничью куртку. — Если этот ход не ведет в пещеру, мы все равно ничего не теряем!

Он отцепил от пояса нож, флягу и отдал их Теннингтону.

— Эта амуниция может мне помешать.

— По-моему, это сущее безумие, — слабо проговорил Джей. — Вас там засыплет или вы задохнетесь!

— А вы видите другой выход? — возразил Арно. — Я — нет. Пока я вижу только вход, и я им воспользуюсь, хотя он и тесноват!

Он снял с руки золотой браслет и отдал его Тарзану.

— Отдашь, когда я вернусь. И не теряй здесь головы, слышишь?

Человек-обезьяна несколько раз пытался что-то сказать, но не мог.

— Если тебе все-таки удастся туда пробраться... — наконец выдал он. — У этого негодяя есть ружье... Но Джейн ни за что не должна пострадать!

— За этим я и иду, не беспокойся!

Джек лег на живот и протиснулся в нору: она была так узка, что, пожалуй, ни один из моряков не смог бы туда пролезть. Только худощавому другу Тарзана было такое под силу — да еще Лакоми... Мальчик хотел сунуться в нору вслед за Джеком, но Теннингтон оттащил его. В логове русского зверя впридачу к девушке не хватало еще и заложника-ребенка!

Тарзан запрокинул голову и издал долгий яростный крик.

— По-моему, ваш жених беспокоится, — ухмыльнулся Роков, прислушиваясь к далекому воплю. — Не хотите с ним поговорить?

Джейн, съежившаяся в углу пещеры, не шевельнулась.

Когда Роков в первый раз предложил ей поговорить с Тарзаном, девушка приняла его слова за чистую монету — но едва она

приподнялась, как русский ударил ее по лицу.

— Я спросил, не хотите ли вы поговорить с вашим павианом, — прошипел он тогда, — но я не разрешал вам этого сделать! Зарубите себе на носу, мисс — здесь вы у меня в гостях и будете делать только то, что я вам разрешу!

Джейн забилась в самый дальний угол и сжалась, стараясь занимать можно меньше места.

Роков внушал ей даже больший ужас, чем похитившие ее некогда зверолоуди или чудовищный Теркоз. Наверное, с таким леденящим замиранием в груди она глядела бы на свернувшуюся перед броском змею...

Русский прекрасно видел, какие чувства он внушает своей пленнице, и наслаждался ее беспомощностью и страхом. Девушка была целиком в его власти, никто не мог прийти ей на помощь! А поскольку он, Роков, был хозяином Джейн Портер, он был хозяином и выкормыша гориллы, который бесновался сейчас внизу — и мог сколько угодно водить человека-обезьяну на коротком поводке.

Не торопясь, с удовольствием Роков обдумывал детали предстоящей мести... Эта месть должна была закончиться смертью человека-обезьяны и его невесты.

В своем же спасении русский почти не сомневался. Когда он вволю насладится бессильной яростью Тарзана, он велит ему явиться за девчонкой — без оружия и одному. Конечно, сын гориллы выполнит его требования — и когда дикарь поднимается по лестнице так высоко, что можно будет заглянуть ему в глаза, он, Роков, немного поговорит с Тарзаном, а потом прострелит ему голову!

Николай уже знал, что будет делать потом: ближе к ночи, угрожая жизни девушки, он велит убраться подальше в джунгли тем олухам, которые собрались внизу. Конечно, Теннингтон и его люди уйдут, и тогда он улизнет в темноте. Кроме человека-обезьяны никто не сможет выследить его в джунглях, а человек-обезьяна к тому времени будет уже мертв... Остается обдумать, прикончить ли девчонку перед побегом или забрать с собой. Пожалуй, это будет зависеть от ее поведения!

— Что притихла? — ухмыльнулся русский, взглянув на девушку. — Гляжу, ты что-то заскучала, киска! Может, нам немного развлечься?

— Роков! — донесся снаружи далекий крик Теннингтона. — Отпусти мисс Портер! И тебе позволят уйти!

Роков, неторопливо поднявшись, вразвалку пошел к устью пещеры. Он встал так, чтобы его нельзя было задеть выстрелом из ружья.

— А с чего ты взял, что девчонке здесь не нравится? — прокричал русский. — Она в восторге от моего жилища и моего общества! Вот только немного проголодалась... Пора бы вам снабдить нас едой и питьем! Вы же не будете морить даму голодом, верно?

— Я хочу знать, что мисс Портер жива! — крикнул Теннингтон. — Тогда ты получишь все, что нужно!

Русский чертыхнулся, вернулся к Джейн и, ухватив за волосы, поднял с пола.

— Пошли! Пошевеливайся, сучка!

У Джейн вырвался стон боли, но она тут же замолчала — при Рокове она боялась даже стонать.

— Смотри! — гаркнул русский, подтащив девушку к выходу. — Она живехонька, убедился? Давай, собери нам еду, да не забудь про виски!

При виде своей невесты в руках безжалостного негодяя Тарзан сделал еще одну безумную попытку взобраться на отвесную стену. Роков с любопытством наблюдал за его подъемом, а когда Тарзан сорвался, довольно захохотал.

— Видать, плохо ты учился у своей мамы-гориллы! Попробуй еще разок, глядишь, и свернешь свою обезьянью шею!

— Тарзан! — вскрикнула Джейн.

Роков, рванув ее за волосы, оттащил от входа, но девушка успела увидеть, что ее возлюбленный зашевелился и встал на ноги. Слава богу, он не разбился! — и эта мысль помогла Джейн молча перенести боль, когда Роков ударом кулака швырнул ее на прежнее место.

LI. Зверочеловек

Джек полз по узкому ходу, и комья земли сыпались ему за шиворот и в волосы. Он старался не думать, что будет, если ему не удастся справиться с камнями, о которых говорил Лакоми. Вряд ли он сможет вернуться, если стены сдавливают его со всех сторон, как ветчину в сэндвиче!

Наконец вытянутые руки Джека уперлись в камень. Он попробовал нажать на него — очень осторожно, боясь вызвать резким движением обвал. По дороге сюда он испытал все муки, пережитые Тарзаном во время бегства из Опара, и мысль о возможности быть похороненным заживо под обвалившимся сводом приводила его в дикий ужас.

Дюйм за дюймом Арно отжимал камень — до тех пор, пока тот не подался и не откатился в сторону. Джек возликовал, поняв, что впереди пустое пространство, гораздо более обширное, чем этот ход. Два других камня подались уже легче, и после отчаянных усилий, сделавших бы честь любому червю, Арно выдавил себя из узкого лаза. Он встал на колени в крошечной темноте на круто уходящем вверх полу.

Джек опустился на четвереньки и пополз вверх; вскоре земляной пол сменился каменным, а наклон стал настолько крутым, что Арно приходилось уже не столько ползти, сколько карабкаться. Путешествие казалось бесконечным; Джек подумал, что если оно продлится еще час-другой, он наверняка заработает клаустрофобию впридачу к боязни высоты.

И все-таки он находил в этом долгом пути положительные стороны: такой длинный и крутой ход вполне мог вести в пещеру наверху...

Отплевываясь от сыплющейся на лицо каменной крошки, ссаживая ладони о шершавый камень, Джек Арно продолжал карабкаться вверх в надежде добраться до Джейн Портер и спасти ее от чудовища, которое держит девушку в плену.

Роков вволю позабавился явным разочарованием, которое вызвало у собравшихся внизу людей его решение проблемы доставки

продовольствия. Люди Теннингтона, небось, надеялись, что он, как последний идиот, скинет им лестницу! Но Николай спустил вниз прочную тонкую веревку, большой моток которой он давно хранил в пещере. Эта веревка не выдержала бы даже годовалого младенца — зато прекрасно выдержала мешок с продовольствием и флягами с водой, который лорд Теннингтон привязал к ее концу.

Роков обследовал содержимое мешка и с аппетитом принялся за еду, даже не пытаясь предложить что-нибудь своей пленнице.

Впрочем, Джейн и не прикоснулась бы к пище: девушку тошнило от страха.

Она по-прежнему сидела, забившись в угол, и старалась ободрить себя надеждой, что Тарзан непременно ее спасет. Но вопреки безграничной вере Джейн в смелость, силу и ловкость человека-обезьяны отчаяние все больше овладевало ею. Раз Тарзан до сих пор не пришел, значит, русский прав: в эту пещеру невозможно подняться! Конечно, рано или поздно ее жених все-таки придумает, как добраться сюда... Но что, если будет слишком поздно?

Роков пожирал куски жареного мяса, чавкая и насмешливо поглядывая на нее. Как же он напоминал зверочеловека! Джейн закрыла глаза, чтобы не видеть его отвратительного лица.

— Вот так-то лучше, — сказал русский, похлопав себя по животу. — Теперь самое время для десерта. По-моему, мисс, вы кое-что мне должны. Пришло время оплатить должок — а потом я возьму долг и с вашего жениха! Но первый взнос — за вами. Итак, моя прелесть, чем вы намерены заплатить?

Он встал и направился к ней.

Глядя на него остановившимися от ужаса глазами, девушка вжалась в стену пещеры.

— Пора посмотреть, что у вас есть такого, что разохотило дикого выкормыша гориллы!

Роков осмотрел ее с головы до ног — и вдруг оставил свой издевательски-вежливый тон. Теперь это был не зверочеловек, а зверь, даже не пытающийся прикидываться человеком. Он приподнял губу, обнажив клыки, и сощурил влажные глаза.

— Ну, что уставилась, недотрога? Раздевайся, живо!

— Нет... — дрожая, прошептала Джейн.

— Кому говорят! — удар ногой в бок прервал ее дыхание. — Я тебя сейчас так отделаю, что ты навсегда позабудешь, как говорить «нет» Николаю Рокову!

Еще один удар — наотмашь по лицу — швырнул Джейн на земляной пол. Роков уже стоял над ней; схватив ее за платье на груди, он резким движением разорвал его сверху донизу.

Джейн дико закричала.

— Нет! Нет! Тарза-ан!..

Кулак раскровянил ее губы и на мгновение прервал крик.

Роков срывал с нее платье, колотя свободной рукой по лицу, груди и плечам, но девушка отбивалась так отчаянно, что ему никак не удавалось с ней справиться.

После удара под ребра Джейн с хрипом скорчилась, подтянув колени к животу... Но зверочеловек схватил ее за волосы и намотал их на кулак, ослепив ее новой невыносимой болью.

Последние несколько ярдов по уходящему ввысь каменному полу Арно уже не полз, а бежал: потолок поднялся, стены раздались, впереди наконец-то забрезжил свет! И вскоре после того, как Джек завидел солнечные блики, его слуха коснулись далекие глухие крики девушки и бешеная ругань мужчины.

Арно спешил, как только мог — и вот оказался в пещере, скупо освещенной сквозь трещины в потолке. Крики раздавались теперь совсем близко; но путь ему преградила рассеченная узкой щелью скала. Джек заглянул в эту щель... И кровь застучала у него в висках.

Секундой спустя, разорвав рубашку на груди и спине, Джек рывком протиснулся в пещеру, где бесновался Николай Роков, и оказался у мерзавца за спиной.

Отбивающаяся из последних сил Джейн увидела Арно, появившегося как будто прямо из стены — и решила, что ей изменил разум. Наверное, дикий ужас и отчаяние заставили ее вообразить, будто к ней наконец-то пришла помощь...

Всклокоченный, перемазанный, как дьявол, Джек Арно схватил Рокова за плечо и оторвал от Джейн; развернул насильника к себе лицом и ударом кулака впечатал в стену. Русский коротко взвизгнул — но визг его перешел в хрип после метко нацеленного пинка в промежность. Зверочеловек, сипя, согнулся пополам, но Арно рывком

за волосы выпрямил его и пнул еще раз, вкладывая в это движение такую ярость, какую мог бы вложить в него разве что Тарзан.

Теперь русский больше всего на свете мечтал упасть, но ему удалось это сделать только тогда, когда удар в солнечное сплетение швырнул его через всю пещеру.

Негодяй лежал, скорчившись и заходясь душераздирающими стонами, а Джек подобрал его ружье и кинул к камню у выхода.

Потом он повернулся к Джейн, которая сидела, придерживая на груди остатки разорванного платья, глядя на него огромными глазами.

— Джейн, успокойтесь! — ласково сказал Арно, направляясь к ней. — Теперь вам не...

В глазах девушки вдруг вспыхнула такая паника, словно за его спиной она увидела ядовитую змею.

Джек быстро обернулся — и в тот же миг русский, умудрившийся привстать, дважды выстрелил в него из револьвера.

Первый выстрел сбил Арно с ног, как удар чимисета, второй настиг уже на полу. И сквозь заполнившую весь мир боль он услышал душераздирающий крик:

— Дже-е-е-ек!!!

Люди под скалой услышали выстрелы и этот крик.

Все застыли, оцепенев, а Тарзан отозвался на голос своей невесты воплем, заставившим побледнеть и отшатнуться даже отважного лорда Теннингтона.

Тяжело дыша, человек-обезьяна смотрел на безмолвное устье пещеры, как будто насмехающееся над его яростью и горем... Тарзан со стоном обхватил голову руками, повернулся и бросился прочь от придавленных случившейся трагедией людей.

Все-таки Джек Арно успел кое-чего добиться: Рокову теперь даже больно было думать о том, чтобы овладеть строптивой американской сучкой. Мерзавец едва смог дотащить до мешка с припасами и теперь сидел, глотая виски, как простую воду.

Но куда больше виски Николаю Рокову помогало созерцание истекающего кровью человека, который так жестоко исколотил его. Вот почему он не стал добивать раненого: все равно тот сдохнет, и как же приятно будет наблюдать за его агонией!

Поэтому Николай Роков не мешал Джейн перевязывать плечо и грудь Арно оторванными от юбки лоскутами. Он не помешал девушке и тогда, когда она перетащила раненого на разостланные у стены шкуры и села, положив его голову себе на колени. Спустя несколько минут Арно очнулся, но не сразу смог заговорить.

— Не беда, Джейн, — наконец прошептал он, — все будет в порядке! Незачем плакать...

Она и не думала плакать, просто слезы сами текли у нее по щекам. Видя, что кровь все не останавливается, девушка принялась туже затягивать повязки.

Арно вытерпел это молча, крепко сжав зубы. Джейн обмотала его плечо и грудь еще одним слоем ткани... И только сейчас вспомнила, что почти раздета. Она попыталась прикрыть обрывками платья свое изукрашенное синяками тело, но то была напрасная попытка.

— Послушайте, Джейн... У меня две сестры, — тихо проговорил Джек. — Я не падаю в обморок при виде небрежно одетой девушки... А на это животное тем более не стоит обращать внимание, — он пренебрежительно посмотрел на Рокова. — Вы ведь не стали бы смущаться присутствием собаки...

Роков отшвырнул бутылку и с трудом встал.

Джейн вся съежилась, когда он подошел, но Арно смотрел на русского с брезгливым интересом, словно изучал редкое ядовитое насекомое.

— Ты назвал меня собакой? Немедленно извинись, ублюдок! — прошипел Роков.

— Конечно, извиняюсь, — не задумываясь, ответил Арно. — Тысячу раз извиняюсь перед собаками!

Роков пнул его в раненое плечо.

Тарзан возник рядом с Теннингтоном так же внезапно, как и исчез.

— В снаряжении, которое вы захватили, есть толстая веревка? — отрывисто бросил он.

— Да, футов на пятьдесят.

— Хорошо. Этого хватит.

— Хватит для чего?

— Для того, чтобы подняться на скалу.

Теннингтон посмотрел на него с глубоким состраданием.

— Друг мой, это невозможно! С веревкой или без...

— Возможно. И если бы я додумался до этого раньше, Джек сейчас был бы жив.

— Мистер Клейтон, я безмерно сочувствую вашей потере, но...

— Где веревка? — перебил Тарзан таким тоном, что один из матросов со всех ног бросился за куском пенькового каната.

Лорд Грейсток больше не буйствовал, но в его синих глазах горело упорное безумие, способное испугать любого, у кого появилась бы мысль ему помешать.

Теннингтон в сопровождении матросов поспешил вслед за Тарзаном к западной части скалы, откуда не видно было входа в пещеру. Никто не понимал, что задумал жених Джейн Портер.

Лакоми подал человеку-обезьяне обрубок небольшого дерева, вырванного из земли вместе с корнями: крючковатые корни, очищенные от коры, напоминали якорные лапы. Тарзан накрепко привязал к футовому стволу веревку и скинул рубашку и ботинки.

— Не понимаю, как вы хотите... — не выдержал Теннингтон.

— Сейчас поймете, — сквозь зубы проговорил Тарзан.

Он поднялся до того места на склоне, выше которого начиналась неприступная стена, и, раскрутив, швырнул вверх свой деревянный «якорь» с привязанной к нему веревкой. Сучья зацепились за ствол небольшого деревца, растущего из щели на тридцать футов выше головы Тарзана. Человек-обезьяна ухватился за веревку и стал быстро подниматься, даже не удосужившись проверить рывком прочность ненадежной опоры.

Теннингтон и остальные, онемев, следили за этим сумасшедшим подъемом. Каждую секунду они ждали, что или сломается тонкий ствол дерева, или треснут деревянные крючья... Однако Тарзан благополучно достиг цели, встал во весь рост на торчащем из скалы угрожающе прогнувшемся стволе и снова забросил свой странный метательный снаряд — на этот раз на ствол дерева, растущего на пятнадцать футов выше.

Следующей целью человека-обезьяны стал нависающий над пропастью большой уступ: он швырял туда деревянную кошку трижды, прежде чем лапы зацепились за выпуклости камня.

Так, вырывая у скалы фут за футом, Тарзан из племени обезьян одолевал расстояние, отделяющее его от вершины. Люди внизу

замирали от ужаса, следя за его продвижением, но человек-обезьяна ни на минуту не прервал свой путь и ни разу не дрогнул. Ярость, клокочущая в его душе, не оставила места ни для каких других чувств.

Роков облизал сладкие от фруктового сока пальцы и начал пить воду из фляги. Он растягивал каждый глоток, пристально глядя на Арно. Сам переживший муки жажды, русский отлично знал все ее признаки и с удовольствием наблюдал за тем, как раненый кусает пересохшие губы. Роков намеревался растянуть пытку как можно дольше, не сомневаясь, что рано или поздно Арно не выдержит и попросит пить...

А тогда он поступит с ним так же, как поступил с Клейтоном!

Но Джек упорно молчал, не глядя на Николая Рокова...

Зато вдруг тихо взмолилась Джейн:

— Пожалуйста, дайте ему напиться, мистер Роков!

— Если хочет пить — пусть сам попросит! — насмешливо отозвался русский.

— Джейн, — шепнул Арно.

— Да, — тихо откликнулась девушка, наклоняясь к нему.

— Этот скот наверняка когда-нибудь уснет... И тогда можно будет сбросить вниз лестницу...

Арно попробовал двинуться, чтобы узнать, сможет ли он привести свой замысел в исполнение — и почти потерял сознание от слабости и боли.

— Не надо, Джек, — взмолилась девушка. — Не шевелитесь! И... Если вам от этого будет легче — ругайтесь, пожалуйста, не стесняйтесь! Я не падаю в обморок от крепких слов...

Арно тихо засмеялся и скрипнул зубами.

— Жаль, что Тарзан так и не научил меня ругаться по-обезьяньи, — тяжело дыша, пробормотал он.

Джейн Портер молча гладила его горячий лоб.

— Ведь Тарзан придет сюда, правда? — наконец прошептала она.

— Конечно, придет... Так же верно, как карающее провидение...

Тарзан подтянулся на веревке, захлестнутой вокруг низенького такири, растущего на самой вершине. Он был совсем рядом с целью и

только огромным усилием воли сдерживал бешенство, готовое излиться в крике.

И вот человек-обезьяна встал на вершине и отвязал веревку от деревянного «якоря».

Бесшумно, как леопард, Тарзан двинулся туда, где подобие козырька нависало над входом в пещеру. На полпути он привязал канат к еще одному отважному деревцу, пустившему корни в расщелине в двадцати шагах от козырька.

Человек-обезьяна взялся за конец веревки и замер, пытаясь уловить, что сейчас происходит в пещере. Но там стояла такая тишина, как будто внутри не было ни одного живого существа.

— Джейн... — еле слышно прошептал Арно. — Если я начну терять сознание... Теревите меня, не давайте бредить... Я не хочу, чтобы... этот подонок слышал... чтобы... он...

— Мы ведь не должны обращать на него внимания, верно? — ласково напомнила Джейн. — Какая разница, что он услышит или подумает...

— Эй, вы, там! Хватит шептаться! — рявкнул Роков. — Разве вас не учили, что невежливо секретничать в присутствии третьего лица? Но я думаю, тебя, американец, уже поздно учить хорошим манерам, — русский отбросил в сторону флягу. — А значит, пришло время преподать тебе самый последний урок.

Он встал и вытащил револьвер.

— Сейчас ты сдохнешь, убудок. И умирать ты будешь медленно — так медленно, что успеешь во всех подробностях припомнить нашу первую встречу на корабле!

— Нет... — пробормотала Джейн Портер, начиная дрожать всем телом.

Она согнулась над Арно, не отрывая глаз от дула револьвера в руке приближающегося убийцы.

— Не надо, Джейн... — прошептал Арно. — Отойдите...

Русский подошел на расстояние пяти шагов и поднял револьвер.

— Нет! — умоляюще выкрикнула девушка.

— Вот что, мисс, — прошипел Роков. — Или вы отойдете в уголок или схлопочете пулю за компанию с этим придурком!

— Джейн... уйдите...

Арно попытался оттолкнуть прикрывающую его девушку, но едва смог приподнять руку.

Русский ухватил Джейн за остатки платья и с мерзкими ругательствами стал оттаскивать от раненого, которого она так самоотверженно пыталась защитить...

И вдруг застыл, прислушиваясь. Какой-то очень странный звук донесся от входа в пещеру.

Русский осторожно двинулся к устью, держа наготове револьвер. Он выглянул и убедился, что внизу по-прежнему дежурят идиоты, все еще надеющиеся его изловить.

— Глупцы! — презрительно крикнул им Роков.

Еще раз прислушался, пожал плечами, отошел от входа...

Тарзан из племени обезьян ворвался в пещеру, держась за свисающую сверху веревку, и ударил русского всем телом.

Роков отлетел к дальней стене, распластавшись по ней, как пришипленное насекомое. Трясущейся рукой он вскинул револьвер, но Тарзан обрушился на него, как демон мести, и сжал кисть врага, в которой тот держал оружие. Так могла бы стиснуть не рука, а пыточные тиски, дробя и перемешивая в одно целое кости, плоть и железо.

У русского вырвался нечеловеческий визг, а человек-обезьяна, скрутив его одежду на груди, начал медленно ломать ему ребра, глядя на Рокова с испепеляющей молчаливой яростью, куда более страшной, чем самый пронзительный из всех боевых криков воспитанника гориллы. Близко, еще ближе, совсем рядом от покрытого потом лица негодяя оказались сверкающие в хищном оскале белые зубы и пылающие ненавистью синие глаза Тарзана...

Русский захрипел, попытался взмолиться о пощаде, но голос не повиновался ему. И тогда впервые заговорил Тарзан.

— Нет, — глядя на своего врага так, как будто хотел вырвать у него не только сердце, но и душу, тихо проговорил он. — Ты не умрешь так быстро! Теперь ты мой, и я сделаю с тобой все, что захочу!

Николай Роков дернулся и, не выдержав ужаса и нестерпимой боли, потерял сознание.

А Тарзан внезапно услышал за своей спиной тихий голос Джейн. Человек-обезьяна обернулся, и его искаженное яростью лицо чудесным образом преобразилось.

До сих пор он не видел ничего и никого, кроме ненавистного врага.

А теперь он наконец-то заметил Джейн, скорчившуюся в углу — покрытую синяками и кровоподтеками, в изорванном в клочья платье, но живую!! А рядом с его невестой лежал Арно — с перевязанными окровавленными тряпками плечом и грудью, мертвенно бледный, но тоже живой!!

Тарзан одним прыжком очутился возле них, и Джейн, обняв жениха за шею, спрятала лицо у него на груди. Человек-обезьяна ласково и бережно погладил ее по голове, а когда она разомкнула руки, так же осторожно прикоснулся губами к ее покрытой синяками щеке.

Потом он наклонился над другом, быстро осмотрел пропитавшиеся кровью повязки у него на груди и ободряюще улыбнулся.

— Хорошо, что ты решил к нам заглянуть, — пытаюсь изобразить ответную улыбку, прошептал Арно. — Мы уже начали по тебе скучать, правда, Джейн?..

— Тарзан, ты не принес воды? — жалобно спросила девушка. — Роков все выпил сам...

— Нет. Прости... — человек-обезьяна виновато и нежно погладил Джейн по искалеченной щеке. И вдруг в его глазах промелькнуло смятение. — Любимая, этот негодяй тебя не... Он не...

— Нет, — успокоила девушка, начиная плакать. — Джек ему помешал!

Тарзан посмотрел на Арно, и этот взгляд был красноречивей самой длинной благодарственной речи.

— Спасибо, — тихо проговорил он.

— Или у меня предсмертный бред, — пробормотал Джек, — или только что произошло грандиозное событие...

— Какое? — Тарзан взял его за руку.

— Ты наконец-то одолел произношение слова «спасибо»...

ЛII. Отбытие

Спустя две недели «Газель» приготовилась к отплытию.

Кроме Элоизы Стронг, Теннингтона и экипажа «Леди Алисы» на шхуне отправлялся в плавание и Николай Роков — вернее, то, что от него осталось.

В течение последней недели Тарзан время от времени навещал своего врага в каюте, где его держали под замком. Эти посещения человека-обезьяны снились потом русскому в кошмарных снах, заставляя ночью вскакивать с койки. Воспитанник гориллы мог довести Рокова до истерики одним только молчаливым присутствием и неотрывным взглядом прищуренных глаз, следящих за каждым движением арестанта. Впервые в жизни человек, не боявшийся ни дьявола, ни бога, ни Сибири, ощущал леденящий ужас неотвратимой гибели.

Будь у Тарзана побольше времени, он наверняка отправил бы своего недруга не на скамью подсудимых, а в сумасшедший дом...

Но человек-обезьяна был слишком занят другими делами, чтобы окончательно разделаться с заклятым врагом.

Больше недели Тарзан вместе со своей невестой оставался рядом с Арно в пещере на вершине скалы. Корабельный врач, с трудом вскарабкавшись на такую высоту, извлек пули из груди и плеча Джека, но заявил, что надежды на выздоровление нет. Юноша потерял слишком много крови, у него уже началась лихорадка, а при подобной слабости у лихорадки может быть только один исход. И, конечно, любая попытка переместить раненого быстро приблизит роковую развязку...

Взбираясь вверх по подвесной лестнице на следующий день, врач был уверен, что совершает жуткий подъем не ради помощи страждущему, а ради засвидетельствования факта смерти. Каково же было его удивление, когда он застал Арно живым!

Еще сильнее врача поражала девушка — казалось, после всех пережитых кошмаров мисс Портер должна была стремиться немедленно покинуть страшное логово, а она, наоборот, настояла на том, чтобы остаться здесь. И врач невольно отметил, что его пациентка

находится в куда лучшем состоянии, чем следовало бы ожидать после зверских побоев, которые она перенесла. Ушибы мисс Портер вскоре почти прошли, и ее душевное равновесие восстанавливалось поразительно быстро.

Доктор никогда бы не поверил, что Джейн так быстро оправилась от побоев благодаря снадобьям Лао и что бороться с мыслями о пережитом ужасе ей помогала тревога за другого человека... А впридачу — ощущение полной безопасности рядом с Тарзаном на вершине неприступной скалы.

Стараниями мисс Портер и ее жениха пещера превратилась в весьма удобную комнату, и при каждом новом посещении этого орлиного гнезда врач все больше недоумевал.

Раненый упорно оставался в живых! Больше того — он уже пробовал сам приподнимать голову, когда Тарзан поил его каким-то дикарским настоем. Жар спал, вместе с лихорадкой прошли бред и мучительные боли, раны затягивались на удивление хорошо. Но скептически настроенный по отношению к знахарству врач отказывался верить, что столь быстрому процессу заживления способствовали туземные мази, которыми ежедневно пользовал своего друга лорд Грейсток.

Самоотверженный доктор еще несколько раз одолевал подъем по висячей лестнице и наконец торжественно заявил, что ручается за выздоровление мистера Арно.

Тарзан и Джейн, которые уже давно могли за это поручиться, сердечно поблагодарили эскулапа, а Джек радушно пригласил доктора почаще заглядывать на огонек.

Наконец Арно почувствовал себя настолько бодрым, что человек-обезьяна рискнул снести его вниз... И когда матросы доставили носилки с раненым на берег, врач во всеуслышанье объявил, что это самое удачное исцеление за всю его многолетнюю практику.

Только одно беспокоило доктора, как и всех остальных: погода стремительно ухудшалась, и капитан «Газели» говорил, что если они в ближайшее время не отчалят, им придется остаться здесь до весны.

Однако раненому сейчас, конечно, было еще не под силу вынести плавание во время начинающихся зимних штормов...

Решение предложила Джейн: пусть «Газель» возвращается, забрав Николая Рокова и всех людей с «Леди Алисы», а Тарзан, она и Джек

Арно останутся на берегу.

Человек-обезьяна и сам знал, что это наилучший выход из положения, и все же предложил невесте вернуться в город вместе с Элоизой и Теннингтоном. Девушке нелегко будет провести всю зиму на африканском побережье, где отсутствуют многие удобства, так необходимые цивилизованным женщинам!

В глубине души Тарзан надеялся, что его невеста откажется... Но он никак не ожидал, что Джейн в ответ разразится рыданиями.

Как только ее жених мог подумать, что она бросит его ради каких-то жалких удобств?! К тому же она ни за что не вынесет путешествие на одном судне с Николаем Роковым, если рядом не будет Тарзана!

Человек-обезьяна поцеловал невесту и отправился к капитану Нортону.

— Позаботьтесь, чтобы Николай Роков был передан властям из рук в руки, — мрачно проговорил он. — Да хорошенько присматривайте за ним по дороге, такая змея легко находит даже самую маленькую дырку в мешке! Лорд Теннингтон тоже позаботится об арестанте... А я перед отплытием зайду с ним попрощаться.

Никто никогда не узнал, как именно прощался лорд Грейсток с Николаем Роковым, но матрос, спустя два часа принесший арестованному еду, нашел русского забившимся в угол каюты в полубессознательном состоянии.

Приготовления к отплытию были завершены очень быстро; сложнее всего оказалось убедить Элоизу, что ей вовсе незачем оставаться вместе с подругой: Джейн будет с Тарзаном в такой же безопасности на диком африканском побережье, в какой была бы в самом цивилизованном из городов. Потом пришлось долго уговаривать Лакоми отправиться в город вместе с мисс Стронг и ее женихом...

Но наконец все уезжающие примирились с разлукой: ведь им снова суждено было встретиться с остающимися на берегу через каких-то три месяца.

И вот в один из редких погожих дней «Газель» подняла паруса и направилась вдоль берега на север, а Джейн Портер и Тарзан стояли у кромки воды и махали вслед судну.

Джек Арно грозился тоже выйти провожать шхуну, но, к счастью, проспал — иначе у него вполне хватило бы упрямства попытаться

выполнить свою угрозу.

Глядя на белое платье Элоизы, мелькающее на корме, Джейн обеими руками держалась за могучую руку Тарзана. Хотя шхуна и увозила от нее подругу, девушке казалось, что вместе с этим судном уплывают прочь все ее несчастья и страхи.

Ведь вместе с «Газелью» от нее удалялся Николай Роков!

— Теперь все будет хорошо, — сказал Тарзан, ласково обнимая плечи Джейн.

— Все уже хорошо! — тихо отозвалась она.

— Ты не жалеешь, дорогая, что не уехала вместе с Элоизой? Через два-три месяца ты была бы дома...

Джейн Портер подняла глаза на своего жениха — Джона Клейтона, лорда Грейстока.

— Мой дом — там, где ты, Тарзан! — ответила она.

© Редактура А.Овчинниковой

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)